

Ирвин Шоу

Irvin Shaw

Растревоженный эфир
Люси Краун

Библиотека классики (АСТ)

Ирвин Шоу

**Растревоженный
эфир. Люси Краун**

«Издательство АСТ»

1951, 1956

УДК 821.111-32
ББК 84(7Сое)-44

Шоу И.

Растревоженный эфир. Люси Краун / И. Шоу — «Издательство АСТ», 1951, 1956 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-159207-3

«Растревоженный эфир» (1951). Мрачные времена маккартизма, подозрительности и страха. В студии популярной радиостанции беспокойно: сотрудников обвиняют в том, что они коммунисты, журнал угрожает раскрыть эту информацию, череда незначительных событий приводит к катастрофам, и режиссер Клемент Арчер вновь и вновь встает перед трудным выбором... «Люси Краун» (1956). Брак Оливера и Люси Краун был образцом для подражания, предметом зависти соседей и друзей. Оливер – успешный богатый бизнесмен, Люси – красивая покорная жена, нежно любящая мать, ради семьи оставившая работу. Однако для того чтобы понять, что их счастливый брак всего лишь иллюзия, потребовалось пятнадцать лет – и всего одно роковое лето...

УДК 821.111-32

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-159207-3

© Шоу И., 1951, 1956

© Издательство АСТ, 1951, 1956

Содержание

Растревоженный эфир	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	42
Глава 5	51
Глава 6	56
Глава 7	61
Глава 8	69
Глава 9	83
Глава 10	88
Глава 11	94
Глава 12	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ирвин Шоу

Растревоженный эфир. Люси Краун

© Irwin Shaw, 1951, 1956

© Перевод. В. Вебер, 2023

© Перевод. А. Герасимов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Растревоженный эфир

Посвящается Мартину

Глава 1

На обшитой звукопоглощающим материалом стене висели часы, длинная стрелка которых, отсчитывая минуты вечера четверга, приближалась к нижней точке. До половины десятого оставалось всего ничего. Негр в кашемировом пиджаке и со шрамами на щеке всматривался сквозь очки в листки с текстом, зажатые в его руках, проговаривая ремарку, на репетиции показавшуюся всем присутствующим очень забавной. Пятнадцать миллионов слушателей смеялись. Должны были смеяться. Или не смеяться. Но последствия их реакции могли сказаться лишь позже, при заключении очередного контракта.

У пульта Клемент Арчер, отделенный от студии звуконепроницаемым стеклом, помахал рукой, показывая, что они не укладываются в отведенное время. И тут же Виктор Эррес, стоявший рядом с негром, заговорил чуть быстрее, чем обычно, сокращая паузы. Потерянные секунды удалось отыграть.

Убедившись, что этот четверг остался на них, Арчер откинулся на спинку стула, всматриваясь в актеров, находившихся по другую сторону стекла. Сладкоречивые рыбки в чистеньком аквариуме, они то подплывали к кормушкам-микрофонам, то уплывали от них, и их голоса и звуки музыкальных инструментов из другой комнаты аккуратненько смешивались звукоинженером, который сидел в наушниках за пультом рядом с Арчером.

Музыка набирала мощь, и дирижер выделял трубача гораздо больше, чем хотелось бы Покорны, автору этой композиции. Арчер не сомневался, что Покорны, который устроился на краешке стула за его спиной, сейчас недовольно морщится. Арчер повернулся. Покорны морщился. Он никогда ничего не скрывал. Толстые обвисшие щеки, маленькие бесцветные глазки за стеклами очков, розовый ротик бантиком мгновенно отражали любую мысль, мелькавшую в голове композитора. Вот и сейчас красноречивой мимикой он стремился сообщить всему миру, что не несет никакой ответственности за те звуки, которые этот мясник-дирижер вытягивает из своего оркестра, что американцы играют слишком громко, он об этом предупреждал, боролся изо всех сил, но, как обычно, потерпел поражение, потому что он иностранец.

Арчер улыбнулся и вновь посмотрел на актеров. Музыка ему нравилась. Он потерял лысину. Волос Арчер лишился к двадцати пяти годам, но в процессе приобрел вредную привычку хвататься за макушку несколько раз в час, словно стараясь убедить себя в том, что плохие новости – явь, а не плод его воображения. С той поры минуло аж двадцать лет, никаких подтверждений больше не требовалось, но маковку он тер по-прежнему.

Музыка смолкла, завершающая сцена плавно катилась к последней фразе. По другую сторону студии, в галерее, отделенной от нее еще одним звуконепроницаемым стеклом, сидели О'Нил, представитель агентства, продюсировавшего программу, и спонсор. На лице спонсора отражались не радость, не тревога, а чувство собственного достоинства. «Будем считать, что он всем доволен», – подумал Арчер и вслушался в длинный диалог Эрреса.

Сцена закончилась, грянула музыка. Покорны вновь скорчил гримасу, но уже не столь выразительную. Диктор хорошо поставленным голосом отрекламировал продукт. Чувство собственного достоинства не покидало спонсора ни на секунду. Прогремел и стих последний музыкальный аккорд. Инженер отключил звук. На несколько секунд в студии повисла благословенная тишина. Арчер моргнул и поднялся. В студии актеры оторвались от микрофонов и заговорили. Арчер похлопал звукоинженера по плечу.

– Ты молодец, Джонни. Никогда в жизни не видел столь артистичного звукоинженера. Такие элегантные движения левой руки, такая власть над музыкантами, такой контроль над представителями Американской федерации актеров радио¹.

Бревер, звукоинженер, заулыбался.

Эррес поднял голову, посмотрел в пультовую, нашел взглядом Арчера и приглашающе вскинул руку, словно держал в ней стакан.

– Характерный актерский жест. – Арчер кивнул Эрресу. – Как по-твоему, Джонни, что у него в стакане – пиво или бурбон?

Он двинулся к выходу мимо Барбанте, который все еще сидел на стуле, постукивая сигаретой по тяжелому золотому портсигару. Барбанте писал сценарий программы, и обычно в такие моменты лицо его становилось иронически-воинственным. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, он одевался как дипломат и всегда благоухал дорогой туалетной водой. После передачи Арчер не любил общаться с Барбанте.

– А сценарий очень даже ничего. – Арчер чуть поморщился – не нравился ему запах туалетной воды. – Ты со мной согласен, Дом?

– Я-то думал, что сценарий превосходный. Иначе и не скажешь. Сэр Артур Уинг Пинеро² дважды перевернулся в могиле от зависти.

– Сообщение для всего творческого коллектива. – Арчер смотрел на Барбанте, которого, мягко говоря, недолюбливал. – С этой самой минуты критика сценариев оплачивается из гонорара автора.

– Ты меня спросил, амиго, – Барбанте широко улыбнулся, – я тебе ответил. Со следующей недели могу попросить прибавки.

– Мистер Арчер, мистер Арчер, – подал голос Покорны, который, стоя за спиной режиссера, надевал длинное пальто.

Арчер уловил в его тоне жалобные нотки и тяжело вздохнул, поворачиваясь к композитору.

Покорны уже обмотал шею шерстяным шарфом. Рыжеватый твидовый костюм был ему велик, брюки волочились по земле. На розовом пальто, там, где оно облегало животик Покорны, темнели жирные пятна. Длинные редкие седые волосы свисали из-под широких полей черной велюровой шляпы. Покорны выглядел как кавалер, отвергнутый слабоумной гувернанткой, дядя которой играл в военном оркестре. Композитор подошел к Арчеру и схватил его за руку.

– Мистер Арчер, при всем моем уважении к вам я считаю необходимым отметить оскорбительное поведение дирижера. – Говорил он с певучим венским акцентом, никогда не моргал, и у Арчера создавалось впечатление, что композитору, когда он вел речь о своей музыке, хотелось сесть к собеседнику на колени.

– А мне показалось, что с музыкальным сопровождением у нас полный порядок, Манфред. – Из вежливости Арчер назвал Покорны полным именем, зная, что привычного уменьшительного Мэнни тот терпеть не может.

– Возможно, не мое дело затрагивать эту тему, – еще крепче вцепился в рукав Арчера Покорны, – но я чувствую, что мой долг сказать вам: каждая нота сыграна на сто процентов фальшиво. – Влажные губы Покорны задрожали. – Я просто хочу, чтобы вы знали мое мнение. Дирижер отказывается говорить со мной, вот я и ставлю вас в известность о том, что переходы должны быть резкими, острыми, как грани бриллиантов. Мы же имеем поток сентиментальности, Ниагару взбитых сливок, Рейн патоки.

¹ Американская федерация актеров радио и телевидения (поначалу только радио) – профсоюз, основанный в 1937 г. и объединяющий актеров, певцов, дикторов и специалистов некоторых технических специальностей, обеспечивающих радио- и телетрансляции. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Пинеро, Артур Уинг (1855–1934) – английский драматург.

Арчер улыбнулся и осторожно высвободил рукав.

– Я знаю, Манфред. Вы правы. На следующей неделе я приму меры. Положитесь на меня.

Арчер вышел из пультной и спустился в студию. Барбанте последовал за ним, переброшив через руку черное пальто из мягкой ткани, и направился к мисс Уилсон, самой симпатичной из артисток, занятых в программе. Та разговаривала в углу с другой актрисой, исполнявшей характерную роль, и делала вид, что совсем не ждет Барбанте. «Роста в нем от горшка два вершка, физиономия – смотреть не на что, кто бы мог подумать, что такие вот красотки будут ждать Барбанте, этого надушенного холостяка, – с завистью подумал Арчер. – Должно быть, есть в этом коротышке особенные качества, оценить которые могут только женщины. Причем с любого расстояния, вплоть до мили. А в условиях плохой видимости – по приборам». Арчер увидел, как на губах девушки расцвела нервная улыбка, свидетельствующая о том, что она готова сдать на милость победителя, и отвернулся, недовольно хмурясь.

Но к нему уже спешила Элис Уэллер, и суровые морщины на лице Арчера тут же разгладились. Элис все старались гладить по шерстке, ведь жизнь у нее вообще складывалась неудачно, а в последние два года она катастрофически старилась.

– Как я сегодня? – спросила Элис, близоруко щурясь. Она уже надела свою ужасную шляпку, которая сидела у нее на голове, как хлебница. – Во второй сцене я все сделала, как ты и хотел? – низким молящим голосом спросила она.

– Сегодня ты была неподражаема, – ответил Арчер. – Как всегда.

– Спасибо. – Элис покраснела от удовольствия, а ее пальцы забегали по сумочке. – Очень приятно слышать от тебя такие слова. – Стараясь изгнать мольбу из голоса, Элис добавила: – Может так случиться, что я понадоблюсь тебе на следующей неделе, Клемент?

– Конечно! – воскликнул Арчер. – Я в этом почти уверен. Я тебе позвоню. Надеюсь, сходим куда-нибудь на ланч.

– Вот было бы здорово, – живо откликнулась Элис. – С нетерпением буду ждать...

Арчер наклонился и поцеловал ее в щеку.

– До свидания, дорогая. – Отходя, он заметил, что Элис вновь покраснела.

– Азартные игры... – говорил Эррес, когда Арчер подходил к нему. – Азартные игры – проклятие человека труда. – Он и Стенли Атлас играли в «орла и решку». – Одну минуту, Клемент. Должен же я его обчистить.

– Стенли, – повернулся Арчер к актеру-негру, который полез в карман за новыми монетами, – сегодня ты опять затягивал.

– Правда? – Стенли достал два четвертака.

– Ты знаешь, что затягивал. – В голосе Арчера слышались нотки раздражения. – Ты бы попытался рассмешить и смерть.

Атлас улыбнулся. Когда он улыбался, двойной шрам на щеке начинал напоминать кавычки. Лицо у Атласа было очень спокойное, и едва ли кто мог подумать, что он когда-то бывал в местах, где в драке люди пускают в ход бритву. Модная одежда, литературная речь... лишь легкий акцент указывал на то, что детство его прошло в Тампе.

– Мои слушатели ждут от меня этого, Клем. – Атлас подкинул два четвертака. – Голос черного, ленивого Юга. Реки, неторопливо несущие свои воды, ивы на берегах, мулы на пыльных дорогах...

– Когда ты в последний раз видел мула? – спросил Арчер.

Атлас снова улыбнулся.

– В двадцать девятом году. В кино.

– Тем не менее, – Арчера раздражало это умиротворенное черное лицо над белым воротничком, – отныне я прошу тебя прибавить скорости, говорить быстрее.

– Да, босс, – кивнул Атлас, – конечно, босс, будет исполнено, босс. – Он повернулся к Эрресу и через несколько мгновений остался без двух четвертаков.

В студию, застегивая пуговицы пальто, вошел О'Нил. Пальто это, отороченное норкой, ему подарила актриса-жена, купающаяся в деньгах. Иногда он надевал и котелок. Арчера восхищала смелость О'Нила, появляющегося на людях в пальто, отороченном норкой, да еще и в котелке. В данный момент О'Нил придал своему лицу очень серьезное выражение, которое шло ему, как борода – олдермену.

– Ага, – улыбнулся Эррес, – отороченный норкой О'Нил.

– Привет, Вик, – поздоровался О'Нил. – Стенли, Клемент. Хорошее шоу. Спонсор доволен.

– Сегодня мы умрем счастливыми, – заверил его Арчер.

– Клемент и я собираемся выпить с моей женой, – сказал Эррес. – Составишь нам компанию?

– Спасибо, – ответил О'Нил. – Не могу. У меня дела. – Он посмотрел на Арчера: – Клем, можно тебя на минутку?

– Через минутку вернусь, – пообещал Арчер Эрресу и последовал за О'Нилом в дальний угол. Студия практически опустела, лишь звукорежиссер сидел за роялем и наигрывал мелодии песен. Сейчас вот звучала «La vie en rose»³. Звукорежиссер напрочь забыл о тех звуках, за которые получал деньги: шум дождя, шаги по дорожке, усыпанной гравием, скрежет сталкивающихся автомобилей. Он переключился на мелодию песни о несуществующем теплом острове посреди южного океана. Играл он плохо, но зато с чувством, и слушатели сразу понимали, что звукорежиссера очень тянет в те далекие спокойные, меланхолические дали.

О'Нил остановился и повернулся к Арчеру.

– Послушай, Клем, – прошептал он, – один человек устраивает нашему спонсору небольшую вечеринку, и он хочет, чтобы ты пришел.

– С удовольствием. – Арчер никак не мог взять в толк, почему О'Нил потащил его в дальний угол и перешел на шепот. Сообщение на секрет явно не тянуло. – Мы только заскочим в «Луи», заберем Нэнси Эррес и приедем. Какой адрес?

О'Нил покачал головой.

– Нет, – вновь зашептал он. – Эрреса не приглашают.

– А-а... – протянул Арчер. – Ну, тогда извини.

– Спонсор хочет поговорить с тобой.

– В любое время с девяти до пяти. Спонсору скажи, что после работы со мной договариваться сложно.

– Хорошо. – Чувствовалось, что О'Нил с трудом сдерживается. – Я ему совру, что у тебя разболелась голова.

– Ложь – основа современных общественных отношений. Так что деваться нам от нее некуда, Эммет.

О'Нил ответил долгим взглядом темно-синих глаз. Взгляд был дружелюбным, хотя в нем и читалось некоторое замешательство. О'Нил чем-то напомнил Арчеру бульдога, который пытается общаться с людьми, но не знает, чем восполнить отсутствие дара речи.

– Извини, Эммет. Я обещал Вику, что поеду с ним.

– Понятное дело. – О'Нил энергично кивнул. – Не бери в голову. Сможешь заглянуть завтра в мою контору? Мне надо тебе кое-что рассказать.

Арчер вздохнул.

– Пятница у меня выходной, Эммет. Нужно ли так спешить?

– Скорее да, чем нет. Дело важное. Как насчет одиннадцати?

– В половине двенадцатого. Завтра мне захочется выспаться.

³ Жизнь в розовом свете (*фр.*).

– В половине двенадцатого. – О’Нил надел шляпу. – Только не звони мне, чтобы сообщить, что не сможешь прийти.

– О’Нил, ты эксплуататор. – Во взгляде Арчера появилось любопытство. – А в чем, собственно, дело?

– Я скажу тебе завтра.

О’Нил вышел из студии, не попрощавшись ни с Эрресом, ни с Атласом.

Звукорежиссер все сидел за роялем и теперь сражался со сложной аранжировкой «Волшебного вечера». В музыке слышалась великая печаль, словно он сообщал слушателям о том, что всякий раз, когда влюблялся, ему давали от ворот поворот.

Арчер покачал головой, забыв об О’Ниле и его проблемах до завтрашнего утра. Взяв пальто и шляпу, он направился к Эрресу, который освободил карманы Атласа от мелочи и теперь читал газету.

– С делами покончено, – доложил Арчер. – Пора и развеемся.

– Хит сезона – убийство из милосердия. – Эррес кивнул на газету и надел пальто. Вдвоем они направились к двери, на прощание махнув рукой Атласу, который дожидался приятеля. – Врачи с инъекциями воздуха, мужья с мясницкими ножами, дочери с полицейскими револьверами. В эти дни милосердного насилия выше крыши. Общество открывает совершенно новый путь к святости. На суде над военными преступниками по окончании следующей войны защищать их будет общество сторонников эвтаназии⁴. Они, конечно, скажут, что водородная бомба сброшена из жалости. Чтобы спасти население города, а то и страны от мучительной смерти от рака в частности и от тягот жизни вообще. Весомый аргумент. Кто решится вынести обвинительный приговор?

Арчер улыбнулся.

– Я знал, что кто-нибудь наконец-то докажет, сколь опасен для здоровья прямой эфир. Всем чиновникам от радио – служебная записка: «Будьте осторожны, имея дело с прямым эфиром».

Они вошли в кабину лифта, чтобы выйти из нее двадцатью этажами ниже навстречу порывам холодного ветра.

Светились витрины, тротуары приятно удивляли чистотой, мимо медленно проползали свободные такси. Арчер чувствовал, что вечер только начинается и впереди их еще ждут славные дела.

Он зашагал к Верхнему Манхэттену, Эррес пристроился рядом. Оба высокие, широкоплечие. Правда, Эррес был почти на десять лет моложе. Эхо их шагов отдавалось от стен домов. Шли они на север, навстречу ветру.

– Что с О’Нилом? – спросил Эррес. – У него было такое лицо, будто инженеру укусила его за зад.

Арчер усмехнулся. С Виктором надо держать ухо востро. Он вроде бы ничего не замечает, а на самом деле от него не ускользает ни одна мелочь. Его внутренний барометр улавливает малейшие изменения эмоциональной атмосферы.

– Не знаю. Может, спонсор чихнул во время рекламной паузы. Или гардеробщица погладила норку против шерсти.

– Норка, – кивнул Эррес. – Парадная форма. Надевается на парады, на заседания военного трибунала и при демобилизации. Как по-твоему, теперь, когда О’Нил так тепло одет, он будет голосовать за республиканцев?

– Я в этом сомневаюсь, – с самым серьезным видом ответил Арчер. – Вся семья О’Нила страдает от привычной травмы – «теннисного локтя»⁵. Слишком долго и часто они дергали

⁴ Эвтаназия – умерщвление безнадежно больных по гуманным соображениям.

⁵ Воспаление локтевого сустава, характерное для профессиональных теннисистов.

за рычаг машины для голосования, стараясь обеспечить победу демократам как минимум в двенадцати округах.

– Парень он, конечно, хороший, учитывая то, что спонсор мертвой хваткой держит его за яйца.

Арчер улыбнулся, но от слов Эрреса его покорило. Вернувшись с войны, Вик постоянно сдабривал свою речь казарменными шуточками независимо от того, кто его слушал. Арчеру такие солености резали слух, о чем он как-то сказал Эрресу. На это тот с улыбкой ответил: «Вы должны извинить меня, профессор. С образованием у меня не очень, а мой лексикон формировался на службе родине. На войне, знаете ли, ругательства в ходу. Но я не говорю ничего такого, чего нельзя прочесть в любой хорошей библиотеке».

Эррес не грешил против истины. К тому же большинство знакомых Арчера все чаще и чаще расцветивали свою речь теми же ругательствами, отдавая дань моде, и Арчер поневоле задумывался, а не отстает ли он от жизни, когда внутренний цензор вновь и вновь указывал на неуместность подобных выражений в цивилизованной беседе. И когда с губ Эрреса слетали такие словечки, Арчер спрашивал себя, а не свидетельствуют ли они о каком-то тайном изъяне их дружбы.

Арчер мотнул головой, злясь на себя и свои размышления. Наверное, это отголоски его учительского прошлого, неистребимого желания обучить студентов правилам хорошего тона.

– Когда я смотрел на тебя сегодня, у меня промелькнула одна мысль, – нарушил молчание Арчер.

– Озвучь ее, – попросил Эррес. – Озвучь свою единственную мысль.

– Я подумал, что ты очень хороший актер.

– Упомяни про меня в рапорте, – улыбнулся Эррес. – Когда в следующий раз пойдешь в штаб дивизии.

– Ты слишком хорош для радио.

– Измена! – Эррес придал лицу серьезный вид. – Ты кусаешь руку, которая тебя кормит.

– Тебе не приходится напрягаться, – продолжал Арчер без тени улыбки. Они проходили мимо витрины, уставленной французскими книгами с яркими, приковывающими взгляд суперобложками. Коллаборационизм, чувство вины, страдания, специально импортированные для Мэдисон-авеню, по три доллара за экземпляр. – Все тебе дается легко, ты участвуешь в скачках, где достойных соперников у тебя нет.

– Ваша правда, – склонил голову Эррес. – Мой родитель – известный жеребец из конюшен Среднего Запада. Взял множество первых мест. В забегах второго сорта.

– А тебе никогда не хотелось посмотреть, сможешь ли ты выдержать настоящую конкуренцию?

Эррес задумчиво глянул в боковую улицу.

– Нет. А тебе бы хотелось?

– Конечно. На сцене, где ты можешь раскрыться полностью. Внешность у тебя подходящая. Выглядишь ты молодо. Простое открытое лицо с легким налетом жестокости. Самое то.

Эррес хохотнул.

– Гамлет пятидесятого года.

– Когда я слушаю, как ты произносишь глупые строчки Барбанте, у меня возникает ощущение, что твой талант тратится зря. Как будто свайным копром забивают чертежные кнопки.

Эррес улыбнулся:

– А ты представь себе, как хорошо быть свайным копром, которому приходится забивать только чертежные кнопки. Он же протянет целую вечность и через сто лет после продажи будет как новенький.

– Подумай об этом, дорогой мой.

Они свернули на Сорок шестую улицу.

– Не буду, дорогой мой, – ответил Эррес.

Они улыбнулись друг другу, и Эррес открыл дверь бара «Луи», пропуская Арчера вперед. Они вошли, закрывшаяся дверь отсекала холод и ветер.

Первая порция спиртного пришлось очень кстати после рабочего дня и быстрой ходьбы. Нэнси еще не появилась, поэтому они остались сидеть на высоких стульях у стойки бара, держа в руках запотевшие стаканы и с удовольствием наблюдая, как бармен священнодействует с бутылками и льдом.

Вудроу Бурк, уставившись в стакан, сидел один у другого конца изогнутой стойки. Похоже, он уже крепко набрался, и Арчер старался не встретиться с ним взглядом. Во время войны Бурк был знаменитым корреспондентом. Он вечно оказывался в окруженных городах и горящих самолетах, так что в те дни его статьи и репортажи ценились очень высоко. После войны он стал радиокomentатором, и многие американцы настраивали свои приемники на его хрипловатый, высокомерный голос, критикующий особенности американского общества, которые мало кому нравились. Но чуть больше года тому назад Бурка неожиданно уволили (по утверждению недоброжелателей, потому что он попутчик⁶; по его мнению – потому что он честный человек), и теперь бо́льшую часть времени он просиживал в барах, собираясь развесть с женой и громогласно утверждая, что в Америке душат свободу слова. Темные глаза этого еще довольно-таки молодого человека по-прежнему горели огнем, но он сильно располнел, и как-то не верилось, что с такими габаритами он смог бы выбраться из горящего самолета. В годы войны за ним закрепилась репутация отчаянного смельчака. Но за последний год он заметно постарел и пьянел теперь гораздо быстрее, чем раньше.

Бурк оторвал взгляд от стакана, увидел Арчера и Эрреса и помахал им рукой. Арчер боковым зрением уловил это движение, но притворился, что ничего не заметил. Бурк осторожно слез со своего стула и медленно, но достаточно уверенно направился к ним со стаканом в руке.

– Клем, Вик, – Бурк остановился позади них, – мы, идущие на смерть, приветствуем вас. Давайте выпьем.

Арчер и Эррес обернулись.

– Привет, Вуди, – тепло поздоровался с Бурком Арчер, коря себя за то, что поначалу не стал отвечать на его приветствие. – Как дела?

– Иду ко дну на всех парусах, – трезвым голосом ответил Бурк. – А как у вас?

– Более-менее, – ответил Арчер. – Я скорее всего доживу до следующей уплаты подоходного налога.

– Эти мерзавцы, – Бурк отпил виски, – так и не могут простить мне сорок пятый год. Вогезы⁷, – мрачно изрек он, – вот где я был в сорок пятом. – Он уставился на свое изображение в зеркале – мятый воротник рубашки, пятна виски на галстукe. – Ты там бывал? – Он воинственно посмотрел на Эрреса.

– Где? – переспросил Эррес.

– В Вогезах.

– Нет, Вуди.

– Старина Вик, кавалер «Пурпурного сердца»⁸. – Бурк похлопал Эрреса по плечу. – Мне говорили, что ты сражался храбро. Сам я этого не видел, но мне говорили. Но нынче держись настороже, Вик. Потому что грядет Большая рана.

– Не волнуйся, Вуди, – кивнул Эррес. – Я смогу постоять за себя.

⁶ Попутчиками в США во времена «холодной войны» называли людей, официально не состоящих в Коммунистической партии США, но симпатизирующих коммунистам.

⁷ Вогезы – горный массив на северо-востоке Франции.

⁸ «Пурпурное сердце» – воинская медаль, которая вручается за одно ранение.

– Раны мира. – В чуть выпученных глазах Бурка светились злость и тревога. – Рваные, в большинстве своем со смертельным исходом. Невидимые взрывы на высоте вершин деревьев на Пятой авеню. Большая рана. За нее не дают ни медалей, ни демобилизационных баллов⁹. Остерегайся Большой раны.

– Буду стараться, Вуди, – заверил его Эррес.

– А как насчет тебя? – Взгляд Бурка уперся в Арчера.

– А что насчет меня? – миролюбиво спросил тот.

– Где воевал ты?

– Нигде, Вуди, – ответил Арчер. – Я не покидал территорию Америки.

– Что ж, – Бурк великодушно его простил, – кто-то должен был оставаться дома. – Он шумно отхлебнул из стакана. – Моя самая большая ошибка состояла в том, что я не стал дожидаться, пока меня выгонят из Югославии. – Подтверждая свои слова, он энергично кивнул.

Арчер молчал, надеясь, что его нежелание продолжать разговор не останется незамеченным. Но Бурк оседлал любимого конька и уже не мог остановиться.

– Я уехал по собственной воле, вместо того чтобы подставить свой зад под крепкий пинок, и я не писал о том, что Тито каждое утро насилует монахиню, а уж потом садится завтракать. Вот тогда на меня и легла тень подозрения. Я говорил то, что должен был сказать, как честный человек, и эти мерзавцы прихватили меня. Могущественные государственные агентства, Арчер, пытаются оседлать информационные потоки. Могущественные и зловещие агентства ополчились на честных людей, – прошептал он со стаканом у рта. – Не смейся, Арчер, не смейся. Где-нибудь кто-нибудь вносит сейчас твое имя в список. На уровне вершин деревьев. – Бурк допил виски и поставил стакан на стойку. Без стакана он выглядел совсем опустившимся и одиноким. – Арчер, ты можешь одолжить мне тысячу долларов?

– Знаешь, Вуди... – начал Арчер.

– Ладно! – Бурк замахал руками. – Действительно, с чего это ты должен одалживать мне деньги? Мы едва знакомы. Я же выпивоха, которому скоро перестанут наливать в кредит. Да еще изо дня в день рассказываю одну и ту же историю. Забудь. Не следовало мне обращаться к тебе с такой просьбой. Просто мне очень нужна тысяча долларов.

– Я могу одолжить тебе триста. – Названное число удивило Арчера. Он собирался предложить сотню, но не три.

– Благодарю, – кивнул Бурк. – Очень мило с твоей стороны. Мне нужна тысяча, но три сотни, полагаю, тоже не помешают.

Эррес повернулся к ним спиной и сказал что-то мужчине, сидевшему слева от него. Всем своим видом он показывал, что занят разговором.

– А не мог бы ты одолжить их мне прямо сейчас? – Бурк не отрывал взгляда от Арчера. – Сегодня вечером? Мне бы очень пригодились три сотни наличными.

– Перестань, Вуди, – отмахнулся Арчер. – Я не ношу с собой таких денег. Ты это знаешь.

– Я подумал, а почему бы не спросить, – пробормотал Бурк. – За спрос денег не берут. Сейчас люди много чего носят с собой. Инфляция – это, возможно, ощущение собственной незащищенности, готовность к тому, чтобы в любой момент сорваться с места и бежать куда глаза глядят.

– Я никуда бежать не собираюсь, – ответил Арчер.

– Правда? – Бурк покачал головой. – Не зарекайся. – Он нагнулся к Арчеру и прошептал: – Может, деньги у тебя дома? В сейфе, за картиной в столовой? Я с удовольствием съезжу с тобой в Нижний Манхэттен. Сам заплачу за такси.

Арчер рассмеялся:

⁹ По принятой в армии США системе очередность демобилизации определялась количеством баллов, набранных во время службы. В частности, медаль «Пурпурное сердце» приносила ее обладателю пять баллов.

– Вуди, ты пьян. Утром я пришлю тебе чек.

– С нарочным? – уточнил Бурк.

– С нарочным.

– А ты точно не можешь одолжить мне тысячу? – громко спросил Бурк.

– Вуди, почему бы тебе не пойти домой и не проспать?

– Стоит человеку одолжить тебе бакс, – сердито бросил Бурк, – как он сразу начинает давать советы. Традиционное отношение кредитора к должнику. Арчер, я думал, ты выше этого. Я пойду домой и отосплюсь, когда сочту, что мне пора идти домой и отсыпаться. – Он повернулся и направился к своему стулу у стойки бара, но, пройдя два шага, остановился и оглянулся. – Ты сказал, с нарочным, помнишь? – В голосе Бурка слышалась угроза.

– Помню, – ответил Арчер, стараясь не рассердиться.

– Ладно. – Бурк добрался до своего стула, ни разу не покачнувшись. Он забрался на стул, расправил плечи и кликнул бармена: – Джо, двойную порцию «Белл» двенадцатилетней выдержки. С водой.

Арчер подумал, что человеку, только что одолжившему триста долларов, негоже заказывать такой дорогой напиток на глазах у кредитора.

– Зачем ты даешь деньги этому забулдыге? – прошептал Эррес.

Арчер повернулся к нему:

– Сам не знаю. Удивлен не меньше тебя.

– Ты их больше не увидишь. Работу Бурку теперь не найти. Если его куда и возьмут, то через день-другой уволят за пьянство.

– Что с тобой, Вик? Я думал, он твой друг.

– Его единственный друг – бутылка. Считай, что с тремя сотнями ты распрощался. Надеюсь, ты можешь себе это позволить.

– Мистер Эррес! – К ним подошел старший официант. – Миссис Эррес просит вас подойти к телефону.

– Спасибо, Алберт. – Эррес соскользнул со стула. – Наверное, Нэнси хочет сказать, что опоздает только на три дня. – Он последовал за старшим официантом во второй зал.

Арчер наблюдал, какая легкая походка у его друга. Не без улыбки он отметил, что две или три женщины отвернулись от своих кавалеров, чтобы окинуть Эрреса оценивающим взглядом. А одна сурового вида женщина даже достала зеркальце из сумочки, дабы проследить за Эрресом не оборачиваясь. «Интересно, какие мысли в такие моменты приходят в головы женщинам, – подумал Арчер. – Впрочем, лучше этого не знать. Лысый мужчина, – с печалью отметил он, – не вправе размышлять об этом, как голодному негоже рассуждать о качестве выставленной перед ним еды». Он взглянул в зеркало за стойкой и удостоился ответного взгляда своего собственного изображения поверх бутылок. «Я похудел, – решил Арчер, – и выгляжу лучше, чем пять лет назад. Сейчас я в самом соку, – улыбнулся он. – Лучшие годы жизни. Еще лет пять точно протяну без заморозки».

Вернулся Эррес. С чуть виноватой улыбкой Арчер обратился к нему:

– Нэнси уже едет?

– Нет. – На лице Эрреса отражалась тревога. – У маленького Клема температура. Сто три градуса¹⁰. Нэнси вызвала врача.

Арчер, конечно же, огорчился, как и положено взрослому, узнавшему о болезни ребенка.

– Это плохо, – сказал он, надеясь, что причина температуры – не полиомиелит, менингит или психосоматический симптом психического расстройства, которое десять лет спустя приведет маленького Клема в кабинет к психиатру. – Но ты знаешь, что у детей температура подскакивает от всякого пустяка. А потом так же быстро снижается.

¹⁰ 103 градуса по принятой в США шкале Фаренгейта соответствуют 39,5 градуса Цельсия.

– Я знаю, – кивнул Эррес. – Но думаю, мне лучше поехать домой.

– Еще по стаканчику?

– Пожалуй, нет. – Эррес уже повернулся, чтобы уйти. – Завтра позвоню. – Он остановился и полез в карман за бумажником. – Счет...

– Да ладно, – махнул рукой Арчер.

– Спасибо. – Эррес, забрав пальто и шляпу, вышел из бара.

Арчер несколько секунд смотрел ему вслед, потом попросил счет. Четыре доллара, а с чаевыми почти пять. Расплачиваясь, он почувствовал укол совести. «Когда-нибудь, – подумал он, наверное, уже в сотый раз, – я подсчитаю, сколько денег оставляю в барах за месяц. Наверное, приду в ужас. Мы живем для того, чтобы поддерживать производителей шотландского. Да еще три сотни Бурку, который сейчас сидит, уставившись в стакан с виски двенадцатилетней выдержки. Отсюда и дрожь, которую я испытываю каждый месяц, получая конверт с банковским балансом».

Арчер взял пальто, жалея о том, что приходится давать гардеробщице четвертак, и вышел на улицу. «Надо бы поехать домой на подземке», – подумал он, стоя на холодном ветру. С одной стороны, хотелось перейти в режим экономии, с другой – он чертовски устал. Усталость победила, и Арчер огляделся в поисках такси.

И тут услышал, что его зовут.

– Клемент... Клемент... – О'Нил в мешковатом пальто спешил к нему. – Подожди.

– Ты вроде бы собирался на вечеринку, – сказал Арчер, когда О'Нил подошел ближе.

– Мне надо поговорить с тобой.

– Мы же договорились встретиться завтра, – напомнил ему Арчер. – В половине двенадцатого.

– Я только что виделся с Хаттом и спонсором, – ответил О'Нил, – и поговорить нам надо сегодня. – Он оглядел темную улицу, на которой выделялись лишь светящиеся вывески баров и ресторанов. – Куда мы сможем пойти?

– Я только что вышел из «Луи». Думаю, нас пустят обратно.

О'Нил покачал головой:

– Нет. Найдем более спокойное местечко. Я не хочу, чтобы нам помешали.

– В чем дело, Эммет? – спросил Арчер, когда О'Нил взял его за руку и увлек на другую сторону улицы, к маленькому итальянскому ресторану. – За тобой гонится полиция? Тебя наконец-то хотят арестовать за неправильную парковку?

О'Нил не улыбнулся даже из вежливости, и Арчер подумал, где это, интересно знать, он успел выпить за столь короткий отрезок времени после окончания передачи. Так уж устроен радиобизнес, пришел к выводу Арчер, когда О'Нил открыл дверь в ресторан, пропуская его вперед, любой пустяк воспринимается так, словно это вопрос жизни и смерти.

Глава 2

В ресторане, маленьком, темном, пропахшем засохшим сыром, О'Нил выбрал угловой столик. До тех пор пока бармен не поставил на стол полные стаканы и не вернулся за стойку, он не произнес ни слова. Отпив виски, О'Нил коротко глянул на Арчера и уставился на свои пальцы.

– Вечеринка, на которую я пошел... Это была не вечеринка, а скорее совещание. Хатт и спонсор, – Ллойд Хатт возглавлял агентство, которое продюсировало «Университетский городок», – решили, что мне следует переговорить с тобой сегодня.

Арчер лишь смотрел на него, не понимая, что все это значит.

– Сегодняшняя передача им очень понравилась, – доложил О'Нил, не отрывая глаз от стола.

Арчер кивнул. «Университетский городок» шел уже пятый год, программа эта пользовалась неизменным успехом, но все равно приятно знать, что определенная передача произвела хорошее впечатление.

– И два следующих сценария размножены на мимеографе, разосланы заинтересованным лицам и одобрены, – продолжал О'Нил. Арчер понял, что тот медленно подводит собеседника к пренеприятному известию. – Но... – О'Нил поднял стакан, рассеянно посмотрел на него, вновь поставил на стол. – Но... дело в том... есть мнение, что пора... внести некоторые изменения, Клем. – Внезапно О'Нил залился краской. Покраснели щеки, потом лоб. Только кожа вокруг губ выделялась белым пятном.

– Какие изменения, Эммет? – спросил Арчер.

– Складывается впечатление, что мы, возможно, очень часто используем одних и тех же актеров. Они уже приелись. Нужна свежая струя. Есть претензии и к музыке. Пожалуй, она слишком уж модернистская.

– Послушай, Эммет! – В Арчере начало закипать раздражение. – Ты только что похвалил программу. Так какой смысл в ней что-то менять?

– Может, именно сейчас для этого самый подходящий момент. Не следует ждать, пока рейтинг поползет вниз. Образно говоря, нужно бежать впереди паровоза. Встряхнуться. Не почитать на лаврах.

– Эммет, я все расслышал правильно? Ты сказал: «Не почитать на лаврах»?

– Да, сказал, – зло бросил О'Нил. – А что в этом зазорного?

– Ты репетируешь речь для конгресса продавцов пылесосов?

– Прекрати. – О'Нил покраснел еще сильнее. – Свои шутки побереги для программы.

– Послушай, ты раздражен. Я это чувствую. Ты должен передать мне чьи-то слова, и поручение это тебе не по душе. Ну и ладно. Не надо со мной деликатничать. Выкладывай.

– Я не передаю тебе чьи-то слова. – О'Нил повысил тон. – Я сообщаю тебе общее мнение. Мы пришли к консенсусу. – В голосе О'Нила звенела непривычная фальшь. – Мы хотим внести в программу изменения. Что в этом удивительного? Агентство имеет полное право время от времени улучшать свои программы, не так ли? У тебя же нет ощущения, что каждый четверг мы доносим до наших слушателей Священное Писание? – Кровь уже отливала от лица О'Нила, но злости в его голосе прибавлялось, так как он старался убедить себя в собственной правоте.

– Хорошо, – кивнул Арчер. – О каких изменениях идет речь? Конкретно.

– Прежде всего музыка с каждой неделей становится все более сложной. Мы должны помнить, что работаем на среднего слушателя, которому нужны простенькие мелодии. И никаких изысков.

Арчер не мог не улыбнуться.

– Хорошо, – кивнул он. – Я поговорю с Покорны.

- Есть мнение, что нам нужен новый композитор, – возразил О’Нил. – Замени Покорны.
- А мое мнение тебя интересует? – спросил Арчер.
- Конечно.
- Музыка Покорны – лучшее, что есть в нашем шоу.
- Мы это обсуждали и пришли к выводу, что музыка Покорны слишком уж европейская, – не отступал О’Нил.
- Ради бога, объясни, что все это значит? – взорвался Арчер. – Все композиторы, являющиеся авторами музыкального сопровождения, воруют у Чайковского. И где, по-твоему, жил Чайковский? В Далласе, штат Техас?
- Мы хотим, чтобы для следующей передачи музыку писал кто-то другой, – отчеканил О’Нил.
- Что еще? – спросил Арчер, решив, что он успеет потом вернуться к Покорны, пусть уж О’Нил сначала огласит весь список.
- Когда О’Нил опять бросил на него короткий взгляд, Арчер решил, что тот о чем-то его молит, и вновь подумал о бульдоге.
- Мы хотим, чтобы ты отказался от услуг некоторых актеров. На время. – О’Нил подождал ответной реплики Арчера, но режиссер не произнес ни слова. – Стенли Атласа...
- Послушай, Эммет...
- Элис Уэллер, – оборвал Арчера О’Нил, – Френсис Матеруэлл... – Он замолчал, глубоко вдохнул, а потом закончил фразу: – И Вика Эрреса.
- О’Нил поднес ко рту стакан и одним глотком ополовинил его.
- Ты, должно быть, шутишь, – только и смог сказать Арчер. – А теперь разъясни, в чем соль твоей шутки.
- Это не шутка, Клемент. – Голос О’Нила дрогнул. – Мы настроены очень серьезно.
- Прежде всего, – заговорил Арчер медленно, делая упор на каждом слове, – по договоренности с агентством решение о том, кого приглашать в программу, а кого увольнять, остается за мной. Так?
- Так было, Клемент, – ответил О’Нил. – Прежде.
- Ты хочешь сказать, что этой договоренности больше нет? Начиная с завтрашнего дня?
- Не совсем так. Речь идет только об этих пятерых.
- И как получилось, – Арчер пристально смотрел на О’Нила, рот которого то открывался, то закрывался, словно он хотел, но никак не мог зевнуть, – что в список, уж не знаю кем составленный, попали самые лучшие люди, занятые в программе?
- Это вопрос вкуса, – возразил О’Нил. – Может, ты слишком близко сошелся с ними, и твое мнение нельзя считать объективным. Вик Эррес – твой лучший друг. И, по правде говоря, ты слишком давно тащишь на себе Элис Уэллер. – Он запнулся. – Извини, Клем.
- Хорошо, – вздохнул Арчер, – давай оставим за кадром Эрреса и Уэллер, хотя кого ни попроси назвать пять лучших актеров радио, Эрреса упомянут все. Что же касается Элис Уэллер, она, конечно, не примадонна, но дело свое знает и на нее можно положиться. А уж такого комика, как Стенли Атлас, просто не найти, и ты это знаешь, Эммет. Я его очень ценю. Я его не люблю, но он может рассмешить меня. И остальных тоже. Многие люди, которые слушают твое шоу, включают радио лишь для того, чтобы услышать Стенли Атласа, и снятие его с программы – вредительство в чистом виде. Поэтому я хочу знать, кто хочет вырыть яму программе и почему ты готов на это пойти.
- О’Нил открыл рот, словно хотел что-то сказать, но потом закрыл его и провел ладонью по столу.
- Теперь давай поговорим о Френсис Матеруэлл, – профессиональным тоном продолжал Арчер. – Как говорят на всех вечеринках, Френсис Матеруэлл – одна из наиболее многообеща-

ющих молодых актрис. – Он подождал возражений, но О’Нил предпочел промолчать. – Через два или три года она станет настоящей звездой, и ты сам говорил мне об этом, не так ли?

– Да, – печально ответил О’Нил. – Говорил.

– И тем не менее ты хочешь, чтобы я ее уволил?

– Да, – прошептал О’Нил.

– Ты настаиваешь, – продолжал Арчер тоном прокурора, зачитывающего обвинение, – чтобы я уволил всех пятерых?

– Мы настаиваем, – поправил его О’Нил.

– В таком случае, Эммет, – тут Арчер широко улыбнулся, – я тоже увольняюсь. Как-нибудь увидимся. – И он поднялся из-за стола.

– Клем!

Арчер посмотрел на О’Нила.

– Пожалуйста, сядь.

Арчер колебался.

– Сядь, сядь, – нетерпеливо повторил О’Нил.

Арчер с неохотой опустился на стул.

– Клемент, я думаю, ты пожалеешь о том, что заставил меня объясниться.

– А чего ты, собственно, ожидал?

– Я ожидал именно этого. – О’Нил выдавил из себя жалкую улыбку и провел ладонью по коротким жестким волосам на затылке. – Ты прав, мы просим тебя избавиться от этих людей не потому, что они плохие артисты. – Пауза. – Клемент, поверь мне на слово, для тебя будет лучше, если ты перестанешь задавать вопросы и позволишь мне уладить все формальности.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Ладно, пусть будет по-твоему. Их всех обвиняют в том, что они коммунисты. Спонсор хочет снять их с программы. Немедленно, а еще лучше – вчера.

Арчер моргнул и не сразу понял, что сидит с отвисшей челюстью. «Наверное, я выгляжу очень глупо», – подумал он.

– Еще раз, пожалуйста, – произнес Арчер, встретившись взглядом с О’Нилом.

– Их обвиняют в том, что они коммунисты, – пробубнил О’Нил, – и спонсор хочет снять их с программы.

– О’Нил согласен?

– Хатт согласен, – поправил его О’Нил. – Я здесь только работаю. Моим мнением никто не интересуется.

– И какую, по-твоему, позицию следует занять мне?

– Позиция у нас может быть только одна. – О’Нил заерзал на стуле. – Что у меня, то и у тебя.

– Четверг – тяжелый день. – Арчер поморщился. – По четвергам я очень устаю. Ты мог бы подождать до пятницы.

О’Нил молчал, и Арчер понял, что решение ему придется принимать немедленно. Он потер лысину, глядя на широкие, обтянутые твидом плечи О’Нила и его растрепанные волосы.

– Пункт первый, – продолжил он, подумав о том, что разбираться со всем надо по порядку. – Пункт первый. Кто говорит, что они коммунисты?

– Ты слышал о журнале под названием «Блупринт»?

– Да, – кивнул Арчер. Он несколько раз видел экземпляры «Блупринт» в кабинетах продюсеров радиопрограмм. Единственный такой журнальчик, с неизвестными источниками финансирования, поставивший перед собой цель выявлять коммунистов, пробравшихся в радио- и киноиндустрию. – При чем тут он? О нас «Блупринт» ничего не писал.

– Пока не писал. – О’Нил бросил подозрительный взгляд на стоящего за стойкой бармена. – Я не хочу кричать об этом.

Арчер подвинулся ближе.

– На прошлой неделе из «Блупринт» прислали спонсору письмо, сообщив, что в следующем номере, который выходит через три недели, расскажут о связях с коммунистами пяти участников нашей программы. Они также написали, что снимут статью, если получат доказательства того, что все пятеро уволены.

– Это, знаешь ли, шантаж в самой грубой форме.

– Они так не считают, – покачал головой О’Нил. – Они говорят, что не хотят причинять ущерб спонсору и продюсеру без крайней на то необходимости. Редактор «Блупринт» раньше работал у Хатта и по старой дружбе решил предупредить и его, и спонсора.

– А кто назначал этих людей судьями? – спросил Арчер. – Почему бы им не заняться исключительно своими делами?

– Люди имеют право бороться с коммунизмом, – терпеливо объяснил О’Нил. – В любой сфере человеческой деятельности. Может, они фанатики, но таков уж дух времени, так что не стоит их за это винить.

– Ты видел письмо?

– Да.

– И в чем заключается связь артистов и Покорны с коммунистами?

– Практически все принадлежат к организациям, входящим в список попутчиков, – тихим голосом ответил О’Нил. – Ты знаешь, речь идет о списке Генерального прокурора. Подрывные организации и комитеты плюс какая-то Калифорнийская группа. На некоторых красную звезду повесил журнал.

– Они могут ошибаться, знаешь ли, – заметил Арчер. – Им уже приходилось извиняться.

– Я знаю, – кивнул О’Нил. – Но гораздо чаще правда была на их стороне. Они очень сильны. Уже раздавили две или три программы. Не знаю, известно ли тебе об этом, но за прошлый год их стараниями более двадцати человек лишились работы. И многие занимали достаточно высокие посты.

– Кто-нибудь утверждал, что «Университетский городок» проповедует коммунизм? – спросил Арчер. – Говорилось о программе в целом?

– Пока еще нет. – О’Нил закурил и как-то сник. – Мы получили несколько писем. Скорее всего от каких-то психов. В программе слишком много историй о бедняках, некоторым сценам не хватает религиозных чувств...

– Господи, Эммет!

– Я просто рассказываю, как обстоят дела. Но если появится эта статья... – О’Нил пожал плечами. – Письма будут носить мешками. На нас отыграются на всю катушку. Обвинят и в том, что мы покупаем эфирное время на деньги Кремля, и в том, что продаем атомные секреты русским.

– Интересным мы занимаемся делом, – покачал головой Арчер.

– Да, занимаемся. – По лицу О’Нила пробежала тень улыбки. – Пока.

– А что думаешь ты?

– Я думаю, что пару раз мы слишком приблизились к опасной черте. Этот мерзавец Барбанте готов высмеивать все и вся, и кто знает, как можно истолковать его диалоги? Какие могут возникнуть ассоциации?

– Послушай, Эммет...

– Послушай, Клемент, – передразнил его О’Нил. – Ты ничего не знаешь. Тебя от всего ограждают. Работаешь дома, приходишь на студию раз в неделю, готовишь передачу, и никто тебя не трогает. А я просиживаю здесь по восемь часов каждый день, и на меня валится все это дерьмо.

– Я попрошу тебя об одном одолжении, – холодно ответил Арчер. – С этого вечера перестань меня ограждать. Держи меня в курсе событий.

– Как скажешь. – О’Нил устало потер глаза. – Но не думай, что от этого жизнь у тебя станет легче.

– Ты считаешь, мы имеем право увольнять людей с работы только за то, что они коммунисты?

О’Нил глубоко вдохнул:

– Мы имеем право увольнять непопулярных актеров.

– Непопулярность, – пробормотал Арчер. – Новый вид преступлений, карающихся смертной казнью.

– И что я должен на это сказать?

– Ничего, абсолютно ничего.

– Только не надо возлагать вину на меня. Мне платят за то, что я продаю продукцию спонсора. И если с продажей возникнут проблемы, меня тут же вышвырнут на улицу. Когда американцы решат, что они не хотят слушать какого-то актера, я могу лишь полностью согласиться с ними.

– Американцы, – покивал Арчер. – Знать бы, кто они и чего хотят. Или мы поверим на слово одному паршивому журнальчику?

– В этом году, Клемент, придется поверить.

– И мы поверим, что те, кого они называют коммунистами, и есть коммунисты?

– Спонсор говорит, что поверим, – кивнул О’Нил. – В этом году.

– Спонсор хочет кастрировать программу? В этом году?

– Я полагаю, да.

– А если потом кто-то скажет, что я красный, а ты или Барбанте – попутчик, спонсор нас всех уволит?

– Я полагаю, да.

– И что ты можешь сказать по этому поводу?

– Мы живем в суровом мире, братец, – ответил О’Нил. – Так что деньгами лучше не сорить, а нести их в банк.

– Люди, которых мы уволим, другой работы не найдут, так?

– Скорее всего нет.

– Следовательно, они умрут от голода.

– Следовательно, умрут. – Глаза О’Нила остекленели, он отвечал как автомат.

– Мы заявляем, что коммунисты не должны работать на радио и при этом лишаем людей, обвиненных в принадлежности к коммунистам, права на защиту.

– Лишаем.

– А тебе не приходила в голову мысль, что здесь что-то не так?

– Приходила, – кивнул О’Нил. – Мне в голову приходят разные мысли. – Он покрутил в руках стакан. – Мне платят в год восемнадцать тысяч долларов именно потому, что у меня хорошо работает голова. В следующем году на двери одного из кабинетов появится табличка с моей фамилией.

– Если кабинет останется за тобой.

О’Нил согласно кивнул:

– Если кабинет останется за мной.

– А теперь перейдем к практической стороне этого дела. – Арчера радовало собственное спокойствие. – Что я должен сказать этим пятерым? Что они коммунисты, или что мы думаем, что они коммунисты, или что редактор паршивого журнальчика думает, что они коммунисты, а потому пусть они собирают свои вещички и идут умирать от голода в удобное для них место?

– Решать тебе, – ответил О’Нил. – Я только предлагаю сделать это без лишнего шума.

– Без лишнего шума, – покивал Арчер. – Когда вы поймете, что вам перерезали горло, пожалуйста, пройдите к ближайшему выходу, но не торопясь, упаси бог, не бегом. Что-нибудь в этом роде? Может, написать специальную инструкцию и размножить ее на мимеографе¹¹?

– Есть и другой способ. – О’Нил вернулся к прежнему лекторскому тону. – Можно ничего не говорить. Ни у кого из них контракта нет. Мы имеем полное право ничего им не объяснять.

– Понятно... – задумчиво протянул Арчер. – Ты предлагаешь мне испробовать этот способ на Вике Эрресе? Так ты собираешься распрощаться со своим другом Эрресом, Эммет?

К лицу О’Нила вновь прилила кровь.

– Пожалуйста, Клемент, что ты от меня хочешь?

– Насчет тебя не знаю, Эммет. – Арчер почувствовал, что у него дрожат руки. – Но я так поступить не могу. Возможно, я не смогу поступить и по-другому, но этот путь точно не для меня. Поэтому я сам уйду из программы, а ты найдешь кого-то еще, кто знает, как вести себя в подобной ситуации.

– Ты не можешь уйти, – возразил О’Нил. – Действие твоего контракта истекает через шестнадцать недель.

– Мистер Клемент Арчер, не слишком известный радиорежиссер и продюсер, помещен в частную клинику в связи с нервным срывом, вызванным переутомлением. Прежде чем улечься на больничную койку, он выразил сожаление, что состояние здоровья не позволяет ему выполнить взятые на себя обязательства. Адвокаты заверили мистера Арчера, что резкое ухудшение самочувствия – достаточное основание для того, чтобы к нему не применялись штрафные санкции, положенные за срыв контракта.

С каждой фразой лицо О’Нила все больше грустнело.

– Хорошо, – вздохнул он. – Что ты хочешь? В рамках разумного.

Арчер на мгновение задумался.

– Прежде всего мне нужно время. Ты преподнес мне сюрприз, поэтому должен понимать, что пятнадцати минут мне недостаточно для того, чтобы определиться. Это в рамках разумного?

– Сколько времени?

Арчер ответил не сразу.

– Две недели.

– За две недели ты Эрресе не поможешь, – заметил О’Нил.

– Возможно, не помогу. – Арчер улыбнулся. – Но вдруг мне удастся помочь самому себе. Соображаю я медленно, и, будь у меня побольше ума, я бы не работал на радио. Но двух недель мне хватит, чтобы утрясти некоторые вопросы. Может быть, мне даже удастся выяснить, коммунисты эти люди или нет.

– И как ты собираешься это сделать?

– Самым оригинальным способом. У них и спрошу.

О’Нил нервно рассмеялся:

– Ты думаешь, они признаются?

– Кто знает? Возможно. В мире полно людей, которые не любят лгать.

– А если Френсис Матеруэлл скажет тебе, что она не коммунистка?

Арчер обдумал вопрос.

– Я ей не поверю.

– А если Вик скажет, что он не коммунист?

– Я ему поверю.

– Потому что он твой друг.

– Потому что он мой друг.

¹¹ Светокопировальная машина, предшественница ксерокса.

– А что ты сделаешь потом? – пожелал знать Эммет. – После двух недель?

– Вот тогда я тебе и скажу. – Арчер заметил, что его руки больше не дрожат.

– Хорошо, – кивнул О’Нил. – Две недели у тебя есть. Я не знаю, что мне придется наговорить Хагту, но две недели ты получишь.

– Спасибо, Эммет. – Арчера порадовало согласие О’Нила пойти ему навстречу.

– Не за что. Возможно, к следующей пятнице меня уже выставят за дверь. Вот... – Он сунул руку в карман и достал сложенный лист бумаги. – Верстка статьи из «Блупринт». Может, тебе стоит это прочитать. – И положил листок перед Арчером.

Тот развернул его и всмотрелся в плохо пропечатанный текст.

– Ты не будешь возражать, если я прочитаю все?

– Валяй. – О’Нил махнул рукой бармену, чтобы тот повторил заказ.

«Из всех радиопрограмм нашего времени, – прочитал Арчер, – одной из наиболее возмутительных и циничных, одной из тех, что в наибольшей мере оскорбляют чувства верности и патриотизма американского народа, является “Университетский городок”. Спонсор – “Сандлер драг компани”, продюсер – “Хатт энд Букстейвер эдженси”, режиссер – Клемент Арчер».

– Вам виски с водой или с содовой? – спросил бармен, подходя к Арчеру.

Тот машинально сложил листок.

– С содовой, – ответил Арчер. Он смотрел, как пузырящаяся жидкость наполняет стакан, дождался, пока бармен отойдет, и вновь развернул верстку статьи. Без очков буквы, и без того плохо пропечатанные, расплывались у него перед глазами, но ему не хотелось доставать очки ради короткого текста, уместившегося в половину колонки.

Автор придерживался оскорбленно-пророческого стиля, свойственного всем статьям о коммунизме, появлявшимся в прессе. После нескольких общих фраз о необходимости очищения эфира от термитов, обманным путем проникших в самую сердцевину американского дома, следовали прямые обвинения Стенли Атласа, Френсис Матеруэлл, Элис Уэллер, Манфреда Покорны и Виктора Эрреса в том, что они коммунисты или сочувствующие. Далее перечислялись двадцать организаций из списка Генерального прокурора, в которых вроде бы состояли вышеуказанные товарищи. Конкретикой автор читателей не баловал. Выходило, что все пятеро повязаны и виноваты в равной степени. Покорны, правда, выделялся тем, что ему предстояло разбирательство с Иммиграционной службой, результатом которого, по мнению автора, могла стать депортация. Завершалась статья прямым предложением спонсору принять необходимые меры, поскольку в противном случае американский народ будет вынужден воспользоваться всеми доступными ему средствами.

Дочитав статью, Арчер тяжело вздохнул. За исключением имен, все очень уж знакомо. Так и хотелось сказать: «Скучно, граждане». Его всегда удивляли те энергия и задор, с которыми нынешние крестоносцы от прессы вытаскивали из сундуков старые лозунги и обвинения. Даже если человек чувствовал свою правоту и полагал, что, повторяя эти обвинения, он честно служит своей стране, требовалась особая невосприимчивость к скуке, чтобы вновь и вновь трясти ими перед глазами читателей. Власть, отметил Арчер, попала в руки людей, которые обожают повторяемость. Если бы такой человек оказался среди святых, он бы десять тысяч раз на дню твердил: «Бог, Бог, Бог...» «Наверное, я слабак, – печально подумал Арчер. – Мне всегда хочется чего-то новенького».

– Круто, правда? – О’Нил пристально вглядывался в Арчера, пытаясь по выражению лица понять его истинные чувства.

– Эти ребята отточили свой стиль до совершенства, – ответил Арчер. – Могу я оставить этот листок у себя, чтобы изучить на досуге?

– Конечно, – кивнул О’Нил. – Только потом сожги.

– Что-то тебя трясет, Эммет. Может, пора присоединиться к Анонимным алкоголикам¹²?

– Да, трясет, – признал О’Нил. – Но я ни к кому не собираюсь присоединяться.

– Спасибо тебе за две недели, – продолжал Арчер. – Надеюсь, они не будут стоить тебе работы.

– Кто знает? – О’Нил мрачно посмотрел на него. – Отныне ты будешь считать меня своим недоброжелателем?

Арчер помялся.

– Есть такое дело.

– До чего хорошо иметь честных друзей. – О’Нил шумно выдохнул. На лице его отражались недовольство и обида. Он очень походил на школьника-футболиста, которого тренер отправил на скамью запасных за то, что он позволил уложить себя на газон. – Честные друзья, – повторил О’Нил. – В наше-то время... – Он обхватил голову руками.

Арчер встал.

– Я еду домой. На сегодня развлечений мне хватит. Может, подвезти?

– Нет. – Эммет не поднял головы. – Я останусь здесь и напьюсь. С женой я в ссоре и хочу вернуться, когда она уже уснет. – Он посмотрел на Арчера. – Иногда, – на его лице не было и тени улыбки, – мне хочется вернуться в морскую пехоту. На Гуам.

– Спокойной ночи. – Арчер легонько потрепал О’Нила по плечу и вышел в ночь.

О’Нил, оставшись один в пустом и темном ресторане, заказал двойное виски.

¹² Анонимные алкоголики – общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкоголизма. Основана в США в 1935 г.

Глава 3

Четверть часа спустя Арчер открывал дверь своего дома. Наверху горел свет, и он понял, что Китти не спит.

– Китти! – крикнул Арчер из прихожей, закрывая за собой дверь. – Китти, я дома!

– Клемент, – приплыл с лестницы голос Китти. Даже когда она произносила только его имя, в голосе слышалась радость. – Я в постели, дорогой.

– Хочешь чего-нибудь? – спросил Арчер, бросив пальто на стул. – Я могу принести.

– Ну... – Он без труда представил себе, как Китти сидит в кровати и выпячивает губки, думая о том, чего же ей хочется. – Ну... в жестянке на кухне свежее печенье. И стакан молока. Полстакана.

– Уже несу. – Через гостиную Арчер прошел на кухню. В вазочке стоял букетик фрезий, наполняя комнату тропическим, летним ароматом. Служанка, прежде чем уйти, аккуратно расставила стулья и поправила подушки на диване. Гостиную отличало приятное глазу смешение стилей. Столы раннего американского периода мирно соседствовали с викторианскими стульями, обитыми ярким шелком. Чувствовалось, что художника по интерьерам дальше порога не пускали. «Дом, – удовлетворенно думал Арчер, – дом». Здесь он мог позволить себе расслабиться, забыть об О'Ниле, программе, листке с версткой статьи из «Блупринт», что лежал сейчас в кармане.

Когда он вошел в спальню, неся на подносе печенье и молоко, Китти, подложив под спину подушки, сидела в кровати с синим платочком на голове, так как вечером она вымыла волосы. Плечи ее были оголены, она выглядела на удивление молодой, была похожа на девушку из приморского городка, готовую отправиться на пляж. Арчер поставил поднос, наклонился, поцеловал Китти в плечо.

– Так будет со всеми, кто посмеет лежать в постели полуголым, – прорычал он.

– М-м-м... – Китти похлопала рукой по кровати, показывая, что хочет видеть его рядом. – В этом заведении обслуживание с каждым днем становится все лучше.

Арчер снял пиджак, бросил его на стул, расстегнул воротник рубашки, снял галстук, а уж потом сел на кровать. Китти пила молоко. Прямо-таки послушная маленькая девочка за обеденным столом.

– Я стала прожорливой, – призналась она. – Пролежала здесь весь вечер, думая о еде. Знаешь, на что я надеялась?

– На что?

– Я надеялась, что кому-то придет в голову заскочить в «Шраффт» и купить пинту мороженого. Кофейного.

Арчер рассмеялся, похлопал жену по коленке, прикрытой одеялом.

– Завтра. Обещаю, что завтра заскочу.

– Я пыталась воспользоваться телепатией. – Китти откусила кусочек печенья. – Говорила себе, вот сейчас он идет по улице, поравнялся со «Шраффтом», и тут моя мысль заставляет его остановиться. «Я слышу голос, – говорит он себе. – Этот голос требует кофейного мороженого». – Китти захихикала. – Я растолстею до трехсот фунтов.

– Об этом не волнуйся, – улыбнулся Арчер. – Так хорошо ты никогда не выглядела.

– Мне стыдно за себя, когда я вхожу в кабинет доктора и он ставит меня на весы. – Китти взяла второе печенье. – Он считает, что у меня полностью отсутствует самоконтроль. Я вижу это по его глазам.

– Именно такой и должна быть моя жена, – ответил Арчер. – Без самоконтроля.

– Это ты идеальный муж, – удовлетворенно промурлыкала Китти. – Абсолютно идеальный муж.

– У тебя был хороший день? – Арчер встал, начал раздеваться.

– Большую часть времени я провела в кровати. Не читала. Не вязала. Не подходила к телефону. Не сказала Глории, что приготовить на обед. Мне в голову не пришло ни одной мысли. Тебе стыдно, что у тебя такая ленивая жена?

– Естественно. – Арчер снял рубашку и на мгновение замер, держа ее в руке.

– Стенной шкаф, – напомнила Китти. – Повесь ее в стенной шкаф. Я вижу, что ты уже собрался бросить рубашку на стул.

Арчер улыбнулся и направился к большому стенному шкафу, половину которого занимала его одежда, а вторую – разноцветные наряды Китти.

– Когда-нибудь, – он повесил рубашку и брюки и надел пижаму, – ты зайдешь с чтением мыслей слишком далеко.

– Неужели тебя это раздражает? – игриво спросила Китти.

Арчер вернулся к кровати, на ходу надевая пижамную куртку.

– Как здорово! – воскликнула Китти, не отрывая от него глаз.

– Что здорово?

– У тебя совсем нет живота. Как только я замечу признаки живота, сразу улечу в Рино. А мне бы этого не хотелось. И будь осторожен с шеей.

– С шеей у меня все в порядке. – Арчер обеими руками ощупал шею.

– Я только сказала: будь осторожен. Ненавижу толстые мужские шеи.

– Ну и ну. – Арчер застегнул пуговицы пижамной куртки. – Большие у тебя, однако, запросы.

– Я хочу, чтобы ты был красивым. По моему разумению, не такая уж это большая просьба. – Китти поставила пустой стакан на столик и вздохнула. – Есть печенье на ночь – это грех. Что хорошего произошло сегодня в мире?

Арчер замялся. «Нет, – решил он, – незачем ей все это рассказывать».

– Все нормально. – Он присел на краешек кровати. – Передача тебе понравилась?

– Дорогой, – в голосе Китти послышались виноватые нотки, – я забыла послушать. Задремала и забыла. Ты меня простишь?

Арчер рассмеялся.

– Только не говори спонсору.

– Я стала такой рассеянной, – пожаловалась Китти. – Ничего не могу запомнить. Наверное, у тех, кто собрался стать матерью в столь преклонном возрасте, что-то происходит с головой. Я просто лежу и думаю, хочу ли я, чтобы у нашего ребенка были синие глазки, и облысеет ли он к двадцати пяти годам. – Китти протянула руку и коснулась Арчера. – Тебя это обижает, дорогой?

– Я ухожу в клуб, – с важным видом изрек Арчер. – Пожалуйста, проследите, чтобы туда пересылалась вся адресованная мне корреспонденция.

– Ты идеальный человек, Клемент, и ты это знаешь. Но нельзя же надеяться, что у мальчика до старости будет густая шевелюра, не так ли?

– Нельзя, – согласился с ней Арчер. – Но с чего ты взяла, что будет мальчик?

– По тому, как он толкается. Он весь день марширует взад-вперед, словно рота морских пехотинцев. Джейн вела себя гораздо деликатнее. Лишь изредка давала о себе знать. Да... Джейн приезжает на уик-энд. Мальчик поведет ее в театр, но завтра нам придется накормить их обедом, потому что мальчик, по словам Джейн, бедный. Если я очень устану, ты справишься сам?

– Если мальчик не будет смотреть на меня свысока. Как ее прошлый кавалер. С факультета органической химии.

– С этим у нее все кончено. Он что-то отчудил на танцах. Как хорошо, что Джейн не стесняется своей беременной матери.

– Перестань, Китти, это нелепо.

– Она такая взрослая и современная, наша Джейн. Все ее забавляет, даже родители. Если бы моя мать начала раздуваться, когда мне было восемнадцать, я бы целыми днями пряталась в церкви.

– Позволь тебе напомнить, что в восемнадцать ты сама уже забеременела.

– Это совсем другое дело, – безапелляционно заявила Китти. – Ты не собираешься почищать зубы перед тем, как лечь спать?

Арчер задумчиво провел пальцем по передним зубам.

– Нет, – решил он.

– Почему нет?

– Мой рот слишком хорошо пахнет. Я ел вкусную еду, пил хорошее виски. Проснувшись ночью, я хочу провести языком по зубам и вспомнить, как хорошо я поужинал. Никакая мята не заменит такое удовольствие.

– Ты грязнуля, – вынесла вердикт Китти. – Я вышла замуж за грязнулю. Здорово, правда? Это самое лучшее время дня – сидеть и болтать ни о чем.

– Да, дорогая, – согласился Арчер.

– Думаю, что теперь бо́льшую часть времени я буду проводить в постели. Я устаю, когда хожу по дому, и не хочу, чтобы случилось что-то плохое. И ничего мне не хочется. Только лежать, дремать и ждать твоего возвращения.

– Ты должна чем-нибудь заняться, – покачал головой Арчер. – Вязать или вышивать. Найти себе какое-нибудь хобби.

– У меня есть только одно хобби.

– Какое?

– Ты.

Оба рассмеялись. Арчер потянулся и выключил свет.

– Полежишь со мной? – В голосе Китти зазвучали сладострастные нотки.

– Я так спать не могу.

– Зато я могу. – Китти хихикнула, и Арчер улегся на кровать.

Она перекатилась на его руку, поцеловала в шею.

– Клемент, Клемент, – прошептала она, потом повернулась на спину. – Сегодня я так хорошо себя чувствую. Первый день, когда я действительно хорошо себя чувствую. Сегодня меня не тошнило от запаха губной помады, и я попыталась понюхать свои духи. Два аромата мне даже понравились. – Голос ее звучал все тише и тише, и через несколько мгновений она уснула.

Арчер прислушивался к ее дыханию, к шуршанию штор от легкого ветерка. Неудивительно, что женщины живут дольше мужчин. Они знают, как засыпать.

Арчер закрыл глаза и попытался убедить себя, что дремлет. «Я не должен думать об этом сейчас, – убеждал он себя. – Я пролежу без сна всю ночь, и завтра, когда придется принимать решение, я буду нервным и вымотанным. Не сейчас, – говорил он себе. – Не сейчас. Покорны, Уэллер, Атлас, Матеруэлл, Эррес. Арчер. Эррес. Не открывай глаза. У меня есть две недели. Сделай десять глубоких вдохов, вытяни руки на одеяле. Арчер. Эррес. Что я знаю о своем друге? Разве после стольких лет дружбы можно воспринимать его таким, какой он есть на самом деле? Кто знает своего самого близкого друга? Кто решится суммировать все факты, шутки, ночные разговоры, совместные поездки, вечеринки, кризисы и несчастья и сказать в конце: “Вот он какой. Такой он на самом деле”?»

Впервые Арчер увидел Вика Эрреса на семинаре 22-й группы исторического факультета, в которой он вел обязательный для студентов курс «Европа от Ренессанса до Венского

конгресса»¹³. Стояло индейское лето, за раскрытыми окнами зеленели трава и деревья. Семинар открывал вторую половину учебного дня, так что после ланча всех клонило в сон. Было это пятнадцать лет назад, за спиной Арчера с крюка свешивалась карта Европы XVI века, пахло свежескошенной травой, а все девушки ходили с голыми загорелыми руками. Семестр только начинался. Все еще бредили летом и думали о том, что сейчас самое время поплавать в бассейне, подремать на солнышке или погулять в лесу. Все крайне негативно относились к Европе от Ренессанса до Венского конгресса. Тридцатилетний Арчер переключал листочки на столе, ожидая звонка и начала учебного года. Он нервно оглядывал аудиторию, гадая, что о нем думают. Особенно девушки («Это же надо, он лысый! Настоящий книжный червь»). «Надо помнить, – говорил себе Арчер, дожидаясь звонка и заранее настраиваясь на конфронтацию, – надо все время помнить о том, что нельзя тереть темечко». Ни к чему ему насмешники-имитаторы, напрочь лишенные совести.

А потом в аудиторию ленивой походкой вошел высокий юноша с галстуком-бабочкой, держа за руку симпатичную девушку. Как потом выяснилось, это был Эррес. Он и девушка сели в последнем ряду. «В ближайшие пять месяцев они намерены о многом поговорить помимо истории, иначе не устраивались бы так далеко от моего стола, – мрачно подумал Арчер и всмотрелся в Эрреса. – Кандидат на вылет», – решил он. Потом Арчер заметил свежую ссадину на переносице и фингал. Почему-то его это рассердило, словно он считал неприличным являться на свидание к Людовику XIV и Робеспьеру с синяком под глазом. К тому же костюм на юноше был получше, чем у Арчера. А ссадина и фингал, вместо того чтобы уродовать, добавляли его лицу мужественности. Богатый хулиган, сделал вывод Арчер, небось и машина у него своя, наверняка «родстер»¹⁴. И среди студенток и официанток окрестных городков он пользуется бешеным успехом. Не говоря уже о волосах, густом ежике светлых волос. Девушка, сидевшая рядом с ним, смотрела на него так, словно могла растаять от одного доброго слова. Да, какие только стрессы не выпадают на долю преподавателя. И ведь никто никогда не узнает, что творится у него в душе.

Потом прозвенел звонок, начался учебный год, и Арчер провел переключку. Эррес отчеканил: «Здесь». И тут Арчер вспомнил его фамилию. Квотербек¹⁵ футбольной команды колледжа – еще один черный шар в его корзину. Наверное, через месяц-другой к нему пожалует Сэмсон, тренер команды, с просьбой удержать мальчика на плаву до Дня благодарения¹⁶, несмотря на то что он пропустил половину занятий. «На этот раз, Сэмсон, старина, у тебя ничего не выйдет, – заранее настроил себя Арчер, – с этим юным героем в галстук-бабочке ты пролетишь. Он может прийти с обоими заплывшими глазами и на костылях, принеся команде в последнем матче двадцать очков, но я не сдвинусь ни на дюйм».

Вот так он познакомился с Виком и Нэнси Эррсами, только Нэнси тогда еще не сменила свою девичью фамилию Макдональд.

– Дамы и господа! – начал Арчер, закончив переключку и убедившись, что все, включая мистера Циммермана, замыкающего список, присутствуют на занятии. – Дамы и господа, все мы заложники истории. В двойном смысле. Во-первых, в такой чудесный день сидим в этой аудитории, хотя предпочли бы находиться где-то еще. Но этот курс обязательный, и учебный семестр уже начался. – Его слова, как всегда, вызвали вежливые смешки. Правда, ни Эррес, ни его девушка не рассмеялись. Арчер продолжал: – А во-вторых, сейчас, в 1935 году, бытие Америки в определенной степени обусловлено некоторыми решениями, которые приняли в Париже в 1780 году, и некоторыми книгами, которые написали давно уже умершие иностранцы

¹³ Венский конгресс (сентябрь 1814 – июнь 1815) – конгресс европейских государств (за исключением Турции), который фактически завершил войны коалиции европейских держав с Наполеоном I.

¹⁴ «Родстер» – двухместный спортивный автомобиль с открытым верхом и вместительным багажным отделением.

¹⁵ Ведущий игрок команды, разыгрывающий, который вводит мяч в игру.

¹⁶ Национальный праздник США, отмечаемый в последний четверг ноября.

в самом начале девятнадцатого столетия... – Банально, конечно, но с чего-то следовало начинать, и каждому преподавателю приходится сочинять свой вариант выступления к курсу того предмета, который он преподает.

Эррес Арчера удивил. Он не пропускал занятий, слушал внимательно, лишь изредка что-то шептал красотке, которая сидела рядом (другие отвлекались на разговоры гораздо чаще), вроде бы ничего не записывал, но всегда отвечал без запинки и по существу своим холодным, уверенным голосом, не был чужд остроумию, не превращаясь при этом в шута, и, похоже, читал об истории Европы от Ренессанса до Венского конгресса гораздо больше, чем остальные студенты. Удивление Арчера сменилось недоумением, а потом благодарностью. Такой студент – тихая радость для любого преподавателя. Он уже с нетерпением ждал семинаров в 22-й группе, готовился к ним более тщательно, чем к занятиям с другими группами, и разрешал более продолжительные дискуссии, потому что ведомые Эрресом студенты гораздо быстрее усваивали материал. И когда в середине сезона Эррес подошел к столу Арчера и в свойственной ему небрежной манере предложил два билета на очередной футбольный матч, Арчер тепло поблагодарил его и пообещал прийти, несмотря на то что все субботы и воскресенья он посвящал пьесе о Наполеоне III, на которую возлагал большие надежды.

Стадионом назывались две дощатые трибуны, протянувшиеся вдоль футбольного поля. В день матча здесь царила праздничная атмосфера. Зрителей хватало, во время разминки играл оркестр, на октябрьском ветру развевались флаги. Эррес дал Арчеру билеты на самый верхний ряд, пояснив: «Это единственное место, откуда вы сможете оценить футбол по достоинству. Если сядете ниже, то не увидите ничего, кроме двух толп громил, два часа мутузящих друг друга». Сидя в последнем ряду, между Китти, которая по этому случаю купила желтую хризантему и выглядела моложе большинства студенток, и Нэнси Макдональд, со всей серьезностью играющей роль хозяйки, Арчер поверх деревянного забора, окружающего стадион, сквозь кроны деревьев с облетевшей листвой видел здания колледжа. В этот серый день они излучали спокойствие и надежность, и Арчер ощутил неразрывную связь с ними и радость от осознания того, что проводит здесь свою жизнь.

– Вон он, Вик, – бесстрастным голосом сказала Нэнси. – Двадцать второй номер. Сейчас он выходит на перехват, но во время игры это случается редко. У него другие задачи.

– Какой он большой! – воскликнула Китти. – Это же несправедливо: позволять такому здоровяку играть с этими маленькими мальчиками, которых, похоже, плохо кормили в детстве.

Они рассмеялись. Глаза Китти сияли. Она обожала вечеринки, танцы, любые мероприятия. Искоса поглядывая на нее, Арчер почувствовал укол совести, потому что практически все время держал Китти взаперти. Сам он не любил шума и больших компаний, поэтому при малейшей возможности оставался дома. А Китти, хотя и вздыхала, когда он заставлял ее отказаться от очередного приглашения, не докучала ему жалобами.

Арчер отыскал на поле номер 22. Поднес к глазам бинокль, который захватил с собой из дома. В окулярах возник Вик Эррес. В шлеме, с наплечниками, он действительно выглядел огромным. Вот Эррес поймал мяч, брошенный с центра, пробежал несколько шагов, бросил его другому игроку. В его движениях чувствовались скука и расслабленность, тогда как остальные участники матча вибрировали от нервного напряжения. В сравнении с плечами бедра Вика казались очень узкими, а вот ноги, обтянутые шелковыми рейтузами, были длинными и сильными. Глядя на него, Арчер понял, что означала расхожая фраза спортивных журналистов: «Атлет знает себе цену».

– Мистер Арчер, – прошептала Нэнси, когда тот положил бинокль на колени. – У меня есть кое-что для согрева.

Арчер повернул голову и увидел серебряную фляжку, выглядывающую из-под полоса-того пледа. Должно быть, на его лице отразилось изумление, потому что Нэнси тут же добавила: «Фляжка Вика. И виски тоже его. Он сказал, что настаивать не следует, но при первых при-

знаках обморожения надо действовать быстро». Она улыбнулась, и Арчер решил, что Нэнси очень милая девушка.

– Китти, – он посмотрел на жену, – молодое поколение искушает нас спиртным. Посмотри.

Китти перегнулась через него, увидела фляжку. На ее лице отразилось сомнение.

– Прямо здесь? – Она стрельнула глазами по студентам, преподавателям, выпускникам и родителям, которые сидели ниже.

– Вик сказал, что ради этого он и взял для вас билеты на последний ряд. Сзади никого, и все смотрят в другую сторону.

– Вик Эррес – самый предусмотрительный человек из тех, кто играет в этом году за студенческие команды. Я прямо сейчас готов рекомендовать его во Всеамериканскую сборную¹⁷. – Арчер взял фляжку и протянул Китти.

Китти рассмеялась и взяла фляжку.

– Порочная юность, – изрекла она. – Я чувствую себя преступницей. Словно «сухой закон» еще не отменен. – Китти отвернула пробку, прикрепленную к фляжке тонкой серебряной цепочкой, выпила, высоко вскинув подбородок над воротником старого зимнего пальто, такая юная и озорная. Арчер улыбнулся, вдруг вспомнив их первую встречу. Выпив, Китти удовлетворенно чмокнула губами и вернула фляжку Арчеру. – Надо бы мне поближе познакомиться с виски. Скандал в кампусе. Жену преподавателя каждый субботний вечер находят в церкви пьяной.

Арчер вновь улыбнулся, довольный тем, что поход на стадион пришелся Китти по душе. Затем повернулся и предложил фляжку Нэнси.

Девушка покачала головой.

– Вик дал мне на этот счет четкие указания. Не пить.

– Я ему не скажу, – пообещал Арчер. – Буду нем как могила.

– Нет, – отказалась Нэнси. – Вик говорит, что, выпив, я начинаю вести себя глупо, и он прав.

– А Вик много пьет? – полюбопытствовал Арчер.

– Да. – В голосе Нэнси не слышалось осуждения. – Дважды мне приходилось затаскивать его в общежитие. Он весит тонну и очень опасен, когда пьян. Может сделать все что угодно. Последний раз прошел по водопроводной трубе над оврагом у озера. Ночью. На спор. Овраг там глубиной двадцать футов. Когда мы попытались его остановить, он и слушать не стал. Сшиб с ног Салли (это номер семнадцатый, он играет по центру), потому что Салли встал у него на пути. А Салли – его лучший друг.

Похоже, решил Арчер, этот студент исторического факультета свободное от занятий время посвящает не только подготовке домашних заданий. И маленькая Нэнси Макдональд не так проста, как может показаться, если смотреть на нее в аудитории, через шесть рядов разделяющих их столов.

Он поднес фляжку ко рту, выпил. Бурбон, очень мягкий и крепкий. Этот квотербек, одобрительно отметил Арчер, не поит старших по возрасту всякой дрянью.

До начала игры оставалось всего ничего, и Сэмсон, тренер команды колледжа, повис на руке Эрреса, что-то нашептывая ему на ухо. Эррес нетерпеливо кивал, стараясь отделаться от Сэмсона, словно уже не раз слышал все то, что втолковывал ему тренер, и слова последнего не вызвали у него ничего, кроме скуки. В бинокль Арчер наблюдал, как игроки, собравшись в кучку, настраивались на игру – с напряженными, застывшими лицами, хлопая друг друга по плечам, по спине. Арчер заметил, что Эррес стоит с краю, не принимая участия в священно-

¹⁷ Всеамериканская сборная – список лучших игроков студенческих футбольных команд, по традиции ежегодно составляемый экспертами и публикуемый в журнале «Коллиерс». Составляется с 1889 г.

действию, но терпеливо взирая на эту суету, словно взрослый, наблюдающий за играющими детьми. А когда кто-то из игроков энергично шлепнул его по спине, Эррес раздраженно повел плечами. Перед тем как игроки рассредоточились по полю, номер 17, Салли, встал на колени и перекрестился. Вот тут на лице Эрреса отразилось презрение.

– Зря он так, – покачала головой Нэнси. – Вик всегда высмеивает Салли за то, что тот крестится перед игрой, хотя знает, что Салли обижается. Вик утверждает, что Салли только отвлекает Бога по пустякам. Он говорит, что Богу придется забросить куда более важные дела, если по субботам Он будет смотреть футбол.

– Друзья так не поступают. – Китти происходила из религиозной семьи и с уважением относилась к каждому, кто перед важным делом обращал свои помыслы к Создателю. – Наверное, мистер Салли ненавидит его за это.

– О нет. – Нэнси покачала головой. – Салли любит Вика. Каждую субботу утром он идет в церковь к мессе и молится за то, чтобы в игре травмы обошли Вика стороной. Вик ужасно злится.

Наблюдая, как Эррес готовится ввести мяч в игру, Арчер подумал, что не видит необходимости молиться за то, чтобы этот парень закончил игру целым и невредимым. Двигался он спокойно и уверенно, не чувствовалось в нем нервного напряжения, которое поначалу сковывало остальных игроков, сильное тело находилось под его полным контролем. Однако, как только начался матч, Эррес сразу удивил Арчера. Играл он с холодной безрассудностью, подерживая линию защиты или бросаясь на нападающих с абсолютным, по мнению Арчера, пренебрежением к элементарным правилам самосохранения. Арчер не отрывал бинокля от глаз, следя не за игрой, а за Эрресом. При контакте Эррес причинял игрокам команды соперника боль, то принимая нападающих на корпус, то броском в ноги укладывая их на газон, даже когда игрока, владеющего мячом, останавливали другие и атака захлебывалась. Когда же мячом владела его команда, он бесстрашно лез напролом, прорывая линию обороны, и по ходу игры удары становились все сильнее и сильнее. Если мяч оказывался у Эрреса, он и не пытался обвести или обмануть соперника ложным маневром. Нет, он рвался вперед, сшибая защитников с ног, топтал тех, кто упал, тащил повисших на нем. Несмотря на то что Арчер практически ничего не знал об американском футболе, ему хватило нескольких минут, чтобы понять, что играть против Эрреса – удовольствие небольшое.

И манерой поведения на поле он отличался от остальных игроков. Во всех его действиях сквозило полное безразличие к происходящему. Он всегда держался в стороне, пока остальные поздравляли кого-то из игроков или друг друга с удачным розыгрышем мяча или добытыми очками. Между розыгрышами Эррес стоял особняком, сложив руки на груди или уперев их в бока. Он не слушал других игроков, не замечая их, а в перерывах между таймами уходил к кромке поля, опускался на колени и спокойно разглядывал зрителей.

– Не следует ему так себя вести, – услышал Арчер осуждающий голос Нэнси, когда в перерыве Эррес, как обычно, отошел к кромке поля, повернувшись спиной к игрокам своей команды, собравшимся вокруг паренька, который принес бутылки с водой.

– Ты это о чем? – спросил Арчер.

– Не следует вот так уходить, – пояснила Нэнси. – Другие ребята обижаются. Считают, что он зазнайка.

Арчер улыбнулся.

– Это не смешно, – продолжала Нэнси. – Салли приходил ко мне, хотел, чтобы я попросила Вика этого не делать. Ребята действительно обижаются. Они думают, что Вик их ни во что не ставит. Салли говорит, что в следующем году Вика не выберут капитаном, хотя он лучший игрок команды.

– Ты с ним поговорила?

– Нет.

– Почему?

– Потому что Вик никого не будет слушать, – очень серьезно ответила Нэнси. – Особенно свою девушку. Такой уж он человек. Хотите выпить?

Арчер пристально посмотрел на нее. Да, это не просто мальчик и девочка, которые сидят в аудитории взявшись за руки. И если бы он спросил, любовница ли она Эрреса, Нэнси бросила бы на него удивленный взгляд, прежде чем ответить: «Конечно. Разве вы не знаете?»

– Да, – кивнул Арчер. – Выпью с удовольствием.

– И я тоже, – подала голос Китти. Щеки ее покраснелись от холода, лепестки хризантемы желтым снегом засыпали пальто. – Я зачоченела. – Она приложила к фляжке. – Все, становлюсь спортсменкой. Ты счастливая, Нэнси. У тебя мужчина, который каждую неделю выводит тебя на свежий воздух.

«Я не уверен, – подумал Арчер, беря фляжку из руки жены, – что Нэнси так уж счастлива».

Перед окончанием игры на поле завязалась потасовка. Команда гостей безнадежно проигрывала и очень болезненно реагировала на каждое нарушение правил. И когда одного из защитников уложили на траву после свистка, он бросился на обидчика с кулаками. Через десять секунд вокруг собрались все игроки, включая запасных. Только Эррес стоял ярдах в двадцати от толпы, насмешливо улыбаясь и качая головой. Когда запасной команды гостей пробежал мимо него, Эррес вскинул руки, приняв боксерскую стойку. Запасной остановился и в недоумении уставился на Эрреса. На трибунах засмеялись. «Нет, молодой человек, – подумал Арчер, – в следующем сезоне тебя не выберут капитаном».

Судьи и тренеры развели драчунов, игра возобновилась. Еще через две минуты раздался финальный свисток, и толпа зрителей высыпала на поле, чтобы поздравить своих любимцев.

– Мне пора. – Нэнси встала. – Я должна встретить Вика у раздевалки, а он всегда выходит первым. Не задерживается ни на минуту. – Она потрясла фляжку, приблизив ее к уху, и улыбнулась, увидев, что Арчер и Китти наблюдают за ней. – Вик любит выпить после игры.

– Тренер об этом знает? – спросил Арчер.

– Я уверена, что знает. – Нэнси пожала руку Китти. – До свидания. Спасибо вам за компанию.

– Передай мистеру Эрресу, что на последнем ряду сидела его преданная болельщица. И бурбон пришелся очень кстати, особенно во второй половине игры.

– Обязательно передам. Я знаю, ему будет приятно услышать об этом.

– Ты думаешь, он сегодня напьется? – спросил Арчер, хотя и отдавал себе отчет, что не следует задавать такой вопрос.

– Скорее всего, – беззаботно ответила Нэнси и сложила плед.

– Что же, желаю вам хорошо провести сегодняшней вечер.

– Спасибо, мистер Арчер. – Девушка вышла в проход между секторами и по лесенке спустилась вниз, унося с собой плед и фляжку с остатками бурбона, предназначенного для ее любимого, который сейчас снимал в раздевалке пропитанный потом свитер. Арчер смотрел, как она уходит, счастливая, юная, лишившаяся невинности, и думал о том, что пропасть между ним и молодежью становится все глубже.

Домой он шел медленно, держа Китти за руку. Он поцеловал жену, когда они поднялись на крыльцо, даже не зная, что его к этому побудило. Лицо Китти похолодело от ветра, кожа пахла хризантемой, осенью и здоровьем.

– Я чувствую себя на девятнадцать лет, – прошептала она. – Действительно, мне сейчас девятнадцать, и ни днем больше.

Арчер решил, что знает, почему Китти чувствует себя девятнадцатилетней. Но сам он в этот осенний вечер ощущал себя гораздо старше.

Дома Китти позвала Джейн, начала готовить ей ужин, а Арчер прошел в кабинет, зажег свет, сел за стол и подвинул к себе полтора написанных акта пьесы о Наполеоне III. Начал читать. Пустые, мертвые слова. А ведь еще в одиннадцать утра ему казалось, что его герои живут полнокровной жизнью.

Арчер откинулся на спинку стула, думая о том, что сейчас самое время выпить.

С этого дня Арчер ходил на все игры, ограничив субботнее общение с Наполеоном III первой половиной дня. Эррес все так же держался особняком, играл жестко, не упускал случая насмешливо улыбнуться. Он стал причиной небольшого скандала, отказавшись прийти на собрание команды накануне встречи с традиционным соперником. Нэнси потом рассказала Арчеру, что остальные игроки прямо-таки кипели от возмущения, узнав, что вместо собрания Эррес пошел в кино. Как и предсказывал Салли, в следующем году капитаном выбрали другого.

Но настоящий скандал разразился в следующем сезоне, когда Эррес учился уже на последнем курсе. К тому времени он и Арчер стали друзьями. Эррес и Нэнси частенько заходили к Арчерам, играли с Джейн, которой сразу пришелся по душе Вик, после обеда помогали Китти мыть посуду. По просьбе Китти зимой Эррес вытаскивал Арчера на каток, а весной, летом и осенью – на теннисный корт. Китти боялась, что Арчер растолстеет, и требовала, чтобы тот занимался спортом. Но до появления Эрреса Арчер все свободное время проводил в кресле или на диване, пропуская ворчание жены мимо ушей. Эррес и в теннис играл хорошо, так что Арчер, по природе медлительный и неуклюжий, в достойные соперники ему не годился. Но Эррес не возражал против того, чтобы проводить с Арчером на корте три-четыре часа в неделю. Он с улыбкой на губах гонял Арчера по корту, посылая мячи в разные углы, дабы у того, как и хотела Китти, не завязывался жирок.

А потом Эррес записался в драматический кружок и получил главную роль в очередной пьесе.

– Зачем это тебе? – как-то вечером спросил его Арчер. Он действительно не понимал мотивов Эрреса. За исключением футбола, тот не принимал никакого участия во внеучебной жизни кампуса. Дружил Эррес только с Салли и Арчерами, сторонился любых общественных мероприятий. Даже в общежитии жил один, полагая, что это гостиница, а не родной для студента дом. – Я не знал, что ты мнишь себя артистом.

– Наверное, нет, – улыбнулся Эррес. – Но я хочу приглядывать за Нэнси. – Нэнси блистала в драматическом кружке и после окончания колледжа собиралась поехать в Нью-Йорк, чтобы попробовать себя на сцене. – Не нравится мне, что она возвращается домой в час ночи в сопровождении главного героя после того, как вечером они репетировали любовную сцену. А теперь главный герой – я, так что никуда она от меня не денется.

Начиналось все как шутка. Но потом Эррес принес Арчеру два билета на премьеру и обратился к нему с куда более серьезной просьбой.

– Послушай, Клемент, я хочу, чтобы ты очень внимательно наблюдал за мной. Не выпивай перед спектаклем и постарайся забыть о том, что ты мой друг. Считай себя газетным критиком, которому плевать на авторитеты.

К просьбе Эрреса Арчер отнесся с пониманием. Пьеса называлась «Волосатая обезьяна», и Эррес с его светлыми, коротко стриженными волосами и аристократическим лицом не очень-то подходил на роль гориллообразного лесоруба, однако решительность и непоколебимая уверенность в себе позволили ему вжиться в образ, так что спектакль он как минимум не провалил. Все это и выложил ему Арчер в тот же вечер. Эррес жадно ловил каждое слово, кивал и соглашался, когда Арчер указывал на мелкие просчеты, обусловленные недостатком мастерства. Уходя, он с неожиданной теплотой крепко пожал Арчеру руку, сказав: «Спасибо тебе. Именно это я и хотел услышать. Спасибо за честность».

В постели, погасив свет, Арчер поделился своими мыслями с Китти.

– Вик такой странный. Податься в актеры. Вот уж от него я такого не ожидал. И его действительно волнует, какое он производит впечатление.

– О Вике Эрресе можно не волноваться, – заметила Китти. – От него требуется одно – лечь под деревом. А спелый плод сам упадет ему в рот.

В то лето Эррес и Нэнси устроились в летний театр на востоке. Работали по четырнадцать часов в день, играли маленькие роли, посещали классы актерского мастерства, красили комнаты, чтобы оплатить жилье. Тем же летом Арчер закончил пьесу о Наполеоне III и выбросил ее в корзину.

Скандал разразился после второго футбольного матча, и Арчеру так и не удалось избавиться от ощущения, что он приложил к этому руку. Как-то вечером Эррес заглянул к ним после тренировки, поиграл с Джейн, а потом спросил Арчера, не сможет ли тот уделить ему несколько минут. В кабинете от свойственной Эрресу уверенности не осталось и следа, и Арчер долго набивал трубку, чтобы Вик мог собраться с мыслями.

– Я хочу попросить тебя об одолжении.

«Понятно, – подумал Арчер, – Нэнси залетела, и он пришел к старшему товарищу, чтобы тот посоветовал, у кого сделать аборт».

– Я играю в новой пьесе, – продолжал Эррес. – Мне опять дали главную роль. Репетиции идут уже две недели. Сегодня у нас прогон. Я хочу, чтобы ты пришел и посмотрел на меня. А потом честно, как и весной, высказал свое мнение. Летом я много работал, но результат вызывает у меня сомнения. Я хочу, чтобы ты сказал, могу я состояться как актер или нет. Ты единственный, кому я могу доверять. Вопрос этот для меня очень важен. Потом я объясню почему.

– Конечно. – Арчеру стало стыдно за свои мысли. «Больше не буду читать эти реалистические романы», – сказал он себе. – Обязательно приду.

– И мне нужна только правда. – Эррес пристально смотрел на Арчера. – Ничего, кроме правды. Если ты покривишь душой, Клемент, я до конца своих дней тебе этого не прошу.

– Послушай, друзьям такого не говорят. – Слова Эрреса тревожили и раздражали Арчера.

– Я серьезно. – Эррес поднялся. – Начало в половине девятого. – Он вышел из кабинета.

Усевшись в последнем ряду, Арчер понял, что предупреждение Эрреса по-прежнему не дает ему покоя, и постарался отключиться от его последних слов, чтобы они не мешали объективному восприятию происходящего на сцене. Играли студенты пьесу Сидни Хауарда «Они знали, чего хотят». Эрресу досталась роль молодого ковбоя, который соблазняет официантку, жену фермера-итальянца. Нэнси в роли жены произвела на Арчера самое благоприятное впечатление – нежная, трогательная, сексуальная. И он дал себе слово воздерживаться от оценки исполнительского мастерства Эрреса до окончания спектакля. Едва упал занавес, как Эррес и Нэнси одновременно появились из-за кулис. Играли они без костюмов, и Эррес на ходу надевал пиджак.

– Быстро уходим, – сказал он поднявшемуся навстречу Арчеру. – Пока этот идиот Шмидт не порадовал нас своей очередной находкой.

Говорил он про режиссера, который одно время работал у Рейнхардта¹⁸ в Германии и обожал долго и нудно анализировать игру актеров. Идиотом называл Эррес и Сэмсона. Выходя из зала, Арчер в какой уж раз отметил, что Эрресу не свойственно уважение к старшим, особенно к учителям, которые пытались его чему-то научить. Он даже задался вопросом, а что говорит Эррес о нем, выходя из аудитории после очередного семинара. Но в данном случае

¹⁸ Рейнхардт, Макс (1873–1943) – знаменитый немецкий актер и режиссер. В 1905–1933 гг. возглавлял Немецкий театр. В 1933 г. эмигрировал из Германии, умер в США.

Эррес не грешил против истины. Оценивая педагогические таланты Шмидта и Сэмсона, Арчер охарактеризовал бы их точно так же.

Как только они вышли из здания, Арчер повернулся к девушке:

– Нэнси, сегодня ты играла великолепно.

– Во втором акте, – уточнила Нэнси. – Во втором акте я играла неплохо.

Арчер улыбнулся. Похоже, ее пора принимать в Актерскую ассоциацию за справедливость¹⁹.

– Нэнси, – сказал девушке Эррес, когда они поравнялись с корпусами женского общежития, – тебе самое время пожелать нам спокойной ночи и идти спать.

– Я не хочу идти спать, – запротестовала Нэнси. – Еще рано.

– Спать, – ровным, спокойным голосом повторил Эррес. – Клементу и мне надо кое-что обсудить. Мужской разговор.

– Я ненавижу мужчин. – Нэнси надула губки. – Я думаю, мужчин следует упразднить.

– Да, дорогая. – Эррес наклонился и по-домашнему поцеловал ее, не обращая внимания на присутствие Арчера. – А теперь иди.

– Ты даже не проводишь меня? – В голосе Нэнси звучала обида.

Арчер понимал, что она окрылена своим успехом и хочет поделиться радостью с близкими ей людьми.

– Нет, дорогая.

– Надеюсь, вы быстро наскучите друг другу. – Она повернулась и пошла к своему корпусу.

«Умение держать женщин в узде – врожденный талант, – с завистью думал Арчер, глядя ей вслед. – Или он у тебя есть, или нет, этому никогда не научишься». Вот он никогда не мог заставить Китти сделать то, что ему хотелось, за исключением критических ситуаций.

– Я хочу пива. – Эррес направился к кафе. – Жажда замучила.

– А если узнает Сэмсон? – Арчер пристроился рядом. – Сезон в самом разгаре. Он не поднимет шум?

– Да пошел он... – бросил Эррес, и Арчер напомнил себе, что хотел поговорить с Эрресом насчет его лексикона. Он и поговорил, но десять лет спустя.

О спектакле они заговорили лишь после того, как сели за угловой столик и получили по стакану пива. Эррес одним глотком ополовинил свой, поставил стакан на стол и повернулся к Арчеру.

– Ладно. Выкладывай. И помни... – опять предупреждение, – ...никаких уверток. Ты жил в Нью-Йорке, ты видел настоящие шоу и можешь разглядеть в актере искру таланта. Я все лето вкалывал как проклятый, но так и не понял, получится из меня второй Джон Барримор²⁰ или я ни на что не гожусь. И сегодня ты окажешь мне неоценимую услугу, сказав правду. Я хочу знать твое мнение: есть ли у меня шанс на актерскую карьеру в Нью-Йорке?

– Перестань, Вик, – запротестовал Арчер, – этого тебе никто не сможет сказать. Столько разного может случиться...

– Слушай, давай обойдемся без очередной статьи о проблемах американского театра, – прервал его Эррес. – Я знаю, что случиться может много чего. Меня это не интересует. Если и случится, то не со мной. Я счастливчик, а потому при резких поворотах судьбы мои шансы подняться только возрастают.

«Какое самомнение, – подумал Арчер, – какое нужное, полезное самомнение! В возрасте двадцати одного года верить, что ты счастливчик и твои шансы предпочтительнее, чем у других».

¹⁹ Профсоюз театральных актеров и режиссеров. Основан в 1913 г.

²⁰ Барримор, Джон (1882–1942) – звезда Голливуда, один из самых многогранных героев «немого» и «разговорного» кино, с одинаковым успехом исполнявший роли героев-любовников и отъявленных злодеев.

– От профессора я хочу услышать только одно. – Эррес холодно сверлил его взглядом. – Я хочу знать, считает ли профессор, что у меня достаточно таланта, чтобы ехать в Нью-Йорк и зарабатывать на пропитание на сцене. Короткое и ясное «да» или «нет», произнесенное просвещенным зрителем.

– Обычно такое решение принимают иначе. – Арчер попытался уйти от прямого ответа. – Человек должен почувствовать, что не может без этого жить. Почувствовать, что он не только хочет, но и может играть.

– Я ничего не хочу чувствовать, – отрезал Эррес. – А могу я многое, не только играть на сцене. Так что давай вернемся к моей просьбе.

– Хорошо. – Арчер понял, что деваться некуда. – Я думаю, у тебя незаурядный актерский талант и ты многому научился за лето. Внешность – еще один твой плюс. Короче, велика вероятность того, что ты станешь душой всех детских спектаклей, которые дают по средам.

– Это хорошо. – Эррес кивнул и допил пиво. – В июне я еду в Нью-Йорк. Ищи мою фамилию на афишах. – Он улыбнулся и сразу помолодел лет на пять.

– Подожди, подожди, – затараторил Арчер. – Не полагайся только на мое слово. Тыставишь на кон свое будущее, и я не хочу...

– Не волнуйтесь, профессор. – Эррес похлопал его по руке, вновь улыбнулся. – Я не буду винить вас в том, что закончил свою жизнь в доме призрения для старых актеров.

– А теперь скажи, что все это значит. – Арчеру не понравилась покровительственная интонация, которую он уловил в голосе Эрреса.

– Обязательно. – Эррес махнул рукой официантке, чтобы та принесла еще два стакана пива. – Нэнси Макдональд. После окончания колледжа она собирается жить в Нью-Йорке, и в этом все дело. Мой отец нашел мне работу в «Дженерал моторс», но это в Детройте, а Нэнси не хочет жить в Детройте. А я не хочу разлучаться с ней на пару лет. В Нью-Йорке слишком много красивых парней. В конце концов она окажется в постели с кем-то из них и забудет своего приятеля-джентльмена из Детройта. А я хочу, чтобы она каждый день была со мной, чтобы мы вместе ездили в отпуск и каждый вечер виделись за обедом.

«А ведь этот человек – фанатик моногамии», – подумал Арчер.

– Послушай, а с ней ты это обсудил? – спросил Арчер. – Предлагал выйти за тебя замуж и поселиться в Детройте?

– Да, – кивнул Эррес. – Бесплезно. А если мы будем жить в разных городах, она отказывается говорить даже об обручении. Не хочет, впервые попав в Нью-Йорк, обременять себя связью с фантомом. Мужчина, находящийся на расстоянии тысячи миль, для нее – фантом.

– И поэтому ты решил, что до конца своих дней будешь актером? – в изумлении спросил Арчер. – Только по этой причине?

– Именно так. – Эррес выпил половину второго стакана. – И конечно, в Детройт меня тянет гораздо меньше, чем в Нью-Йорк. Детройт я знаю. Вот я и прикинул, каким образом смогу зарабатывать на жизнь в Нью-Йорке. Составил списочек. И первую строчку занял театр. Для меня нет особой разницы, чем заниматься. Я готов играть на сцене или делать «бьюики». Не надо изумляться, профессор. Девяти из десяти американцев наплевать на свою работу. Ты вот преподаешь историю. В этом твое призвание? – с вызовом спросил он.

Арчер отпил пива.

– Не уверен, – ответил он.

– Я твердо знаю, что хочу только одного: до конца своих дней жить с Нэнси Макдональд. Это мое единственное желание. Все остальное – ерунда. Возможно, этим я позорю свою семью и конституцию Соединенных Штатов Америки, но так уж вышло. Короче, за свадьбу и за актерский грим. – Эррес поднял стакан. – В таком порядке.

– Дейвид Гаррик²¹ корчится от боли, – вздохнул Арчер. – Где бы он ни был.
– Пускай корчится, – усмехнулся Эррес. – Даже если этого старого лицедея сведет судорога, не беда. Где бы он ни был. Как-нибудь навести нас в Нью-Йорке.

А на следующий день разразился грандиозный скандал. Эррес подошел к Сэмсону перед тренировкой и сказал, что завязал с футболом. С этой самой минуты. Чтобы посвятить все свободное время репетициям в драматическом кружке. Бедняга Сэмсон многое повидал на своем веку. У одних возникали проблемы с учебой, другие приходили на тренировку пьяными, третьи подхватывали триппер после выездных игр. Но чтобы футбол меняли на театр, такого он и представить себе не мог. Сэмсон не мог поверить своим ушам и чуть не плакал, уговаривая Эрреса не торопиться с решением, отыграть еще хотя бы одну игру... Эррес слушал, но оставался при своем мнении. Он уделил Сэмсону ровно пять минут, повернулся и ушел с футбольного поля.

На следующий день сообщение об этом появилось на первой полосе газеты колледжа под набранным аршинными буквами заголовком «ЭРРЕС УХОДИТ». В статье Эрреса обозвали предателем, словно его схватили с поличным, когда он собирался поджечь научный корпус или продать соперникам командные сигналы.

Сэмсон пришел к Арчеру, интуитивно чувствуя, что тот каким-то боком имеет отношение к принятому Эрресом решению. Тренер что-то сбивчиво говорил о взаимной ответственности, о традициях колледжа, о том, что не найти ему другого квотербека, который может сementировать оборону и организовать атаку. А в конце своей речи потребовал, чтобы Арчер повлиял на Эрреса и уговорил его вернуться.

– А теперь послушайте меня, – ответил ему Арчер, злясь и на Сэмсона, и на Эрреса, поставившего его в столь нелепое положение. – Моя работа – преподавать историю. Мне платят не за то, чтобы набирать игроков в футбольную команду. И даже если бы я хотел помочь, а такого желания у меня нет, с Эрресом ничего поделать нельзя. Вы достаточно хорошо его знаете, чтобы это понимать.

– Он неблагодарный. – Сэмсон печально покачал головой. – Бездушный. На всех ему наплевать, кроме себя. Он – чертов интеллеktуал.

– Тогда вам надо радоваться его уходу, – заметил Арчер. – Он не сможет обратить других в свою веру.

– Да. – Сэмсон провел громадной рукой по грубому, иссеченному ветром лицу. – Да. Он сделал это в лучшем для меня сезоне, потому что не любит меня. Лично меня. Он смотрит на меня свысока. И не трясите головой, Арчер. Этот сукин сын смотрит на меня свысока. В два раза моложе, а относится ко мне так, словно я – его приехавший из провинции племянник. Я это терпел. И готов терпеть и дальше ради престижа колледжа. Но мне нужна помощь. Мне некем его заменить. Есть О’Доннелл. – Тут Сэмсон начал озвучивать грустные мысли, которые роились у него в голове с того самого момента, как Эррес заявил о своем решении. – Но он не блокировал полузащитника с тех пор, как закончил среднюю школу. Опять же у него травмировано колено. Есть Шиварски, но моя мать пробежит сто ярдов быстрее, чем он. А когда речь заходит о командных сигналах... – Сэмсон с тоской вскинул глаза к потолку. – Поручить ему это дело – то же самое, что дать швейцарские часы обезьяне.

– Я очень сожалею, Сэмсон, – вздохнул Арчер, – но ничем не могу вам помочь.

– Вы могли бы поговорить с ним. Что вам стоит? Попытка не пытка. Парни говорят, что он к вам благоволит. Парни говорят, что во всем кампусе этот бесчувственный сукин сын может прислушаться только к вам. Попробуйте.

²¹ Гаррик, Дэвид (1717–1779) – знаменитый английский актер.

– Он уже принял решение, – ответил Арчер. – Так что к субботе вам надо найти другого квотербека.

– Да. – Сэмсон поднялся и нервно хохотнул: – Только и всего. – Он взял шляпу. – В этом кампусе меня окружают враги, – пробормотал он, открывая дверь. – Очень им хочется выжить меня отсюда.

Даже декан вызвал Эрреса к себе и очень тактично попытался уговорить его вернуться в команду. Эррес был предельно вежлив, но не отступил ни на шаг. После разговора с ним декан очень расстроился и даже задался вопросом, а не теряет ли он связь с подрастающим поколением.

– Ко мне заходил этот дефективный редактор, – сообщил Эррес Арчеру на следующий день после разговора с Сэмсоном. – Сказал, что хочет быть объективным. Заявил, что готов предоставить мне место в газете, чтобы я обосновал свою позицию. Хотел, чтобы я объяснил, по его словам, мое предательство интересов колледжа, изложив истинные причины принятого мною решения.

– И что ты ему на это ответил? – полюбопытствовал Арчер.

Эррес улыбнулся.

– Я сказал ему, что собираюсь податься в гомосексуалисты, а парни, играющие в футбол, не в моем вкусе. Меня не удивит, если он все это напечатает. Дай человеку возможность написать пару колонок, и он полностью утратит чувство реальности. Верность колледжу! – фыркнул Эррес. – Да ничего я этому колледжу не должен! Я плачу за обучение, сдаю все зачеты и экзамены, не бью преподавателей. А кроме всего прочего, надоел мне футбол. Игры еще ладно, но тренировки просто обрыдли. И если команда проиграет из-за меня пару игр, почему я должен из-за этого волноваться? Почему вообще кто-то должен из-за этого волноваться? У нас есть полузащитник, Сэм Росс, так он плачет в раздевалке всякий раз, когда мы проигрываем. Двадцать три года, двести семь фунтов – и пятнадцать минут хнычет, как младенец. Его место не в колледже, а в больнице. Однажды он полез со мной драться, услышав, как я насвистываю в душе после проигрыша. А эти разговоры, что футбол закаляет характер! Ты знаешь, укреплению каких черт характера способствует футбол?

– Каких? – с неподдельным интересом спросил Арчер.

– Жестокости, садизма, двуличности, – без запинки перечислил Эррес. – Я это понял задолго до того, как объявил Сэмсону о своем уходе. Я и играл-то в футбол только потому, что мне нравилось сшибать людей с ног. В прошлом году я сломал одному парню ногу, шел рядом с носилками, изображая скорбь, а на самом деле был очень доволен собой. Смотрел, как он кричит от боли. Хороший американский мальчик, которого учили, что в здоровом теле здоровый дух, который каждую субботу укреплял характер на футбольном поле. – Он бросил на Арчера насмешливый взгляд: – Как, по-твоему, я должен написать все это редактору?

– И все-таки, – слова Эрреса не удивили Арчера, который помнил, с какой холодной жестокостью тот крушил соперников, – я считаю, что ты должен написать в газету тактичное письмо, чтобы сгладить возмущение.

– Да пусть возмущаются, – отмахнулся Эррес. – Это не их дело.

– Вик, – медленно начал Арчер, несогласный с позицией юноши, – до определенного предела самоуверенность молодости вполне приемлема, даже желаемая. Она являет собой независимость души, мужество, веру в себя. Но, переваливая этот предел, она превращается в тщеславие, жестокость, пренебрежение к окружающим. Это грех гордыни, Вик, возможно, самый худший из всех.

Эррес улыбнулся.

– Вот уж не знал, что закон Божий стал в этом кампусе обязательным предметом.

Арчер сдержал злость.

– Я говорю с тобой не как священник, но как учитель и друг. Есть минимум приличий, который необходимо соблюдать в обществе, в котором ты живешь. Если твой поступок расценивается как странный, наносящий урон, недружественный людям, с которыми ты учишься или работаешь, которые в той или иной степени зависят от тебя, мне представляется, что они вправе рассчитывать на какое-то объяснение. Ты живешь среди этих людей, они живут рядом с тобой, и они должны знать свое место в окружающем их мире.

– Тут вступает духовой оркестр, исполняющий гимн колледжа, – покивал Эррес. – Я никому ничего не должен. Если мне отведут определенное место в окружающем их мире, я тут же перееду. А если я страдаю от греха гордыни... – его брови насмешливо взлетели вверх, – ...я этому только рад. Спасибо за ваше участие, профессор. Завтра пойдем на футбол?

После его ухода Арчер долго сидел, уставившись в пустой камин, взволнованный, подавленный. «Я воспринимаю все это слишком серьезно, – думал он. – Не надо забывать, что ему только двадцать один год».

На следующий день проход вдоль трибуны в компании Эрреса и неторопливый подъем по ступенькам стали для Арчера одним из самых тяжелых испытаний в его жизни. Люди замолкали при их приближении, а те, кто сидел дальше, вставали и смотрели на них с холодными, непроницаемыми лицами. Арчер, который хотел, чтобы люди всегда любили его, чувствовал себя очень неуютно и одиноко рядом с Эрресом, сам же «виновник торжества» словно и не замечал реакции окружающих. Он непринужденно вел разговор, кивал знакомым, хотя те и не отвечали на приветствия, смеялся над собственными шутками, а как только они сели, на этот раз не в последнем ряду, достал серебряную фляжку и предложил Арчеру. Тот, чувствуя на себе тысячи взглядов, отказался, ругая себя за трусость. «Этот день не прибавит мне популярности», – мрачно подумал он. Эррес выпил чуть-чуть и убрал фляжку.

Во время игры, когда команда не могла перевести игру на половину соперника или ее дожимали на лицевой линии, соседи с укором смотрели на Эрреса, но взгляды эти ничуть не волновали его. Он объяснял Арчеру комбинации, обращал его внимание на ошибки игроков, предсказывал результат розыгрышей, время от времени прикладываясь к фляжке. «То ли этот парень закован в непробиваемую броню, – с восхищением думал Арчер, – то ли он один из величайших актеров нашего времени». В последней четверти Арчер и сам глотнул бурбона, холодно, подражая Эрресу, оглядев осуждающие физиономии сидящих вокруг.

– Премия «Серебряная фляжка», – улыбаясь, прошептал Эррес после того, как Арчер вернул ему фляжку, – присуждается мистеру Клементу Арчеру за выдающееся мужество, проявленное перед лицом всеобщего неодобрения.

В каждой шутке есть доля правды, и Арчер достаточно хорошо знал Эрреса, чтобы понять, что тот очень доволен его поступком. «Мне надо повнимательнее приглядываться к этому молодому человеку, – сказал он себе. – Я смогу многому у него научиться».

После игры (колледж, конечно же, проиграл) Эррес и Арчер прошли сквозь толпу, сопровождаемые негодующим шепотом, и неспешным шагом направились к дому Арчера. Внезапно Эрреса разобрал смех. Арчер, на которого, наоборот, навалилась тоска, в недоумении посмотрел на него.

– Над чем смеешься?

– Над великим моментом. Моментом истины. Когда ты наконец-то выпил и «опустил» всех взглядом. Цезарь, наблюдающий гладиаторов. Вы выдержали испытание, профессор. Я проверял вас весь день, и вы с достоинством преодолели все преграды. У вас сильный характер, профессор, вы тверды как скала, и я восхищаюсь вами.

«Он все тонко чувствует, – подумал Арчер, – и для своего возраста слишком много знает». Но по словам Эрреса чувствовалось, что поведение Арчера на трибуне произвело на него впечатление. Эррес не расточал комплименты, и, пожалуй, впервые он столь откровенно

похвалил своего старшего друга. Шагая к дому, Арчер думал о том, что ему будет не хватать Эрреса, который в июне заканчивал колледж. «В следующем учебном году здесь будет скучно», – решил он.

От порыва ветра жалюзи стукнули о стекло, Арчер, моргнув, чуть не подскочил от внезапного шума. Китти спала, чуть слышно посапывая. Он взглянул на светящийся циферблат часов, стоявших на прикроватном столике. Почти три. «В хорошей же форме я буду завтра утром», – подумал Арчер.

Осторожно выскользнув из кровати, он босиком подошел к окну. По небу плыла луна, окрашивая лишенные листья деревья в серебристый цвет.

Арчер поправил жалюзи, взглянул на Китти и покачал головой, словно стараясь изгнать из памяти тот далекий осенний вечер в Огайо. Его охватила меланхолия, и две фигуры, исчезнувшие с улиц воспоминаний, казались ему такими юными и полными надежд, словно именно тогда они пережили лучшие мгновения своих жизней. Действительно, в те времена все было гораздо проще. И чтобы доказать свою верность другу, от него требовался сущий пустяк: поднести к губам серебряную фляжку на глазах у сидевшего в соседнем ряду декана.

Арчер постоял в проходе между кроватями, глядя на спящую Китти. Наклонился, нежно поцеловал ее в лоб. Она чуть шевельнулась во сне.

Арчер лег на свою кровать, закрыл глаза.

«Позвоню Вику, как только проснусь», – сказал он себе.

Телефон звенел на прикроватном столике, но Арчер не открывал глаза, надеясь, что трубку возьмет кто-то еще. Но звонки не прекращались. Он приоткрыл один глаз. Часы показывали половину одиннадцатого. Автоматически Арчер отнял от десяти с половиной три. Семь с половиной часов. Значит, выспаться ему удалось. Он открыл второй глаз и увидел, что кровать Китти пуста. Телефон все звонил. Арчер протянул руку, взял трубку, поднес к уху, не отрывая головы от подушки.

– Аллю.

– Клемент, – услышал он напористый голос О’Нила. По телефону тот всегда разговаривал как высокопоставленный чиновник, требующий от своего подчиненного быстрого и полного отчета. – Ты проснулся?

– Почти. Что-нибудь случилось?

– Ты простудился?

– Нет. – Вопрос удивил Арчера. – С чего ты это взял?

– Голос у тебя странный. Очень низкий.

– Я лежу, – ответил Арчер. – Вот и голос у меня сексуальный.

О’Нил не рассмеялся, и Арчер понял, что повод для звонка серьезный.

– Я подумал, ты простудился. Послушай, Клемент. Мне очень жаль, но я вынужден дать задний ход. Сегодня утром я говорил с Хаттом, и он чуть меня не разорвал.

– Послушай, Эммет, – начал Арчер, – ты говорил...

– Я знаю, что я говорил. Пожалуйста, Клемент, дай мне закончить. Все не так плохо, как ты себе представляешь.

– Выкладывай.

– Хатт чуть не пробил потолок, но потом вернулся на грешную землю и пошел на уступки.

Он даст тебе две недели, потому что я тебе их обещал.

– Отлично. О большем я и не прошу.

– Он даст две недели всем, – продолжил О’Нил, – кроме Покорны.

Наступила тишина. О’Нил ждал ответа Арчера. Но Арчер молчал.

– Я спорил с Хаттом до посинения, – нарушил паузу О’Нил, – но с композитором ничего не выходит. Он готов уволить всех, включая меня и тебя, если мы будем держаться за Покорны.

– А как насчет следующей передачи? – спросил Арчер. – Музыка уже принята.

– На это он согласен. Но не более того.

Арчер внимательно изучал потолок. У окна по побелке пошли трещины. «Скоро придется делать ремонт», – отметил Арчер.

– Клемент, – донесся из трубки голос О’Нила. – Клемент! Ты меня слышишь?

– Слышу.

– Так что ты на это скажешь?

– Я позвоню Покорны, – с неохотой ответил Арчер. – Скажу, что на следующие неделю или две он нам не понадобится. Временно.

– Хорошо. – В голосе О’Нила слышалось облегчение. – Я думаю, это разумное решение.

– Да, очень разумное.

– В конце концов, Хатт согласился дать остальным две недели.

– Поблагодари мистера Хатта от моего имени.

– Он хочет видеть тебя. Сегодня в четыре.

– Я приеду.

– Клемент... – Голос О’Нила изменился, интонации чиновника бесследно исчезли. – Я сделал все, что мог.

– Я знаю, – ответил Арчер. – Я в этом уверен, Эммет.

– Тогда до встречи в четыре.

Арчер положил трубку на рычаг и вновь уставился в потолок. Позвонить Покорны прямо сейчас или сначала встать? С чего лучше начинать день? Что доставит ему больше радости: немедленное действие или затяжка времени? Когда лучше увольнять сотрудника: до или после завтрака? А может, гораздо проще перезвонить О’Нилу и сказать, что с этого самого момента он уходит в отставку? Да только в этом случае он без боя сдаст еще четверых. «Отставка не годится, – сказал себе Арчер. – Это безответственное решение».

«Покорны, – подумал он, потянувшись к телефону, – тебя придется принести в жертву. Ты арьергард, выводящий из-под удара основные силы. И мы надеемся вызволить тебя позже, при обмене пленными. Придется тебе держать удар».

– Алло, – послышался в трубке голос Покорны. – Кто говорит? Кто говорит? – Голос был нервный, пронзительный, словно Покорны ничего хорошего не ждал от телефонных звонков.

– Манфред, это Клемент Арчер.

– О, мистер Арчер, я так рад, что вы позвонили, – затараторил Покорны. – Я хотел извиниться. Прошлым вечером я наговорил лишнего. Вы меня понимаете, насчет дирижера. Я очень разнервничался. Наговорил много того, чего говорить не следовало. Это моя дурная привычка, моя жена постоянно указывает мне...

– Ничего страшного, Манфред. По существу вы были правы.

– О, благодарю вас, мистер Арчер. Я не мог заснуть, я...

– Не волнуйтесь об этом, – прервал его Арчер. – Я звоню по другому поводу. – Он помолчал, подбирая нужные слова. – Понимаете, Манфред, мы хотим внести в шоу некоторые изменения. Поэкспериментировать...

– Да, конечно, – Покорны заранее соглашался со всем, – всегда надо заглядывать впе...

– На следующие одну или две недели, Манфред, мы хотим использовать другую музыку.

– Какую угодно. Какую вам будет угодно. – Голос Покорны стал еще более пронзительным.

– Я имею в виду, что мы хотим попробовать кого-то еще. Другого композитора. – С противоположного конца провода доносилось шумное дыхание. – Временно.

– Да, – пискнул Покорны. – Да, разумеется.

И в трубке слышались гудки отбоя. Арчер положил ее на рычаг. «Все оказалось гораздо проще, чем я предполагал», – подумал он, встал с кровати и начал одеваться.

Глава 4

– Ругаться я не буду, – шептал Хатт. – И не в моих правилах брать на себя роль арбитра. Я считаю, что О’Нил превысил свои полномочия, сказав, что дает вам две недели, но, по моему разумению, сотрудники должны уметь принимать самостоятельные решения. Для агентства это скорее плюс, чем минус. Если эти решения меня не устраивают, я их не отменяю. Мне проще уволить сотрудника.

Хатт кисло улыбнулся. Его бледное, с острыми чертами, неприятное лицо напоминало клин. Он не говорил, а вещал. И всегда шепотом. То ли берег голосовые связки, то ли понимал, что это лучший способ заставить людей слушать его внимательно. Точной причины Арчер не знал. Но, имея дело с Хаттом, приходилось сидеть на краешке стула и напрягать слух, чтобы ничего не упустить. Невысокого роста, худощавый, лет пятидесяти с небольшим, Хатт носил дорогие костюмы и так зализывал седеющие волосы, что они казались шапочкой, обтягивающей череп. Во время войны он занимал важный пост в Управлении военной информации²², так что у него остались связи со многими высокопоставленными чиновниками в Пентагоне и других правительственных учреждениях, которым он иногда звонил, шепча в трубку, в присутствии Арчера. По уик-эндам Хатт напивался, но в понедельник всегда приходил на работу с ясными глазами и прямой спиной, вышагивая по коридорам, словно командир дивизии. Он верил в себя и в правильность собственных суждений, обладал врожденной командирской жилкой и привык к тому, что ему подчинялись. Арчер виделся с ним редко, и всякий раз в присутствии Хатта ему становилось как-то не по себе, хотя Хатт всегда держался очень корректно и дружелюбно и, бывало, даже приглашал Арчера на ланч. Кабинет Хатта своей близкостью и холодностью напоминал Арчеру операционную.

О’Нил сидел в углу, в глубоком кожаном кресле, практически невидимый в сгущающемся сумраке уходящего зимнего дня. Арчер пристроился на стуле у стола Хатта и внимал ему.

– Только в отношении Покорны я вынужден просить у вас прощения и отступить от заведенного мною порядка. Я настаиваю на том, чтобы вы немедленно отказались от его услуг. Это не такой уж плохой компромисс, не так ли? Только один из пяти. – Его губы искривила ледяная улыбка. – О’Нил, ты не можешь сказать, что я очень уж сильно ограничиваю твою самостоятельность, не так ли?

– Нет, сэр, – отозвался О’Нил из темного угла.

– Я располагаю достоверной информацией, что Покорны сообщил о себе ложные сведения, когда в 1939 году подавал заявление с просьбой разрешить ему въезд в эту страну, и правительство скорее всего депортирует его. В то время очень известные в мире музыки люди ходатайствовали за Покорны и способствовали бы тому, что в случае отказа эта история попала бы в газеты, вызвав нежелательный шум.

– А если Покорны докажет, что не сообщал ложных сведений? – спросил Арчер. – На суде или на разбирательстве, которое ему предстоит? Что мы тогда будем делать?

– Тогда я, разумеется, – Хатт тепло улыбнулся Арчеру, – сочту за честь вновь сотрудничать с ним.

– Тогда почему не дождаться решения Иммиграционной службы? – спросил Арчер. – Почему вы должны депортировать его заранее?

– Я собираюсь сказать что-то ужасное, – опять короткая улыбка, – но надеюсь, за эти слова вы не затаите на меня зла. Мы не можем позволить себе такой роскоши. Радио, как вы

²² Управление военной информации – правительственное ведомство, создано в 1942 г. с целью ведения пропаганды военной политики американской администрации как внутри страны, так и за рубежом по каналам прессы, радио, кино и любыми другими средствами. Расформировано в августе 1945 г.

оба, несомненно, знаете, переживает трудные времена. Я не сильно погрешу против истины, сказав, что сейчас мы боремся за выживание. Наш новый, совсем недавно появившийся конкурент – телевидение набирает силу, отнимает наших клиентов и аудиторию. Экономическая ситуация в стране неопределенная, отток рекламы наблюдается везде. Препятствия, когда мы могли делать все что угодно, не опасаясь последствий, ушли, возможно, навсегда. Мы балансируем на краю пропасти, господа... и достаточно легчайшего толчка, чтобы сбросить нас в бездну. Мистер Покорны и связанные с ним проблемы могут стать таким толчком. Американского гражданства у него нет, и вскоре, я думаю, Иммиграционная служба представит доказательства того, что он нарушил законы нашей страны, чтобы ступить на ее территорию. Он не столь знаменит, чтобы общественность закрыла глаза на его проступки, возможно, в наши дни таких знаменитостей просто нет, и лично я считаю, что ради него не стоит ломать копья... – Хатт улыбнулся, словно извиняясь за свои слова, но лицо осталось жестким, словно было вырублено из дерева. – К сожалению, в отношении мистера Покорны решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Хатт помолчал. Арчер смотрел, как тот раскуривает сигарету. Вставляет ее в длинный черный мундштук, подаренный ему во время войны одним генерал-лейтенантом, чиркает зажигалкой. Худощавый, с аристократическими манерами, опасный. «Бедный Покорны! – подумал Арчер. – В эту зиму ему устроили незапланированные каникулы».

– Что же касается остальных, – все так же шепотом продолжал Хатт, выпустив струю дыма, – я, как и говорил, не стану отменять решение О’Нила. Он обещал вам две недели, и вы их получите. Но я не намерен скрывать от вас, что лично я такого обещания вам бы не дал. Кроме того, я не понимаю, какую пользу вы можете извлечь из этой задержки...

– Я говорил О’Нилу.

– Знаю, – кивнул Хатт. – О’Нил мне все объяснил. Надеюсь, Арчер, вы не обидитесь на меня, но я думаю, что вы очень наивны.

«Почему бы мне просто не встать и не уйти?» – подумал Арчер.

– Я боюсь, – слова Хатта едва перелетали через стол, – что вы оставили без внимания подоплеку этой истории, Арчер. Как вам известно, в Вашингтоне у меня довольно много знакомых...

– Я знаю, – вставил Арчер.

– А поскольку я принимаю участие в формировании общественного мнения, – иронию в голосе Арчера Хатт предпочел не услышать, – то меня время от времени приглашают туда. Спрашивают совета и, что не менее важно, дают советы. Демократия, – тут он впервые позволил себе говорить не шепотом, – это не улица с односторонним движением.

«Ну вот, – подумал Арчер, – сейчас мне отольются годы его службы в УВИ... он будет рассуждать о демократии».

– Демократия не ограничивается тем, что мы передаем свои пожелания нашим политическим лидерам. Мы должны быть готовы к тому, что иной раз и политические лидеры будут выражать нам свои пожелания. Это логично?

– Да, – с неохотой признал Арчер. – Логично.

– Опять же, если я не ошибаюсь, вы голосовали за нынешнюю администрацию. Во всяком случае, – Хатт покивал, – во время предвыборной кампании вы активно агитировали за мистера Трумэна²³.

²³ Трумэн, Гарри (1884–1972) – с 1934 г. сенатор от Демократической партии, с 1944 г. – вице-президент США. 12 апреля 1945 г., после смерти Рузвельта, стал президентом США. Принял решение об атомной бомбардировке Японии. В 1948 г. был переизбран на пост президента.

– Да, – кивнул Арчер, гадая, куда гнет Хатт и не заманивает ли он его в ловушку. Арчера удивило, что Хатт был в курсе его политических пристрастий. – Но какое отношение имеют к происходящему выборы?

– Самое прямое. Нынешняя администрация выбрана вашими стараниями и представляет ваши интересы. Это соответствует действительности?

– В принципе да.

– А теперь позвольте сказать вам, что совсем недавно, если точнее, то буквально на прошлой неделе, один высокопоставленный государственный чиновник намекнул мне, что сейчас самое время вычистить коммунистов и сочувствующих им из средств массовой информации и центров формирования общественного мнения. И я не уйду далеко от истины, утверждая, что по существу этот намек есть выражение вашей воли.

– Пожалуй. – Арчеру становилось все больше не по себе. – Частично да.

– Сам я, – улыбнулся Хатт, – голосовал за республиканцев. Поэтому именно вы указываете мне, как надо решать эту проблему, а не наоборот.

– Я не думаю, что нам следует разбираться в особенностях государственной власти, формируемой через выборы, – ответил Арчер, осознавая, что этот раунд он проиграл начисто. – Во всяком случае сейчас.

– Отнюдь. – Хатт радостно покачал сигаретой. Дискуссия доставляла ему несказанное удовольствие. – Сейчас самое время поговорить об этом. У нас проблема. Мы по разные стороны баррикад. Но мы сотрудничаем и нужны друг другу. Мы оба, я надеюсь, здравомыслящие люди. Даже О’Нил, – хохотнул он, – в рамках нашей дискуссии может считаться здравомыслящим человеком.

– Я никто, – подал голос О’Нил. – Не берите меня в расчет. Я примитивный идиот. Мне можно поручать только изготовление каменных наконечников для стрел.

– Будучи здравомыслящими людьми, мы пытаемся найти почву для соглашения. Для этого мы должны высказать свои аргументы, выслушать друг друга, оценить с максимально возможной объективностью позицию оппонента. И мы должны взглянуть на ситуацию в целом. – Эту фразу Хатт обожал. Он говорил о необходимости взглянуть на ситуацию в целом, даже когда речь шла о рекламной кампании новой стиральной машины.

– Так какова же ситуация в целом? – Этот вопрос, достойный Сократа, Хатт задал самому себе. Сам и ответил: – Если мы отвечемся от нашей очень узкой, очень конкретной сферы деятельности, от нашей маленькой проблемы, связанной с четырьмя или пятью никому не известными актерами, что мы увидим? Мы живем в мире, разделенном надвое. Нашей стране угрожает огромная, расширяющая свое влияние сила – Россия. Вы следите за ходом моих мыслей?

И этот вопрос частенько слетал с губ Хатта. Этим вопросом он как бы заканчивал одну часть дискуссии, убеждался, что у его слушателя возражений нет, консенсус достигнут, и переходил к следующей части. Правда, Арчеру не доводилось слышать, чтобы на вопрос Хатта кто-то ответил отрицательно.

– Да, слежу, – кивнул Арчер. – Пока не отстал.

– Мы втянуты в процесс, который газетчики превратили в клише. Имя ему – «холодная война». Но, превратившись в клише, процесс этот не стал менее опасен. Можно погибнуть и от клише, которое навязло в зубах. Заверяю вас, мистер Арчер, я уже слышать не могу про «холодную войну». Но это не освобождает ни меня, ни вас, ни любого гражданина этой страны от ответственности перед государственными учреждениями, которые участвуют в борьбе на данном этапе этой войны. Точно так же, как в сорок втором, сорок третьем, сорок четвертом годах, тот факт, что война нам ужасно надоела, не освобождал нас от ответственности перед армией, которая сражалась с немцами и японцами. Надеюсь, я выразился достаточно ясно.

– Я слежу за ходом ваших мыслей, – вновь кивнул Арчер. – Пока не отстал.

Хатт холодно взглянул на него и продолжил все тем же бесстрастным шепотом:

– Для того чтобы победить нас, русские используют различные средства. Военные действия в Китае, речи в ООН, подрывную деятельность в этой стране, которую ведут предатели или обманутые американцы. Как говорили во время войны армейские аналитики, они пытаются навязать свою волю врагу. А враг – это мы, хотя в нашу сторону пока никто не стреляет. Это адекватная оценка ситуации, не так ли?

– Да, – согласился Арчер. Отправляясь к Хатту, он никак не ожидал, что в этот день ему придется выслушать лекцию о международном положении.

– Я, между прочим, считаю себя американцем, преданным своей стране. Моя семья прибыла в Америку в тысяча семьсот десятом году. Среди моих предков – три члена конгресса от разных штатов.

– Мой дедушка участвовал в Гражданской войне, – вдруг вырвалось у Арчера. И тут же ему стало стыдно за то, что он потревожил память старика.

– Это хорошо, – кивнул Хатт, удостоив похвалы героя битвы у Колд-Спринг-Харбора. – По-моему, вы, как и я, хотите уберечь нашу страну от беды.

«Нет, – подумал Арчер, – я не собираюсь поддакивать ему, выставляя напоказ как свой патриотизм, так и заслуги деда».

– Государственный секретарь придумал термин, которым можно охарактеризовать всю нашу оборонительную деятельность этого периода. Тотальная дипломатия. – Хатт облизнул нижнюю губу, словно смакуя два этих слова. – Тотальная дипломатия означает, что все ресурсы страны, все усилия ее граждан слиты воедино. Никто и ничто не остается в стороне, не исключается из процесса. Ни вы, ни я, ни О’Нил, ни пятеро женщин и мужчин, которых мы хотим снять с программы. В тотальной дипломатии, Арчер, как и в тотальной войне, мы готовы призвать к порядку всех граждан, которые оказывают помощь и сочувствуют врагу... или, – он решительным движением выхватил мундштук изо рта, – ...потенциально могут оказать помощь и выразить сочувствие врагу.

«Вот здесь с ним можно и поспорить», – решил Арчер.

– Я не убежден, что Покорны, Эррес или кто-то из остальных помогает или будет помогать либо сочувствовать России.

– Вы высказываете личное мнение, – любезным тоном ответил Хатт, – которое не совпадает с официальной оценкой правительства Соединенных Штатов. Все эти люди принадлежат к организациям, которые Генеральный прокурор назвал подрывными.

– Я могу не согласиться с Генеральным прокурором, – заметил Арчер.

– А я – нет, – с нажимом произнес Хатт. – Более того, позвольте заметить, и очень прошу не обижаться на меня за эти слова, ваше согласие или несогласие ровным счетом ничего не значит. Во время войны армия может объявить, что некий район города для солдат закрыт, скажем Казба в Алжире. Если же какой-то солдат не считал, что Казба чем-то для него опасна, это обстоятельство не останавливало военную полицию, и солдата, задержанного на запретной территории, наказывали в полном соответствии с законом. Даже в свободнейшем из обществ, Арчер, мнение отдельных личностей ограничивается решениями властных структур.

– Вы говорите о войне, – напомнил Арчер, – когда приходится поступаться некоторыми пра...

– В любопытнейшую мы живем эпоху. – Хатт тепло улыбнулся. – Много повидавшие, здравомыслящие, хорошо образованные мужчины и женщины никак не могут решить, на войне мы или не на войне. Вновь, уж простите меня, я вынужден напомнить вам, что думает по этому поводу правительство. То самое правительство, Арчер, которому вы помогли прийти к власти. А правительство говорит, что мы воюем. В сорок первом году, когда правительство сказало, что мы воюем, вы ему поверили?

– Да.

– До седьмого декабря сорок первого года вы и представить себе не могли, что будете стрелять по японским солдатам, не так ли? А после четырнадцатого августа сорок пятого года вы вновь отказались бы стрелять по ним. Но в промежутке, попади вы на фронт, вы бы убили столько японских солдат, сколько смогли, так?

– Да, – ответил Арчер, сраженный железной логикой. «Этот господин, который сидит сейчас по другую сторону стола, должно быть, закончил Гарвардскую юридическую школу», – подумал он.

– Вот и получается, с чем вы сами согласились, – Хатт вставил в мундштук новую сигарету и закурил, – что в этом вопросе вы отказались от права принимать решения. Но ведь нынешний пятидесятый год в принципе ничем не отличается от сорок первого.

– Давайте отвлекемся от общей ситуации, – Арчер понял, что его загнали в угол, – и вернемся к конкретным людям.

– Если вы настаиваете. – В голосе Хатта слышалось сожаление.

– Я настаиваю. – Арчер встал и прошелся по кабинету, пытаясь вырваться из пут логики Хатта. – Во-первых, мы даже не знаем, входят ли они в организации, о которых вы упомянули.

– Я знаю, – отпарировал Хатт.

– Откуда?

– Я прочитал статью, в которой перечислены предъявляемые им обвинения, связался с редактором, и его доводы убедили меня.

– Но самих артистов вы не спрашивали?

– Не вижу в этом необходимости.

– А я вижу.

Хатт улыбнулся, пожал плечами:

– Кому что нравится. В вашем распоряжении две недели.

Арчер нервно потер лысину, но тут же убрал руку – ведь Хатт, который ничего не упускает из виду, может понять, что его оппоненту недостает уверенности в собственной правоте.

– Опять же, – заговорил Арчер, вышагивая по толстому холодному ковру, – меняются сами организации. Одно дело – состоять в Коммунистической партии, хотя я и не считаю, что за это надо наказывать, и совсем другое – в Лиге женщин-покупательниц.

– Генеральный прокурор, – напомнил Хатт, – упомянул эти организации в одном списке.

– Я зол на Генерального прокурора.

– Хороший демократ. – Хатт широко улыбнулся. – Назначен на этот пост вашим другом президентом.

– Кроме того, – Арчер бросил взгляд на О’Нила, который, закрыв глаза, затих в кресле, – необходимо учитывать временной фактор и намерения. Одно дело – вступить в Общество друзей Советского Союза в сорок третьем году, когда Россия была нашим союзником, и другое – в пятидесятом. Одно дело – присоединиться к организации, чтобы бороться за мир, и другое – готовить революцию.

– Это теоретические различия, и на практике, к сожалению, они уменьшаются с каждым днем.

– А меня интересует теория, – упорствовал Арчер. – К теории я отношусь с большим уважением.

– Как бы я хотел позволить себе такую роскошь, – прошептал Хатт и улыбнулся Арчеру, остановившемуся перед его столом. – К сожалению, мое положение обязывает меня интересоваться только результатом. Знаете, Арчер, я нахожу, что вы великолепно защищаете этих людей, Да, да... – Он замахал рукой, предупреждая возражения Арчера. – Нахожу, будьте уверены. А обусловлена ваша линия защиты двумя замечательными качествами: верностью друзьям и абстрактным чувством справедливости. Если хотите знать правду, мне немного стыдно за то, что я не могу в полной мере использовать эти качества. Существуют такие категории

людей, которых при определенных обстоятельствах защитить невозможно. Это ужасно, это отвратительно... но нет смысла убеждать себя, что это не так. Актеры, особенно актеры, занятые на радио, входят в одну из таких категорий. Они похожи на гладиаторов в цирке Древнего Рима. Если они доставляют удовольствие публике и императору, им даруется жизнь, когда победитель заносит над ними меч. Большие пальцы рук поднимаются вверх. Если же по какой-то причине... – сделал многозначительную паузу Хатт, – они не понравились публике и императору – большие пальцы смотрят в землю. Как я понимаю, О'Нил все это вам объяснил.

– О'Нил объяснил, – кивнул Арчер. – Правда, не прибегая к историческим примерам.

– Видите ли, актеры очень уязвимы, – продолжал Хатт ровным шепотом, – в силу того, что их искусство личностное. Публике должны понравиться их тела, голоса, характеры, потому что они общаются с ней напрямую. Будь я актером, всегда и во всем придерживался бы нейтралитета. Если, конечно, – тут Хатт чуть улыбнулся, – хотел заниматься своим делом. Я бы с самого начала понял, что не имею права настроить против себя даже малую часть моей аудитории. Каждый человек должен реалистично посмотреть на окружающий мир, определить рамки, наложенные его личностью и профессией, и смириться с тем, что работать и жить ему придется не выходя за эти рамки. Если он этого не делает... – пожал плечами Хатт, – он не должен удивляться, когда жизнь вдруг больно ударяет его. Как и преступление, отрыв от реальности наказуем. Актерам необходимо оставаться инфантильными, дурашливыми, неуравновешенными, иррациональными... – Хатт взглянул на Арчера, чтобы убедиться, что тот следит за ходом его мыслей. – А политика требует логики, уравновешенности, хладнокровия. И можно гарантировать, что актер, вовлеченный в политику, причем на любой стороне, в конце концов станет всеобщим посмешищем. В другие времена, не столь суровые, их могли бы простить. Сегодня напряжение слишком велико, так что на прощение рассчитывать не приходится. Сегодня, Арчер, и, пожалуйста, запомните мои слова, потому что и вам в итоге придется делать выбор, мы живем в пропитанном страхом, злобном, не знающем прощения мире. Правила игры изменились: один страйк и аут²⁴.

– А вам не кажется, что игроков следовало предупредить о новых правилах, прежде чем дать им биты? – спросил Арчер.

– Возможно, – беззаботно ответил Хатт, – но жизнь устроена иначе. Здесь правила устанавливаются за закрытыми дверями, и измениться они могут в любой момент. Иной раз выясняется, что они действуют уже лет десять, а ваша команда давно выведена из игры, хотя вам казалось, что вы еще боретесь с вашим соперником.

– Это ужасно.

– Мы живем в ужасном мире, – радостно сообщил ему Хатт. – А теперь я собираюсь попросить вас... только один раз, не пытаюсь надавить... не тянуть две недели и уволить этих людей немедленно.

– Нет, – ответил Арчер. – Я так не могу.

– А чего, собственно, вы собираетесь добиться? – спросил Хатт.

Арчер сел, стараясь подавить охватывающее его волнение.

– Я постараюсь доказать, исходя из моей позиции, что все пятеро ни в чем не виноваты. Возможно, мне удастся доказать и вам, что двоих или троих можно оставить.

– Я уже сейчас могу заверить вас, что надежды на это практически нет. Им предъявлено обвинение, и этого более чем достаточно. Я не хочу сказать, что все они одинаково виновны, но предъявленное обвинение исключает возможность их дальнейшего... – пауза, – ...использования.

²⁴ Термины бейсбола. Страйк – бросок питчера, который не сумел отбить бэттер (питчер – игрок обороняющейся команды, бросающий мяч в зону страйка, бэттер – игрок команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера. Дуэль питчера и бэттера – стержень игры). Три страйка бэттера засчитываются как аут, и команды меняются ролями.

– Извините, мистер Хатт, тут я не могу с вами согласиться. Я не приемлю коллективной вины. Речь идет о пяти конкретных, очень разных людях, которых я знаю, с которыми я работал. У каждого из них все свое: и жизнь, и проступки, и алиби.

– Вновь я должен вернуть вас к исходной посылке, которую вы стараетесь не замечать. Заключается она в том, что идет война. На войне бьют по площадям, а не по конкретным людям. Когда мы сбрасывали бомбы на Берлин, мы не целились в эсэсовских полковников или нацистских дипломатов. Мы сбрасывали их на немцев, потому что немцы в целом были нашими врагами. Нам не удалось убить Гитлера, хотя мы убили тысячи и тысячи женщин и детей, которые по стандартам мирного времени ни в чем не провинились. Не отрывайтесь от реальности, – весело прошептал Хатт. – Учитесь бить по площадям.

– Это болезнь, – покачал головой Арчер. – Я предпочитаю оставаться здоровым.

– Возможно, вы правы, – кивнул Хатт. – Но помните: начало этой болезни положили коммунисты. Не мы.

– Я также не согласен с тем, что мы должны переболеть болезнями наших врагов. Послушайте, мистер Хатт, может, мы напрасно отнимаем друг у друга время...

– О нет, – торопливо прошептал Хатт. – Я нахожу этот разговор исключительно интересным. У нас не было случая поговорить о серьезных делах, Арчер. Должен признать, и меня где-то мучили сомнения. Но наша беседа помогла мне прояснить для себя многие вопросы. Я надеюсь, что вам она тоже пошла на пользу. И О'Нилу.

– Вчера я вернулся домой поздно, – пробубнил из своего угла О'Нил. – Меня клонит в сон. В голове все путается, и я знаю только одно: сегодня мне надо лечь пораньше.

Хатт хохотнул, прощая своего подчиненного.

– Возможно, – обратился он к Арчеру, – нам всем придется смириться с правдой жизни, хотя она и не из приятных. Беда в том, что в наше время ни для одной из проблем нет правильного решения. Каждое наше деяние в итоге может привести к обратному результату. Попытайтесь найти в этом утешение, Арчер. Я нахожу. Если заранее признать, что правильного решения вы не найдете, может быть, вам удастся снять с себя хотя бы часть того груза ответственности, который вы сами взвалили на свои плечи.

– Мне это еще не под силу, – покачал головой Арчер. – Подозреваю, что и вам тоже.

Хатт кивнул:

– Вы правы. Пока еще нет. Пока.

– Я хочу задать вам один вопрос, мистер Хатт. И рассчитываю на честный ответ. – Арчер заметил, как окаменело лицо Хатта, но тем не менее продолжил: – Я хочу знать, есть ли возможность убедить вас переменить свое мнение в отношении этих людей. Если я смогу доказать, что они не коммунисты и не попутчики, более того – антикоммунисты, вы по-прежнему будете утверждать, что с ними надо расстаться?

– Как я уже говорил, я не верю, что вам удастся это доказать.

– Если я все-таки смогу это сделать, вы измените свою точку зрения?

– Все это так условно, Арчер...

– Потому что, – прервал его Арчер, – если ваш ответ – нет, я хочу услышать его немедленно.

– Почему?

– Тогда я напишу заявление об уходе. Прямо сейчас. – Арчер почувствовал, как задрожали его руки, и обругал себя за слабость. Но не отвел холодного взгляда от Хатта. А тот откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

– В этом нет необходимости, – наконец прошептал Хатт, не сводя взгляда с потолка. – Я открыт для дискуссии. – Тут он соизволил посмотреть на Арчера и улыбнулся. – Не совсем, конечно, открыт. Но и не отгорожен глухой стеной.

– Хорошо, – кивнул Арчер. – Позвольте задать еще вопрос?

– Конечно.

– Как насчет спонсора? Он в курсе?

– К сожалению, да. Гранки статьи и письмо из журнала он получил одновременно со мной.

– И как он отреагировал?

– Позвонил мне в то же утро и потребовал немедленного увольнения всех пятерых. Полагаю, Арчер, вы не станете его за это винить.

– Я никого не виню... пока, – ответил Арчер. – А если я пойду к спонсору и представлю ему абсолютные доказательства...

– Это исключено, – холодно ответил Хатт. – Политика нашего агентства – не выносить за порог проблемы, связанные с нашими программами. Вы можете говорить со спонсором только по его инициативе, когда он пожелает пригласить вас на какое-то мероприятие. По всем другим вопросам я – его единственный канал связи. Надеюсь, вам это ясно, Арчер. Два года назад мне пришлось уволить сотрудника, который нарушил это правило и попытался через мою голову переговорить со спонсором. Речь, между прочим, шла о сущем пустяке, и этот сотрудник хотел сделать как лучше. Вы меня поняли?

Арчер кивнул и встал. Пытаясь избавиться от предательской дрожи в голосе, он сказал:

– Тогда, полагаю, на сегодня все.

Поднялся и Хатт.

– Я думаю, – Хатт говорил с несвойственным ему сомнением, – вы не обидитесь, если я позволю себе дать вам совет, Арчер? Ради вашего же блага.

– Да? – Арчер надел пальто, взялся за шляпу.

– Будьте осторожны. Не торопитесь. – Чувствовалось, что Хатт говорит искренне и абсолютно серьезно. – Не подставляйтесь. Не донкихотствуйте, потому что мир больше не смеется над Кихотом, а рубит ему голову. Не лезьте на рожон и с особой тщательностью отбирайте друзей, которых вы собираетесь защищать. Не полагайтесь на логику, потому что судить вас будет толпа... а толпа судит эмоциями, а не логикой, и на эмоциональное обвинение апелляцию не подашь. Не выходите в авангард, потому что внимание привлекают именно те, кто засветился в первых рядах. Те, кто привлек к себе внимание, нынче не выживают. Вы прекрасный режиссер, я вами восторгаюсь и не хочу увидеть, как вас уничтожат.

– Подождите, подождите... – в недоумении уставился на него Арчер. – Я же ничего не сделал. Меня ни в чем не обвиняют.

– Пока. – Хатт обошел стол, дружески коснулся локтя Арчера. Уже не такой величественный и всезнающий, каким он казался, сидя за столом. – Если станет известно, что вы вступились за тех, кто обвинен в связях с коммунистами, какими бы благородными ни были ваши причины, вы должны ожидать пристального внимания к своей персоне. Проверят не только ваши причины... проверят всю вашу жизнь. Люди, с которыми вы не виделись десяток лет, процитируют реплики, которые вы когда-то бросали, вытащат на свет божий сомнительные документы, на которых будет стоять ваша подпись, припомнят случаи, характеризующие вас не с самой лучшей стороны. Вашу частную жизнь просмотрят под микроскопом, ваши слабости будут представлены как грехи, ваши ошибки – как преступления. Арчер, послушайте меня... – шепот Хатта стал еще тише, и Арчеру пришлось наклониться к нему, хотя тот стоял рядом. – Никому не выдержать такого расследования. Никому. Если вы думаете, что сможете, значит, последние двадцать лет вы пролежали в морозильнике. Если б сейчас обнаружился живой святой, двум частным детективам и одному журналисту, ведущему колонку светской хроники, хватило бы месяца, чтобы отправить его в ад. – Хатт убрал руку с локтя Арчера и улыбнулся, показывая, что с серьезной частью беседы покончено. – Есть девиз, который мне хотелось бы повесить над этой дверью: *«Когда сомневаешься – исчезни»*...

– Благодарю, – ответил Арчер. Он был огорчен и встревожен, так как видел, что Хатт действительно хотел ему помочь, что Хатт благоволил к нему, насколько тот мог к кому-либо благоволить. – Буду всегда об этом помнить.

– Я очень рад, что вы смогли заглянуть ко мне сегодня. – Хатт направился к двери, открыл ее. – Наша беседа доставила мне безмерное удовольствие.

– До свидания, – попрощался Арчер и помахал рукой О'Нилу. Тот что-то пробурчал из темноты. Арчер вышел, и Хатт мягко закрыл за ним дверь.

Глава 5

На лифте Арчер спустился в вестибюль высотного здания, в котором располагалось агентство Хатта, и зашел в телефонную будку. Он сел на маленькую скамью, уставился на телефонный аппарат. На этой неделе ему предстояло позвонить четверым, и Арчер задался вопросом, с кого начать, кем закончить. Он чувствовал, что взялся за непосильный труд. Разве можно разобраться с такими проблемами за какие-то жалкие две недели? «Мне едва хватит этого времени, чтобы понять, во что верю я сам, – подумал он. – Где уж тут выяснять убеждения четырех разных людей».

Невысокого роста толстая женщина в шубе изнутри подошла к закрытой двери телефонной будки и осуждающе посмотрела на Арчера, который задумчиво сидел на скамье, не снимая трубки. Стояла она вплотную к двери, и каждая шерстинка шубки жаждала поговорить по телефону.

Арчер бросил монетку в щель, набрал номер Вика.

– Алло. Алло. – По голосу Нэнси Арчер сразу понял, что звонок оторвал ее от детей. В такие моменты в ее голосе появлялись особенные интонации.

– Привет, Нэнси, – поздоровался он.

– Клемент! – Как обычно, Нэнси обрадовалась его звонку, но он чувствовал, что мысли ее заняты больным сыном. – Как ты?

– Отлично, – ответил Арчер. – Просто отлично. – В радиобизнесе по-другому отвечать на этот вопрос не полагалось, даже если аккуратно перед этим тебе сказали, что предстоит операция, или от тебя ушла жена, или ты страдаешь от жуткого похмелья. – Как юный Клемент? – спросил он, вспомнив вчерашний вечер.

– О, Клемент. – Нэнси тяжело вздохнула. – У него корь. И я, как коршун, слежу за Джонни, жду, когда у него появится сыпь. А к обеду мы ждем гостей, и я не знаю, что мне делать. Ты болел корью, Клемент?

– В пять лет. Разве ею переболели не все?

– Нет, – ответила Нэнси. – И это самое ужасное. Вик не болел. Он вообще ничем не болел. Клемент, что вызывает импотенцию, если заболевает взрослый, корь или свинка?

Клемент заулыбался.

– Я думаю, свинка.

– Но ты не уверен?

– Нет.

– Я забыла спросить врача, когда он заходил к нам, а теперь медсестра не может его найти, а я должна это знать, чтобы предупредить людей, которые собираются прийти к нам. Вдруг это корь... – Она замолчала.

– Вика нет?

– Нет. Убежал, – пожаловалась Нэнси. – Ты же знаешь, стоит кому-то заболеть, как Вика словно ветром сдувает. Не выносит он больных детей. Так ужасно вел себя с маленьким Клементом. Сказать ему, чтобы перезвонил тебе, когда придет?

– Нет, – ответил Арчер. – Не надо. Ничего срочного нет. Скажи ему, что я позвоню завтра.

– Маленький Клемент хочет тебе что-то сказать. Подожди, я принесу ему телефон.

– Привет, – раздался в трубке после паузы детский голосок.

– Привет, Клемент, – поздоровался Арчер. – Ты в кровати?

– Да, – ответил мальчик. – У меня сыпь. И жар. Джонни не может войти в комнату. Ждет, пока сыпь появится и у него. Он может только говорить со мной от двери. Температура у меня сто два градуса. Если бы ты приехал, то смог бы зайти в мою комнату. Рассказать мне какую-нибудь историю.

– Может, завтра, Клемент.

– Хорошо. У меня новая картинка-головоломка. Я сложил ее уже четыре раза.

– Ты у нас очень умный, не так ли?

– Да. Пришлось повозиться только с желтыми кусочками. Доктор сказал, что мне можно есть мороженое. До свидания. – Мальчишка бросил трубку на рычаг, прежде чем Нэнси успела ее перехватить.

Арчер улыбался, выходя из будки и шагая по вестибюлю. На душе у него полегчало, потому что маленький светловолосый мальчик, болеющий корью, пригласил его зайти в гости и рассказать какую-нибудь историю, а в это время его брат стоял у двери и ждал, когда у него появится сыпь. Пусть это и покажется странным, но ситуация в целом стала не такой уж страшной. Абсурдно, конечно, обвинять в стремлении свергнуть правительство Соединенных Штатов человека, чей четырехлетний сынишка слег с обычной детской болезнью, чья жена опасалась, как бы ее взрослые гости, заразившись корью от ребенка, не превратились в импотентов.

Маленький Клемент был его тезкой и крестником. Арчер стоял у алтаря, держа ребенка на руках, когда его крестили, принимая на себя ответственность за его благополучие... Он помнил, как тронуло его решение Нэнси и Вика назвать своего второго сына Клементом. К тому времени они знали его как облупленного, со всеми слабостями и недостатками.

И в Нью-Йорк Арчер перебрался благодаря Эрресу.

– Послушай, тебе надо отсюда уезжать, – сказал ему Эррес, проведя у него пять дней пасхальных каникул. Он и Нэнси уже восемь месяцев жили в Нью-Йорке, куда уехали после окончания колледжа. Нэнси еще не нашла работу, зато Эрреса практически каждый день приглашали в дневные радишоу. Однако ни одному из них еще не предлагали роль в театре. – Если ты останешься в колледже, наливаясь тихой ненавистью к тому, что ты тут делаешь, – с жаром продолжал он, – то к сорока годам станешь горьким, сварливым, высохшим апельсином.

Арчер нервно улыбнулся. Нэнси и Китти пошли спать, и в кабинете они сидели вдвоем.

– Не трави душу своему старому преподавателю. У него и так хватает проблем.

– Нью-Йорк тебе понравится. – Эррес был уверен в собственной правоте. – Ты же ненавидишь это место, тебе обрыдло преподавать. Поедем с нами. Не так уж это и страшно.

«Не страшно тебе, молодому, красивому, талантливому, удачливому!» – чуть не вырвалось у Арчера. Но сказал он другое:

– А ты учел один маленький пустячок? Мне ведь надо кормить не только себя, но и жену с ребенком, которые не страдают отсутствием аппетита.

– Мы с Нэнси говорили об этом и думаем, что все можно устроить.

– Как?

– Ты можешь писать для радио.

Арчер хохотнул.

– Не смейся. Ты же не слушаешь радио, а потому понятия не имеешь, как это легко. Двухголовый зулус и тот мог бы писать для радио. Если ты умеешь печатать, Клемент, беспокоиться просто не о чем. Послушай, я уже кое с кем переговорил, и они готовы почитать твои материалы. Зарабатывать ты будешь гораздо больше, чем здесь, поселишься в городе, который тебе нравится, рядом с нами, и у тебя появится достаточно времени для того, чтобы написать новую пьесу или роман...

– Я даже представить себе не могу, с чего начать, – ответил Арчер, хотя Эррес уже заразил его своим энтузиазмом.

– Я тебе объясню, – заверил его Эррес. – Уже посмотрелся на этих сценаристов. Если у человека ай-кью²⁵ больше семидесяти, ему хватит пятнадцати минут, чтобы сообразить, что к

²⁵ IQ (intelligence quotient) – коэффициент умственного развития.

чему. У меня много свободного времени, особенно летом, так что курс начальной подготовки я тебе преподам...

– Экс-студент расплачивается по счетам, – усмехнулся Арчер. – Учит экс-преподавателя, как заработать на жизнь в большом городе.

– Говорю тебе, все у тебя получится. Даже гарантирую. А если тебе нужны деньги на переезд, моя чековая книжка к твоим услугам, – беззаботно добавил он. – Расплатишься с первого миллиона.

Как выяснилось, банковский счет Эрреса похудел более чем на тысячу долларов, прежде чем Арчер начал зарабатывать деньги. А Эррес – Арчер это знал – на богача не тянул. Его отец умер годом раньше, и те небольшие накопления, что остались после его смерти, отошли матери. Но взять у него займы Эррес предлагал абсолютно искренне, безо всяких раздумий, словно иначе и быть не могло. Арчер, выходец из бедной семьи, подобную щедрость воспринимал как основу дружбы. «Или ты не моргнув глазом готов отдать свои деньги другу, – говорил его отец, перефразируя Полония, – или не приглашай негодяя в свой дом».

В итоге все обернулось как нельзя лучше. Эррес убедил продюсера сериала, выходящего в эфир пять раз в неделю, дать Арчеру шанс, первые три или четыре недели, пока чаша весов колебалась, тактично наставлял его на путь истинный, а потом помог устроить банкет по поводу подписания полугодового контракта. В строке «Еженедельный гонорар» стояло: триста долларов. Героиней сериала была молодая иммигрантка из маленькой страны на севере Европы. В жилах девушки текла королевская кровь, но она старалась не афишировать свое высокое происхождение, дабы не привлекать к себе внимание завистников и насмешников.

Программа требовала непрерывного потока сентиментальных соплей и слюней, ибо девушка, говорившая по-английски с сильным акцентом, убегала от соблазнительей, боролась с искушениями, из-за незнания языка попадала в пикантные ситуации, оправдывалась перед полицией, искала и находила работу, да еще болела множеством болезней, которые реального человека превратили бы в инвалида, а то и отправили бы на тот свет. Для Арчера это был адский труд. «Мой естественный стиль, – говорил он Эрресу, – что-то среднее между Маколеем²⁶ и передовицей «Нью-Йорк таймс». Мои идеи о том, как должны вести себя персонажи, почерпнуты у Джеймса Джойса и Пруста. Я никогда не страдал болезнью Брайта и не пытался соблазнить двадцатилетнюю иммигрантку. Я действительно верю, что невинные всегда страдают, а миром правит зло. Поэтому я не могу сказать, что меня распирает уверенность в собственных силах, когда в понедельник утром я сажусь за пишущую машинку, зная, что до вечера пятницы мне надо закончить сценарии пяти душещипательных эпизодов по пятнадцать минут каждый. Однако сентиментальности во мне не меньше, чем в любом другом сценаристе, работающем по шестимесячному контракту. На следующую неделю у меня наготове прекрасная идея. Маленькая Кэтрин (программа называлась «Юная Кэтрин Джоргенсон, гостья из заграницы») едет в Калифорнию. Там ее застигнет землетрясение, и ее арестуют за грабеж, когда она войдет в горящий дом, чтобы спасти старого калеку, не встающего с инвалидного кресла. Должно хватить на десять передач, с арестом, допросом в полиции, встречей с репортером-циником, который под влиянием девушки пересмотрит свои взгляды на жизнь, и судом».

Арчер мог шутить об этом с Эрресом, но, оставаясь один на один с пишущей машинкой, частенько впадал в тоску. Иной раз он как бешеный барабанил по клавишам, а потом мог долгие дни тупо смотреть в противоположную стену, не в силах выдавить из себя ни единой мысли. Арчер налегал на спиртное, кричал на Китти и Джейн, у него разболелся живот, спал он плохо и, просыпаясь утром, не чувствовал себя отдохнувшим. Он пошел к врачу, тот прописал ему таблетки от язвы, но сказал, что едва ли они помогут, и посоветовал взять отпуск. Параллельно Арчер писал новую пьесу, но и с ней ничего не выходило.

²⁶ Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859) – английский историк, публицист, политический деятель.

Когда же началась война, Эррес заглянул к нему, чтобы сообщить, что его посылают на военную базу в Техасе. Нэнси с младенцем-сыном вскоре уехала к нему. Дела с Кэтрин Джоргенсон, гостьей из заграницы, шли все хуже, поскольку нерадостные вести с полей сражений действовали на Арчера угнетающе. В 1943 году Арчер отправился на призывной пункт. Среди молодежи он выглядел патриархом. Арчера не удивил отказ армии принять его в свои объятия, но уходил он с тяжестью на душе, чувствуя, что ни на что не годится. Арчер буквально заставлял себя сесть за пишущую машинку, а однажды, просидев два часа и не напечатав ни буквы, он расплакался. Сидел в маленькой комнатке, не в силах остановить катившиеся по щекам слезы, и боялся, что Китти зайдет и застанет его в таком непотребном виде. Он уже подумал о том, чтобы пойти к психоаналитику, но и это пугало его. И что скажет ему психоаналитик? Найдите работу, в большей степени соответствующую вашему характеру, принимайте на ночь секонал, скажите мне, испытывали вы ненависть к отцу... Впрочем, денег на психоаналитика у него не было.

А вскоре пришло письмо из Техаса от Вика.

«В свободное от освоения военной премудрости время мы с Нэнси тревожимся о тебе. Еще до нашего отъезда ты выказывал признаки “болезни радиосценариста”. В технике это называется усталостью металла. Если металлическая деталь долгое время находится под большой нагрузкой, молекулы перестраиваются и – бах! Мост рушится. Мы не хотим, чтобы твои молекулы перестроились. Мы хотим, чтобы ты оставался милым, уверенным в себе человеком, готовым поддержать нас, когда я, израненный, вернусь домой и буду рассказывать всем, как выиграл войну. Поэтому мы попытались решить эту проблему и задались вопросом: “Какая работа на радио не требует абсолютно никакого умственного напряжения?” Минутой позже нашли ответ: “Работа режиссера”. И естественно, режиссерам платят больше, чем кому бы то ни было. Вообще-то идея принадлежит Нэнси, я поцеловал ее за тебя и сказал, что она умная девочка, хоть и жена младшего лейтенанта. Я взял на себя смелость написать одному своему знакомому. Его фамилия Хатт, человек он ужасный, но зато многих обеспечивает работой. Контора его называется “Хатт энд Букстейвер”. Ты знаешь этих мерзавцев. Я все расписал ему в лучшем виде. Какой ты интеллигентный, как тонко все чувствуешь, как много у тебя задумок, как здорово ты ладишь с людьми. Хатт – большая шишка в УВИ, но раз в неделю он приезжает из Вашингтона в Нью-Йорк, чтобы посчитать, сколько накапало денежек, и он ждет твоего звонка. Только не цепляй на грудь ключ “Фи-бетта-каппы”²⁷, когда Хатт пригласит тебя на интервью. Он человек простой, изысков не терпит. Обрати внимание на номер полевой почты на этом конверте. Армия готовит меня к путешествию. Никогда раньше я не питал таких добрых чувств к немцам, итальянцам, венграм и японцам.

Парни, окоп ройте глубже, пули у этих говнюков настоящие.

С любовью,

Вик».

Когда Арчер получил работу, которая оплачивалась гораздо лучше, чем сценарии, он купил серьги с топазами и послал их Нэнси. У нее были очаровательные ушки, и она частенько надевала серьги. Новая работа давалась Арчеру на удивление легко. Шесть месяцев спустя он получил прибавку, и ему доверили более серьезную программу, а вскоре он и думать забыл о том, что не так давно сидел по утрам перед пишущей машинкой и плакал.

²⁷ «Фи-бетта-каппа» – старейшее общество выпускников и студентов университетов. Основано в 1776 г. в Колледже Вильгельма и Марии. Греческие буквы названия – первые буквы слов девиза «Философия – рулевой жизни».

Арчер аж подпрыгнул, услышав за спиной автомобильный гудок. Моргнул, оглянулся. Глубоко задумавшись, он ступил на мостовую и едва не угодил под такси. Арчер вернулся на тротуар, огляделся. Забрел он на Пятьдесят третью улицу. Вестибюль станции подземки находился на другой стороне. Арчер решил, что пора домой. Перешел улицу, купил газету и спустился по ступеням.

Когда поезд нырнул в тоннель, Арчер раскрыл газету. В Вашингтоне конгрессмен обвинял людей, занимавших высокие государственные посты, в предательстве и шпионаже в пользу России. В Европе и Азии десятками судили людей, признававшихся в том, что они работали на Соединенные Штаты. В одних местах изменникам выносили смертные приговоры, в других казнили. В этот зимний день предательство стало нормой жизни, и во многих странах людей хватили прямо на улицах, чтобы повесить, посадить в тюрьму или депортировать. Повсеместно распространялось и лжесвидетельство. Во второй части газеты Арчер обратил внимание на статью, в которой цитировался один из членов городской комиссии, сказавший, что надо снять сирены с полицейских и пожарных машин и машин «скорой помощи». Тогда, мол, сирены будут означать только одно: к городу приближаются вражеские самолеты, и горожане должны готовиться к бомбежке. Мир, утверждал этот господин, сползает в войну со скоростью, превышающей скорость звука. Арчер открыл спортивную страницу. Умер боксер, вчера вечером нокаутированный в восьмом раунде. Смерть проникла и в спорт. «Подземка, – размышлял Арчер, – единственное место для чтения нынешних газет». Под землей, при плохом освещении, возросшей плате за проезд, среди других пассажиров, которые в любом человеке, стоявшем рядом, видят врага. Все только и ждут, что сосед запустит руку в чужой карман, испортит воздух, закурит, ущипнет девушку, расталкивая остальных, бросится к освободившемуся месту, загородит дверь, мешая выйти на нужной станции. Арчер сложил газету и оглядел попутчиков. «Ни один не похож на американца, – подумал он. – Может, мне следует донести на них в компетентные органы?»

Арчер вышел из вагона на Четвертой улице. Люди покупали сладости, цветы, длинные французские батоны. На другой стороне улицы, у женской тюрьмы, из полицейского автобуса выгружали проститутку. На Шестой авеню, которую недавно переименовали в авеню Америк, жизнь текла своим чередом, хотя утром радио сообщило, что некоторые страны, расположенные на этом самом континенте, готовят вторжение на территорию соседних государств. Тонкое деревце, посаженное в бетон мэром Лагуардиа²⁸, ждало весны, окутанное ядовитым дымом автомобильных выхлопов. Главы семейств покупали газеты на уличных лотках и, засунув под мышку, несли эту отраву домой, чтобы распределить очередной заряд злобы, выпущенный журналистами, между своими близкими. От ресторана пахло итальянской кухней, воздух пропитался запахом чеснока. В Италии не прекращались волнения, похороны жертв полиции превращались в демонстрации, Папа Римский публично оплакивал священников, которых сажали в тюрьмы и расстреливали на Севере и на Востоке. Из аптечного магазина вышла девушка в черных брючках, позавтракавшая в половине пятого дня. Выглядела она очень сонной и, похоже, собиралась вернуться в свою квартиру и ждать телефонного звонка. На западе в облаках образовался просвет, и солнце ворвалось в него закатными лучами, подсветив серые фасады домов. Город трепетал в предвкушении вечера, готовясь опрокинуть первый стаканчик.

«Как это получается, – думал Арчер, медленно шагая по тротуару, – что мы до сих пор живы, что удерживает нас всех от самоубийства?»

²⁸ Лагуардиа, Фьорелло Генри (1882–1947) – политический деятель, мэр Нью-Йорка в 1935–1945 гг.

Глава 6

Стоя на пороге своего дома, Арчер никак не мог заставить себя открыть дверь. Он понимал, что сначала должен определиться: говорить или не говорить Китти о том, что произошло в последние двадцать четыре часа.

В другое время такого вопроса бы не возникло. Арчер рассказывал Китти о всех своих делах и шел к ней за советом и утешением. Но первые три месяца беременности Китти ужасно себя чувствовала, и доктор предупредил Арчера, что опасность выкидыша очень велика, а роды, если Китти доносит ребенка, могут быть очень тяжелыми. У Арчера наивная вера доктора в то, что в середине двадцатого столетия муж сможет обеспечить жене спокойную жизнь, вызвала лишь улыбку, но Китти, к его полному изумлению, сама позаботилась о том, чтобы оградить себя от лишних волнений. Первое время ее непрерывно рвало, она похудела, лицо ее заострилось, но на четвертом месяце организм приспособился, а Китти, подчиняясь врожденному инстинкту самосохранения, словно превратилась в маленькую девочку. Она отказывалась встречаться с теми, кто мог «нагрузить» ее своими проблемами, бо́льшую часть времени проводила в кровати, от Арчера, когда он бывал дома, не отходила ни на шаг, смеясь, вдруг начинала плакать, чтобы тут же вновь заулыбаться, избегала разговоров о серьезном и неприятном. Арчер понимал, что, оберегая себя и еще не родившегося ребенка, Китти сознательно превращается из взрослой женщины тридцати восьми лет от роду в жизнерадостную девочку-подростка, которая занята исключительно собой. Арчер подыгрывал в этом Китти и не без удовлетворения замечал, что все складывается как нельзя лучше. Китти расцвела, поправилась, постоянно пребывала в приподнятом настроении. Но Арчер не сомневался, что после рождения ребенка она превратится в прежнюю Китти, к которой всегда можно прийти со своими бедами и тревогами.

«Сейчас говорить ничего не буду, – решил Арчер. – Пока не буду. Такова уж семейная жизнь: иной раз приходится и солгать».

Доставая ключ, Арчер попытался придать лицу нужное выражение. «Лицо должно выражать умиротворенность и покой», – думал он. Нужно, чтобы такое выражение продержалось на лице ровно пятнадцать минут, необходимых для того, чтобы поздороваться и поболтать о пустяках, после чего Арчер мог ретироваться в свой кабинет. Забудь тревоги, усталость и сомнения, приказал он себе, но и не перебарщивай с гримасой невероятного счастья, потому что любой жене хватит одного мгновения, чтобы распознать ее лживость. Тут нужны деликатность и чувство меры. Для того чтобы сегодня переступить порог, требовался особый талант. Стопроцентного результата Арчер не добился, но сделал все, что мог. Он повернул ключ в замке, открыл дверь и вошел.

Из его кабинета доносились голоса и звяканье чашек. Арчер прислушивался, вешая пальто и шляпу. Джейн и Китти. Он вспомнил, что в пятницу они хотели пообедать пораньше, потому что приезжал кавалер Джейн, с которым она собиралась в театр. Арчер внутренне застонал при мысли о том, что в этот вечер ему придется развлекать за столом застенчивого молодого человека. Затем он закрепил на лице желаемое выражение и через гостиную прошел в кабинет.

Джейн и Китти пили чай, сидя бок о бок на старом диване. Перед ними на кофейном столике стояли серебряный чайник и остатки шоколадного торта.

– Грустно, конечно, это признавать, но я думаю, что покупной торт по части искушения даст сто очков вперед любому домашнему. – Джейн хихикнула. – И чем меньше цена, тем труднее устоять. Я вот не смогла, когда увидела в витрине это маленькое чудовище. – Она кивнула в сторону столика. – Наверное, у меня что-то случилось со вкусом.

– Привет, девушки. – Арчер наклонился и поцеловал Китти.

Джейн встала, крепко обняла Арчера и поцеловала его. Высокая девушка, в теле, с мускулистыми ногами. Ее светлые волосы с годами начали темнеть, и она постоянно грозилась, что перекрасится в блондинку. Глазами, большими и темно-синими, она пошла в отца, широким красивым ртом – в мать. Помады на губах практически не осталось: Джейн съела ее вместе с тортом. Пахла она чистотой и юностью, в руках, которые сжимали Арчера, чувствовалась сила.

– Папуля, мы оставили тебе пару кусочков... – Она показала на остатки торта. – Оторвали от себя.

Арчер улыбнулся, сел в кресло лицом к женщинам.

– Спасибо, но я не буду. Не могу перегружать желудок. – Он повернулся к Китти, которая улыбалась им обоим, поставив чашку на округлый животик. – Как прошел день?

– Утром меня дважды вырвало, но с тех пор я все время ем.

– Мне больше нравится способ, предложенный Джорджем Бернардом Шоу. – Джейн села и вновь принялась за кусок торта, что лежал на ее тарелке. – В пьесе «Назад к Мафусаилу». Вылупиться из яйца семнадцатилетней со знанием нескольких языков.

– На сцене все проще. В свое время ты это узнаешь.

– Я уже узнала год тому назад, – ответила Джейн. – Стучала по скорлупе изнутри и изучала греческий. Полагаю, и этому способу присущи определенные недостатки.

– Ты выходила сегодня, Китти? – спросил Арчер.

– Нет, – ответила Китти. – Сегодня у меня ленивый день. Я не вставала до прихода Джейн и обедать тоже собираюсь в кровати.

– Я думал, что за Джейн заедет приятель.

– Брюс, – уточнила Джейн. – Я его бортанула. Он приходил ко мне вчера вечером, и я решила, что он жуткий зануда.

Арчер поморщился. В гостиной их дома перебивало не меньше двух десятков чисто выбритых молодых людей в синих костюмах, которые на поверку оказывались жуткими занудами.

– Он меня просто заколебал, – продолжала Джейн. – Хочет жениться на мне. Сил нет, какой прилипчивый.

«Господи, – подумал Арчер, – а преподают ли теперь в женских колледжах английский?»

– Ты очень уж хладнокровна, дорогая. – Его совсем не порадовало известие о том, что кто-то хотел жениться на Джейн, но Арчеру хватило ума не упоминать об этом.

– Мама меня понимает. – Джейн повернулась к Китти. – Правда?

– Да, дорогая, – кивнула та.

– Я дала ему шанс. Сказала, что он может заглянуть часом позже. Если пообещает не прилипнуть.

– Придет день, когда какой-нибудь мужчина заставит тебя за все это заплатить, – заметил Арчер.

– Я их не боюсь, – решительно ответила Джейн. – И готова принять вызов.

– Ой, Клемент, – воскликнула Китти, – тебе весь день названивает Доминик Барбанте! Хочет, чтобы ты связался с ним.

– Я ему перезвоню, – ответил Арчер. – Позже.

– Он просил перезвонить ему, как только ты придешь, – уточнила Китти. – По голосу чувствовалось, что ему не терпится поговорить с тобой. – Она вопросительно посмотрела на Арчера: – Что-то случилось?

– Нет. Ничего.

– Ты выглядишь усталым, – покачала головой Китти. – Был тяжелый день?

– Да нет. Я прошелся по городу.

– Почему бы тебе не прилечь? – сказала Китти. – Видно, что ты ужасно устал, Клемент.

– Я не устал. – Арчер повысил голос, хотя и не хотел этого. Женщины, думал он, убеждены в том, что выказать любовь к мужчине можно только одним способом: время от времени говорить ему о том, как плохо он выглядит. – Я прекрасно себя чувствую.

– Папа, – Джейн поставила на столик пустую тарелку, – скажи мне, что отличает тридцатилетнюю женщину?

– Что? – в недоумении переспросил Арчер.

– Я хочу знать, как ведет себя тридцатилетняя женщина. В различных ситуациях.

– Почему бы тебе не подождать и не выяснить это самой?

– Не могу. Мне надо знать к следующей неделе.

– Она играет в школьном спектакле, – пояснила Китти. – И должна к этому времени состариться.

– Ага, – кивнул Арчер. – Как называется пьеса?

– «Самец», – ответила Джейн. – Я играю жену профессора.

– Думаю, тебе стоит понаблюдать за матерью, – сказал Арчер. – Я гарантирую, что ей ровно тридцать.

– Не говори гадостей, – улыбнулась Китти.

– Я уже об этом подумала, – искренне ответила Джейн. – Наблюдаю за ней больше часа.

– И что?

– Она ведет себя как все. И потом, она же мама, по ней ничего не поймешь.

– Я загадочная, – подтвердила Китти. – Тайна в ночном халате. Беременная тайна.

Арчер улыбнулся.

– Я понимаю, что тебя беспокоит, Джейн, – с важным видом изрек он. – Я даже представить себе не могу, как такая вот дамочка поведет себя в той или иной ситуации. А я, между прочим, каким-то боком связан с театром.

– Более того, жена профессора должна быть забавной. Это комедия, и этой женщине положено смешить зрителей.

– Играй очень серьезно, – посоветовал Арчер. – Они будут покатываться от хохота.

– Мне надо играть женщину, которая на двенадцать лет старше меня, – вздохнула Джейн. – Это нелегко.

– Нелегко, дорогая. – У Арчера вдруг защемило сердце, а на глазах чуть не выступили слезы, когда он смотрел на свою дочь, молодую, крепкую, сидевшую сейчас рядом с его женой, размышляя о проблемах, которые встанут перед ней через двенадцать лет, пытаясь прикоснуться к миру взрослых. – Но я попытаюсь помочь. Прежде чем выйти на сцену, подумай о том, что тебя волнует, ведь тридцатилетними становятся не по возрасту, а из-за волнений. Подумай о том, как свести концы с концами на жалованье преподавателя колледжа. О том, как за годы совместной жизни изменился муж, если вспомнить то время, когда вы впервые познакомились. Неплохо в этот момент поволноваться из-за того, что у него плохой цвет лица, потому что он практически не бывает на улице и не занимается спортом. Задайся вопросом, надевает ли он весной, когда погода еще не установилась, пальто. Посмотри в зеркало, прежде чем спуститься вниз к обеду, поищи морщинки, прикинь, а не будет ли жена профессора химии, приглашенная к обеду, выглядеть эффектнее, чем ты. Припомни, что ты сказала жене декана на последнем заседании членов Благотворительного фонда города, погадай, не оскорбилась ли она. Пусть у тебя вызовет раздражение платье, которое тебе пришлось надеть. Купила ты его в позапрошлом году, и длина юбки уже вышла из моды. Зайди в детскую, посмотри на малыша. Вот где можно найти массу поводов для волнения: не заболел ли он корью, не забудет ли тебя, когда вырастет, не убьют ли его на следующей войне...

– Клемент! – резко оборвала его Китти. – Что ты такое говоришь?

– Извини. – Клемент выругал себя за то, что позволил плохому настроению выплеснуться наружу. – Я немного увлекся.

– Папуля, это же теория, и ты, конечно, понимаешь, что пользы для меня в этом нет, – посетовала Джейн.

– Пожалуй, – признал Арчер. – За уик-энд я постараюсь что-нибудь придумать.

– Я позвоню Вику, – решила Джейн. – Готова спорить, он даст мне с десятков практических советов.

– Безусловно. – Арчер медленно поднялся, всмотрелся в дочь. – Ты не собираешься стать актрисой?

– Да нет же, – беззаботно ответила Джейн. – Я пошла в драматический кружок от скуки. А что? Ты возражаешь?

– Да.

– Клемент, – попыталась остановить его Китти. Она полагала, что дети сами должны выбирать себе профессию.

– Почему? – спросила Джейн.

– Потому что в семье достаточно одного человека, жизнь которого зависит от благосклонности публики, – ответил Арчер.

– Не волнуйся, папуля, – улыбнулась Джейн. – Я собираюсь выйти замуж и родить четырех детей. И пусть мой муж добивается моей благосклонности.

– Превосходно, – кивнул Арчер. – Одобряю. А теперь я пойду наверх и немного посплю.

– Ты позвонишь Барбанте? – спросила Китти. – Я ему обещала.

– Обязательно позвоню, – пообещал Арчер. – Будь уверена.

И вышел из кабинета.

– Пожалуй, я съем еще один очень маленький, просто малюсенький кусочек торта, – услышал он голос Китти.

Арчер лег на свою кровать и закрыл глаза. Веки отяжелели, горели огнем. «К черту Барбанте! – подумал он. – Позвоню ему завтра. На сегодня с радио покончено».

Заснул он быстро – этот день, видно, совершенно его вымотал. Ему приснился сон. Джейн в коротеньком детском платье, перепачканном шоколадом, стояла в окружении парней. В одной руке она держала листочки, похожие на экзаменационные ведомости, в которых Арчер ставил оценки, когда преподавал в колледже. В другой руке Джейн появилась перьевая ручка, и она начала проставлять оценки. «Ноль», – писала она на каждом листке, и после каждого ноля один из юношей исчезал. А потом Джейн превратилась в тридцатилетнюю женщину в норковой шубе, чем-то напоминающую Френсис Матеруэлл, и теперь ее окружали взрослые мужчины. Но она по-прежнему ставила отметки. Лица мужчин он различал: О’Нил, Хатт, Покорны, Эррес, Арчер. «Вы слишком прилипчивые», – говорила Джейн и ставила ноли на бумажках, которые летели на пол. Один за другим мужчины исчезли, остался один Арчер. «Ты жуткий зануда», – изрекла Джейн и проставила ноль на бумажке Арчера. Арчер исчез из своего сна. Ноль.

– Клемент, Клемент. – Китти склонилась над ним, осторожно трясла за плечо. – Проснись.

– Ноль, – пробормотал Арчер, открывая глаза.

– Что? – переспросила Китти.

Арчер тряхнул головой, прогоняя сон:

– Ничего. Мне что-то снилось.

– Пришел мистер Барбанте. Я сказала, что ты спишь, но он решил подождать.

Арчер сел.

– Долго я спал?

– Полчаса, – ответила Китти.

– А Барбанте давно сидит?

– Двадцать минут. Я сказала ему, что ты очень устал и мне не хотелось бы тебя беспокоить. Если ты не хочешь его видеть, я могу сказать, что тебе нездоровится.

Арчер спустил ноги с кровати.

– Да нет, я с ним поговорю. – Он тяжело вздохнул, прошел в ванную комнату и умылся холодной водой, чтобы окончательно проснуться.

Надев пиджак, Арчер спустился по лестнице, оставив Китти в спальне. Она стояла перед зеркалом, задумчиво разглядывая свое отражение.

Глава 7

Арчер направился к кабинету, из-за двери которого донесся голос Джейн:

– С водой или содовой?

– С водой, пожалуйста, – ответил ей Барбанте своим хорошо поставленным голосом, четко выговаривая каждое слово. – Я всегда пью виски с водой.

Арчер открыл дверь. Барбанте, одетый в темный костюм, сидел в большом кресле, постукивая сигаретой по золотому портсигару. Арчеру показалось, что бутылка шотландского виски в руке Джейн совершенно неуместна.

– Привет, – поздоровался Арчер, входя к кабинет.

– Папуля, – подняла голову Джейн, – я развлекаю твоего гостя. – Она добавила в виски воды.

– Привет, Клемент. – Барбанте поднялся. – У нее это отлично получается.

Арчер пожал Барбанте руку.

– Рад видеть тебя, Дом. – Он постарался придать голосу искренности.

– Я проходил мимо, – Барбанте вновь сел, поставив стакан на подлокотник, – и подумал, а не заглянуть ли к тебе. Мне надо кое о чем с тобой переговорить.

Арчер сел, вдыхая тяжелый запах туалетной воды Барбанте. «Господи, – подумал он, – этот человек везде оставляет следы».

– Ты уж извини, ужасно захотелось спать. Поэтому я...

– Ничего страшного. – Барбанте галантно помахал рукой. – Зато мне представилась возможность познакомиться с очаровательным членом твоей семьи.

– Папуля, тебе что-нибудь налить? – спросила Джейн.

– Нет, благодарю. – Выпить ему хотелось, а вот желания переходить с Барбанте на дружеские отношения не было.

– Думаю, я выпью мартини. – Джейн взглянула на Арчера, ожидая возражений. Последние два года ей разрешалось пить вино до или во время обеда, но, насколько знал Арчер, на мартини она замахнулась впервые.

Барбанте поднялся и направился к маленькому, уставленному бутылками бару, за которым стояла Джейн.

– Позвольте мне. Не женское это дело работать за стойкой бара. Вы уж извините, но это наш семейный предрассудок. Грубеют и руки, и душа. Вы возьмите стакан, Джейн, сядьте, а остальное предоставьте мне.

«Ну и ну, – думал Арчер, выпуская струю дыма, – что-то очень быстро он тут обживает. Прошло лишь двадцать минут, а он уже хозяйничает в баре и командует моим ребенком...» Арчер наблюдал, как Барбанте ловко смешивает напиток, его золотые запонки искорками летали над шейкером. Джейн протянула ему стакан, и он наградил ее своей загадочной дипломатичной улыбкой. Джейн устроилась на диване рядом с баром и очень серьезно смотрела на Барбанте.

– Вот. – Он протянул ей наполненный до краев стакан. – Салют.

– Салют, – без запинки ответила Джейн. – Это совершенно бесподобный мартини.

«Откуда она это знает? – с негодованием думал Арчер. – Обязательно ей изобразить взрослому женщину?»

– Перед тем как ты пришел, я рассказывал Джейн об отцовском ранчо. – Барбанте наполнил свой стакан и сел. – В Калифорнии. О том, как весной солнце начинало выжигать траву и нам приходилось перегонять скот в горы...

– Он ковбой, папуля, – пояснила Джейн. – И может заарканить бычка.

– Это должно пригодиться, – хмыкнул Арчер. – В «Сторк-клабе»²⁹.

Барбанте рассмеялся.

– Кто бы мог подумать, что он был ковбоем, – продолжала Джейн. – По виду это типичный городской житель.

– Дом, ты вроде бы хотел поговорить со мной.

– Да, конечно. – Барбанте повернулся к девушке: – Джейн, не пора ли тебе одеваться? Мартини ты сможешь допить, пока будешь наводить красоту.

– Через минуту вернусь. – Джейн покорно поднялась, польщенная тем, что ее записали в компанию женщин, которые красятся, не отрываясь от стакана.

– Ты уходишь? – спросил Арчер.

– Да, папа. У мистера Барбанте два билета на балет, и он пригласил меня. А потом обещал накормить обедом. Очень милый человек.

«Барбанте – “золотая рыбка”, – мрачно подумал Арчер. – Всегда у него в кармане два билета, всегда он готов к любым неожиданностям».

– Вроде бы у тебя сегодня свидание. – Арчер намеренно не смотрел на Барбанте. – С Брюсом.

– Окончательно мы ничего не решили, – ответила Джейн. – К тому же я все равно предпочла бы пойти на балет.

«Бедный Брюс», – подумал Арчер.

– Послушайте, – вмешался Барбанте, – если ваш молодой человек... как его там...

– Брюс, – подсказала Джейн, уже добравшаяся до двери.

– Если Брюс все-таки покажется, почему не оставить ему маленькое послание? Он может встретиться с нами после театра и пропустить по стаканчику. Скажем, в Дубовом зале отеля «Плаза» в четверть двенадцатого.

– Папуля, если Брюс позвонит, ты ему передашь? – спросила Джейн.

– Передам, – кивнул Арчер. – «Плаза». В четверть двенадцатого.

– Я сейчас. – Джейн повернулась к двери очень осторожно, чтобы не расплескать полный стакан.

«Готов спорить, – подумал Арчер, – что она выльет его в раковину, как только поднимется наверх».

– Дорогая, – сказал он ей вслед, – тебя не затруднит сказать маме, что обедать мы будем вдвоем?

– Тотчас же донесу до нее благую весть. – С этими словами Джейн вышла из кабинета.

Дерзость дочери заставила Арчера поморщиться. Раньше она себе ничего подобного не позволяла. «Просто беда с этими молодыми, – думал Арчер, поворачиваясь к Барбанте, – всегда выбирают самые неприятные способы показать, что они уже взрослые».

– Очаровательная девочка, – заметил Барбанте. – Такая свеженькая, неиспорченная.

– Да, да, – покивал Арчер. – Так ты говорил...

– Да, конечно. – В стакане Барбанте звякнул лед. – Скажи, амиго, что это за история с Покорны?

– А что за история с Покорны? – осторожно переспросил Арчер, гадая, стоит ли посвящать Барбанте в подробности.

– Он позвонил мне сегодня, и я заглянул к нему. Он болен, лежит в постели.

– А что с ним? – Арчер тянул время.

– Простуда, грипп, неудовлетворенность жизнью, – ответил Барбанте. – Венский синдром.

– Я позвоню ему завтра, – пообещал Арчер. – Может, ему полегчает.

²⁹ «Сторк-клуб» – нью-йоркский ресторан, славящийся отменными бифштексами.

- Он действительно в плохой форме. И причина не только в простуде.
- Это печально.
- Покорны сказал, что ты его уволил. Это правда?
- Не совсем. – Арчер выколотил трубку и принялся набивать ее табаком. Потом он долго ее раскуривал, чувствуя на себе взгляд Барбанте. – Мы пробуем другого композитора. Временно.
- Кого?
- Еще не решили.
- Амиго, – Барбанте изобразил обиду, – ты начинаешь юлить. От тебя я такого не ожидал. «Почему бы ему не перестать называть всех “амиго”? – подумал Арчер. Его раздражал этот низкорослый, хорошо одетый, обвешанный золотом, фамильярный, уверенный в себе мужчина. – Мы и так знаем, что родом он из Калифорнии, из испанской семьи, уходящей корнями в далекое прошлое. И ему нет нужды напоминать нам об этом каждой фразой».
- Между прочим, Дом, – дружелюбно ответил Арчер, – Покорны – взрослый мужчина и сам может решать свои проблемы.
- Между прочим, амиго, – Барбанте имитировал тон Арчера, – Покорны отнюдь не взрослый мужчина. Он беззащитный, испуганный ребенок, которому многое пришлось пережить. И любая, как ты говоришь, проблема повергает его в панику.
- Однако, – гнул свое Арчер, злясь на Барбанте, потому что тот говорил чистую правду, – я все-таки не понимаю, при чем здесь ты.
- Объясняю. – Барбанте поднялся, чтобы вновь плеснуть в стакан виски Арчера. – Во-первых, я его друг, если допустить, что у него могут быть друзья. Во-вторых... – он бросил в стакан кубик льда, добавил немного воды, – ...высокий уровень программы в моих интересах. – Он улыбнулся Арчеру. – Из чисто материальных соображений, ты понимаешь. Когда рейтинг поднимается, я покупаю безделушки в «Картье». Когда опускается... – Барбанте пожал плечами и сел, положив ногу на ногу и выставив напоказ золотую пряжку туфли, – я с тем же успехом могу вновь перегонять стада.
- Только не вышибай из меня слезу, ковбой, – покачал головой Арчер. – Ты один из лучших сценаристов, и у тебя все будет в порядке независимо от рейтинга моей программы.
- Барбанте хохотнул.
- А чего так мрачно? Ты же не завидуешь моим успехам, не так ли?
- Разумеется, нет. – Арчер посмотрел на Барбанте. Лицо сценариста напоминало маску. «А ведь он с радостью подставил бы мне ножку, – подумал Арчер, – будь у него побольше честолюбия».
- У меня есть и личный интерес. – Глаза Барбанте затуманились. – Мы с Покорны сотрудничаем.
- «Неужели и он замешан в политике? – с изумлением подумал Арчер. – Нет, нет. Быть такого не может».
- Знаю, – кивнул Арчер. – В конце концов, именно я свел вас.
- Я не имею в виду «Университетский городок». Мы пишем мюзикл. В свободное от основной работы время.
- С удовольствием послушаю его, когда вы закончите. Я уверен, у вас все получится.
- Возможно. – Барбанте улыбнулся, отпил виски. – Мюзикл о Диком Западе. – Он рассмехался. – Просто удивительно, как тонко наш друг Покорны чувствует Запад. В каждой ноте ощущается душа Техаса, Нью-Мехико и Невады. А ведь он не заезжал дальше Буффало.
- Он очень талантлив, – кивнул Арчер.
- Это точно, – согласился Барбанте. – Вот я и задаюсь вопросом: а почему он теряет места?
- Места? – переспросил Арчер.

– У него была еще одна работа. С другим продюсерским агентством. «Кроуэлл энд Хайнс». Сегодня утром ему и там отказали. Временно. – Барбанте сделал упор на последнее слово. – Им тоже захотелось внести изменения в программу. Ты не считаешь, что для одного дня совпадений слишком много?

– Об этом мне ничего не известно. – Арчер искренне пожалел Покорны. – Почему бы тебе не спросить в «Кроуэлл энд Хайнс»?

– Я собираюсь спросить. Но решил начать с тебя. Потому что мы давние друзья и потому что много лет работали бок о бок. – Он говорил ровным, бесстрастным голосом, не отрывая взгляда от Арчера. – Ты, правда, меня недолюбливаешь... – вдруг выдал Барбанте.

– Ну что ты, Дом... – запротестовал Арчер.

– Недолюбливаешь, я это знаю, но со мной ты всегда вел себя честно. И я не слышал, чтобы ты кого-нибудь обманул. Таких, как ты, в радиобизнесе просто нет, Арчер. Чтобы поверить в твое существование, тебя надо увидеть.

– Благодарю, – кивнул Арчер. – Я обязательно запишу твои слова. От кого еще можно услышать такие комплименты. – Ему не терпелось побыстрее закончить неприятный разговор.

– Вот я и хочу, чтобы ты так же честно обошелся с Покорны, Клем. Он на грани истерики. Он совершенно незащищен и чувствует, что его за что-то наказывают. Черт, его и наказывают! Бог наказал его в самом начале, дав ему такую внешность и сделав венским евреем в двадцатом столетии.

– Слушай, вот это ты зря. – Арчера радовало, что хоть по этому обвинению он чист. – Ты знаешь, что его национальность тут ни при чем.

– Я ничего не знаю. – Барбанте вновь выпил. – И Покорны ничего не знает. Но боится худшего. Покорны всегда боится худшего, потому что до сих пор если с ним что и случилось, так только самое плохое. Но он, возможно, не впадет в депрессию, если узнает, что ему дали от ворот поворот по вполне определенной причине. А сейчас он просто не представляет, с какой стороны ждать удара. Ему кажется, что на него набрасываются со всех сторон. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивнул Арчер.

– И даже теперь ты намерен сказать мне, что Покорны дали пинка под зад только потому, что ты считаешь необходимым внести в программу некие изменения?

– Да, – после короткой паузы ответил Арчер, – именно это я и собираюсь тебе сказать.

Барбанте допил виски, встал, прошел к бару и поставил стакан на хромированную стойку.

– Ты что-то скрываешь от меня, Клемент. Впервые. Я сожалею об этом.

Он повернулся к Арчеру. Серьезный, интеллигентный, дружелюбный. Его смуглое лицо не выдавало эмоций, но чувствовалось, что они рвутся наружу. И Арчер подумал, что именно умение управлять своими эмоциями привлекает к Барбанте женщин.

– Извини, Дом. – Арчер тоже поднялся, выбил трубку. – Через несколько дней... – он замолчал, понимая, что не может пообещать ничего конкретного, – ...через несколько дней я, возможно, смогу сказать тебе больше, чем сейчас.

– Я буду поблизости, – усмехнулся Барбанте. – С вопросами. Никуда не денусь, можешь не беспокоиться.

– А вот и я. – В дверях возникла Джейн. – Быстро обернулась? – Она вошла в кабинет без должной уверенности в себе, одетая в черное взрослое платье, ожидая одобрения Барбанте.

Сценарист оценивающе оглядел ее:

– У вас очень хороший вкус.

Джейн широко улыбнулась, в восторге от комплимента. Арчер обратил внимание на глубокий вырез, выставляющий напоказ немалую часть груди. Грудь у Джейн была высокая, и Арчер, наверное, впервые понял, что формы у его дочери уже далеко не детские. «Интересно, кто выбирает ей платья? – подумал он. – Пожалуй, пора поговорить на эту тему с Джейн».

– Тебе нравится мое платье, папуля? – кокетливо спросила Джейн. – Оно новое. «Отнюдь», – подумал Арчер.

– Нормальное платье, – буркнул Арчер.

– Так тебе не нравится? – Джейн надула губки.

– Платье отличное, – подал голос Барбанте. – В нем вы такая же красивая, как витрина цветочного магазина. Никогда не спрашивайте мнение отца по поводу своих платьев. Отцы в этом ничего не понимают.

– Платье хорошенькое, – согласился Арчер, чувствуя, что ему приходится конкурировать с Барбанте в борьбе за благорасположение дочери, и, конечно же, возненавидев его за это. Джейн действительно смотрелась очень эффектно. Волосы она убрала назад, сильно накрасила губы, ее глаза, большие и очень синие, сияли в предвкушении вечера. Черный цвет прибавлял ей стройности. Она позаимствовала у Китти два кольца, и теперь ее руки сверкали, стоило ей шевельнуть ими. Оглядывая дочь, Арчер решил, что ей можно дать от восемнадцати до тридцати. «С женщинами, – с негодованием подумал он, – теперь беда, по внешнему виду невозможно ничего сказать. Ни о возрасте, ни о добродетели, ни о роде деятельности. И куда только подевался идеал целомудренности? Каждый ребенок выглядит так, будто давно уже знает, как, где и почему». Если б она шла рядом с Барбанте и Арчер увидел ее впервые, то не смог бы определить, жена ли она этого мужчины, любовница или жена друга, согласившаяся на адюльтер... Он посмотрел на ноги Джейн и увидел, что та надела туфли на низком каблуке. Обычно, выходя из дома с кавалером, она отдавала предпочтение самым высоким каблукам. Но Барбанте был недомерком, и Арчер понял, что тем самым Джейн сдается на милость победителя, признавая его верховенство. Однако, не без удовольствия отметил Арчер, она все равно выше Барбанте, даже в туфлях на низком каблуке. Но его раздражало, что Джейн и в этом шла навстречу Барбанте.

– Домой возвращайся не очень поздно, – напутствовал дочь Арчер, поцеловал в лоб и вдохнул аромат ее духов.

Барбанте рассмеялся:

– Крик родителя да будет услышан.

Арчер заметил, как Джейн скорчила недовольную гримаску, хотя и покорно ответила: «Хорошо, папа».

Потом она направилась к двери, обернулась к Барбанте:

– Вы сможете мне надеть пальто, мистер Барбанте?

Барбанте смотрел на них обоих, ничего не упуская. Похоже, происходящее безмерно забавляло его.

– Спокойной ночи, амиго, – попрощался он с Арчером.

– Спокойной ночи, – ответил Арчер.

Они обошлись без рукопожатия. Через минуту Арчер услышал, как открылась и закрылась входная дверь. Он остался один в уютном маленьком кабинете, благоухающем духами Джейн и туалетной водой Барбанте. Шагнув к окну, Арчер распахнул его.

Ночной воздух обрушился на него холодным потоком. В доме напротив люди садились за обеденный стол. Верхний свет они погасили, горели только свечи. В соседнем дворе пес, усевшись на задние лапы, рычал на самолет, который, поблескивая габаритными огнями, летел среди звезд.

Арчер покачал головой и медленно поднялся на второй этаж.

Китти устроилась в кровати в светло-желтой ночной рубашке с кружевами по вороту. Водрузив на нос очки в роговой оправе, она читала журнал мод.

– В очках ты вылитый секретарь, – заметил Арчер.

– Я изучаю моду. – Китти похлопала ладошкой по журналу. – И собираюсь потратить много твоих денег, как только выберусь из постели.

– Кстати, о моде. – Арчер сел на стул рядом с кроватью. – Кто купил Джейн это платье?
– Оно недорогое, – затараторила Китти, – оно стоило всего лишь...
– Цена меня не волнует.
– Ты считаешь, оно некрасивое? – спросила Китти.
– Оно красивое. Только, я думаю, оно слишком... слишком... – Он никак не мог найти нужного слова. – Слишком смелое. – Ничего другого в голову так и не пришло.

Китти рассмеялась.

– Не смейся. – Арчера рассердило, что Китти не воспринимает его мнение всерьез. – Джейн еще ребенок, не может она выглядеть как фаворитка Людовика Четырнадцатого...

– Ты думаешь, вырез чуть глубже, чем следует? – спросила Китти.

– Я думаю, что вырез чересчур глубокий.

Вновь смех Китти.

– У нее же все на месте. Не так ли?

– Да, – раздраженно бросил Арчер. – Я старомодный. Она тоже так думает.

– Девушки должны подавать себя в лучшем виде, – мягко заметила Китти. – Тебе надо благодарить судьбу, что у тебя такая красивая дочь.

– Я благодарю. Я безмерно счастлив. Все складывается как нельзя лучше. Все складывается так хорошо, что сегодня она отправилась на балет с одним из тех мужчин, которые пользуются в Нью-Йорке самой дурной славой.

– Пользуются дурной славой! – Китти притворно ужаснулась. – Господи!

– Перестань, Китти! – воскликнул Арчер. – Ты же должна понимать, что вопрос серьезный.

– Я не слышала, чтобы о мужчине говорили, что он пользуется дурной славой, с тех пор как наш священник убежал с женой телеграфиста. А случилось это в двадцать третьем году.

– Знаешь, кто ты? – спросил Арчер, смирившись с тем, что битву он уже проиграл.

– Кто?

– Зануда. Твоя дочь сказала бы, что у меня ужасно занудная жена.

– А я думаю, что волнуешься ты напрасно. – Китти наклонилась, похлопала Арчера по руке: – По-моему, мистер Барбанте очень мил.

– Второго такого бабника в городе не сыскать, – мрачно изрек Арчер. – Ему уже за тридцать, и у него мораль турка.

– Я уверена, что Джейн знает, как вести себя в такой ситуации, – отчеканила Китти. – И считаю, что беспокоиться не о чем.

Арчер понимал, что его упрекают за недостаток веры в собственную дочь.

– Полностью с тобой согласен, – быстро поддакнул он.

– Для девушки это бесценный опыт. Пусть сразу увидит, с кем может столкнуться ее жизнь, чтобы потом не разочаровываться.

– Если бы не усталость, я был бы в шоке от твоих слов.

– Почему бы тебе не принять перед обедом холодный душ? – спросила Китти с нотками тревоги в голосе.

– Не хочу я в душ. К тому же Джейн всячески старалась произвести впечатление на Барбанте, даже надела туфли на низком каблуке, потому что он карлик.

Китти улыбнулась.

– Девушкам не остается ничего другого, как взрослеть. В восемнадцать лет приходится экспериментировать, использовать уже известные способы воздействия на мужчин, изобретать собственные, проверять, какой они дают эффект. Я тоже надевала туфли на низком каблуке, когда куда-нибудь шла с невысоким мужчиной. Не будь к ней чрезмерно суров.

– Во всяком случае, я велел ей прийти домой пораньше. – В голосе Арчера звучали суровые нотки. – Теперь я займусь воспитанием Джейн. И надеюсь, – он указал на живот Китти, – что это мальчик.

– Ну и ну. – Китти покачала головой. – Должно быть, у тебя выдался тяжелый день. Ты поругался с О’Нилом?

– Нет, – ответил Арчер. На мгновение у него возникло желание рассказать обо всем Китти. Облегчить душу, получить совет, прервать внутренний монолог, который терзал его последние двадцать часов. Но, посмотрев на сидевшую в кровати Китти, такую хрупкую, беззащитную, Арчер решил, что рассказывать ничего не надо. Пока не надо. И, если удастся, лучше бы не рассказывать вовсе. В любом случае его задача – до последней возможности оберегать Китти от лишних волнений. – Нет, с О’Нилом я не ругался. У нас с ним полное взаимопонимание. Я разговаривал с Нэнси по телефону. У Клемента корь. Я сказал, что заеду к нему и расскажу интересную историю.

Китти бросила на мужа тревожный взгляд.

– Ты не собираешься заходить в его комнату, не так ли?

– Разумеется, я собираюсь зайти в его комнату. Четырехлетнему мальчику не рассказывают интересную историю по телефону.

– Но, Клемент... – В голосе Китти слышался упрек. – Корь такая заразная.

– Я болел корью, – ответил Арчер. – В пять лет. Я знаю маленького Клемента с рождения, он мой крестник. Неужели ты думаешь, что я останусь у двери, чтобы он чувствовал себя прокаженным?

– Теперь ты злишься на меня. – У Китти задрожал голос. В последние месяцы слезы то и дело наворачивались у нее на глаза. – Ты думаешь, что я жестока по отношению к мальчику.

– Я презираю страх перед комнатой, в которой лежит больной. Это трусливо и...

– И презираешь меня. – Китти заплакала.

Арчер обнял ее, чтобы успокоить.

– Ну что ты, любимая, я тебя не презираю. И ты это знаешь.

– Я не о себе, – всхлипнула Китти. – И даже не о тебе. Сами мы, возможно, не заболеем, но инфекция может поселиться в нас и, когда родится ребенок...

– Я знаю, знаю. О нем не волнуйся. С ним все будет в порядке. Я тебе это гарантирую.

– В эти дни у меня так резко меняется настроение. – Мокрым лицом Китти уткнулась в плечо Арчера. – Ты должен меня простить.

– Разумеется, я тебя прощаю.

– В молодости все было по-другому. Тогда я *знала*, что ничего дурного случиться не может...

– Ничего дурного не случится и сейчас. И нам до старости еще далеко. Тебя послушать, так из нас песок сыплется. Это же не так.

– Я больше ни в чем не уверена, – прошептала Китти. – Мне снятся кошмары...

– Не плачь, Китти, дорогая, пожалуйста, не плачь, – шептал Арчер, прижимая ее к себе. – Отныне, если тебе приснится плохой сон, сразу буди меня. Мы зажжем свет, ты расскажешь мне свой сон и успокоишься... Если не захочешь рассказывать, мы просто поговорим или почитаем...

Китти шмыгнула носом, вытерла слезы о его пиджак.

– Я уже в порядке. – Она попыталась улыбнуться. – Это ужасно, чуть что – сразу в слезы. Мне очень стыдно.

Арчер встал.

– Стыдиться тут нечего. Следующие четыре месяца можешь плакать, сколько тебе захочется.

– Идеальный муж. – Китти даже удалось засмеяться.

На прикроватном столике зазвонил телефон. Арчер наклонился, снял трубку:

– Алло.

– Клемент, – услышал он голос Вика. – Ты звонил.

– Да. – Арчер посмотрел на Китти. Слезы на ее щеках еще не высохли. В таких условиях не поговоришь. – Я хотел повидаться с тобой.

– Боюсь, в ближайшие несколько дней ничего не выйдет. – Голос был очень печальный. – У меня возникли проблемы.

– А в чем дело?

– Только что позвонили из Детройта. Я вылетаю ближайшим рейсом. Через десять минут еду в аэропорт. У матери удар, и врачи настроены пессимистично.

– Мне очень жаль, Вик.

– Жизнь есть жизнь, – спокойно ответил Вик. – Она уже далеко не молода. Может, тебе подобрать на четверг замену, на тот случай, если я не успею вернуться?

– Конечно. Об этом не беспокойся. – Арчер вдруг рассердился на мать Вика, которая выбрала такой неудачный момент для того, чтобы слечь. Он уже хотел сказать Вику, что подьедет в аэропорт, но в последний момент передумал: ведь Вику и так хватает забот. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Можешь изредка заглядывать к нам, чтобы подбодрить Нэнси.

– Обязательно загляну.

– О чем ты хотел со мной поговорить? – спросил Вик. – Что-нибудь важное?

Арчер помялся:

– С этим можно подождать до твоего возвращения. Надеюсь, твоя мать...

– Я знаю, Клем. Передай Китти мои наилучшие пожелания.

Арчер осторожно положил трубку на рычаг. Китти вопросительно смотрела на него.

– Вик передает тебе наилучшие пожелания. Он улетает в Детройт. У его матери удар.

– Как жалко. – Китти взяла Арчера за руку, словно угроза смерти, нависшая над старушкой, которую она практически не знала, напугала ее, а прикосновение к здоровой, живой плоти мужа, наоборот, отводило беду.

Печальные новости определили настроение этого вечера. За обедом они практически не разговаривали, а потом Арчер бесцельно слонялся по дому, снова и снова поглядывая на часы, думал о Вике, летящем в самолете к заболевшей матери, гадал, что делает сейчас Джейн. Он очень резко обошелся с Брюсом, который зашел к ним в девять вечера. Арчер в дверях передал Брюсу предложение Барбанте, не пригласив его в дом. Застенчивый молодой человек не вызывал у него никаких чувств, кроме раздражения.

А потом Арчер сидел и пил в одиночестве, не желая подняться наверх и лечь в кровать. Не хотелось ему видеть сны. «Ноль, – думал он. – Ноль».

Глава 8

В голосе Френсис Матеруэлл всегда чувствовалось что-то будоражащее, даже по телефону. Низкий, чуть хрипловатый, он, казалось, сулил неземные наслаждения. Ее успех агенты объясняли очень просто: «Секс, господа, голый секс, он из нее так и прет».

Однако в понедельник утром голос этот, пусть в нем и пульсировала скрытая энергия, сообщил достаточно рутинное: «Клемент, дорогой, мне необходимо повидаться с тобой. Tout de suite³⁰».

– Как скажешь. – Звонок поймал Арчера в прихожей, когда он уже открывал дверь. Он на мгновение задумался. Воскресенье Арчер потратил впустую – лежал, дремал, что-то читал, короче, так и не позвонил Покорны, хотя и собирался. Что ж, решил он, мрачно усмехнувшись, придется начать с Френсис Матеруэлл. Пусть самая горькая пилюля пойдет первой. – Я к твоим услугам. Как насчет ланча? – Отчего не подсластить пилюлю едой и питьем.

– Извини, милоч, – ответила Френсис, – но я жду звонка из Калифорнии. Не мог бы ты прийти ко мне?

– Нет проблем.

– Адрес у тебя есть, не так ли?

– Навеки выгравирован на моем сердце. – «Галантности много не бывает», – холодно думал Арчер, произнося эти слова. Френсис раздражала всех. Женщин, естественно, ведь они чувствовали, что Френсис может увести любого мужчину. И мужчин тоже, потому что они задавались вопросом: а не выпадет ли им счастливый билет?

– Я живу на четвертом этаже. Ты осилишь лестницу?

– Сниму кардиограмму и посоветуюсь с врачом. – Арчер поморщился: видно, дамочка записала его в старики.

Френсис рассмеялась. В ее смехе проскальзывали визгливые нотки.

– Не сердись, милоч. – От этого слова Арчера всякий раз передергивало. – Я просто хочу сохранить тебя для более славных дел. Через полчаса?

– Через полчаса, – ответил Арчер.

– Только пообещай, что не будешь смотреть на меня. Я только что встала и еще не красилась.

– Я приду в розовых очках, – заверил ее Арчер. – До встречи.

* * *

Френсис жила в районе Восточных Пятидесятих улиц, в старом особняке, который после реконструкции разделили на маленькие квартирki. Когда Арчер бывал на этих улицах, его не покидало ощущение, что он попал на пересадочную станцию или в лагерь временных поселенцев. Актеры жили здесь по договорам субаренды, готовые по первому зову лететь в Голливуд. Рецензенты издательских домов ютились в клетушках, готовые переехать в более просторные апартаменты, как только их произведут в редакторы. Молодожены жили на нескольких квадратных метрах, спали на разложенном диване в гостиной, пока появление первого ребенка не заставляло их перебираться в пригород. Тем не менее улицы эти Арчеру нравились, особенно в такие ясные дни, как сегодня, когда яркое солнце отражалось от окон, а тоненькие стволы деревьев чернели на фоне чистой мостовой. Молодые женщины с сумочками через плечо решительным шагом выходили из парадных дверей, окрашенных в яркие цвета, словно военные курьеры, спешащие доставить важные депеши в вышестоящие штабы. Молодые люди

³⁰ Сейчас (фр.).

с непокрытыми головами, которым не приходилось вставать ни свет ни заря и бежать на работу, проводили время после завтрака в аптечном магазине, уткнувшись носом в «Таймс» и всем своим видом показывая, что для них уик-энд еще не закончился.

Арчер нажал на кнопку звонка Френсис, раздумывая над тем, с чего начать. Френсис отличал острый живой ум, за словом в карман она не лезла и в любой компании умела задать тон, перевести разговор на интересующую ее, а не компанию тему. «Больно хорош сегодня день, – с тоской подумал Арчер, оглядывая залитую солнцем улицу. – Не хочется тратить его на то, чтобы принести кому-то печальную весть».

Но тут зажужжал замок. Арчер со вздохом открыл дверь, вошел в подъезд и начал подниматься по темной лестнице. Из-за одной двери тянуло запахом жарящегося бекона, за другой кто-то играл Второй концерт Брамса для рояля. Френсис ждала Арчера на лестничной площадке, наклонившись над перилами. Арчер запыхался, поднявшись на четвертый этаж, хотя, здороваясь с Френсис, и попытался это скрыть.

– Бедняжка ты мой, – проворковала Френсис, закрывая за ним дверь и беря пальто. – Конечно же, мне пора перебираться в дом с лифтом. Твоя милая лысинка аж побагровела. Присядь и пока ничего не говори.

Арчер кисло улыбнулся, усаживаясь в узкое кресло с тонкими подлокотниками, которые, казалось, сжали его бока. Начало ему не понравилось. Первый раунд он определенно проиграл и не знал, удастся ли отыграться.

– Квартирка у тебя очень милая. – Он оглядел крошечную комнатушку, восстанавливая дыхание. – Правда, на такой высоте я бы рекомендовал пользоваться кислородной маской.

– Моя берлога. – Френсис посмотрела на темно-коричневую стену над белым камином. – Тут не так уж и плохо, если приглашать в гости не больше ста человек.

В соседней комнате зазвонил телефон.

– Черт, опять! – вырвалось у Френсис. – Извини. – Она метнулась в спальню, схватила трубку. – Матеруэлл слушает, – отрапортовала она, словно армейский офицер. Деловые нотки Арчеру не понравились.

«Актрисы, – думал он, – если они чего-то стоят, постоянно играют, даже говоря по телефону». В дверной проем он видел Френсис. Она поставила ногу на стул, хмурясь, с карандашом в руке смотрела на телефонный аппарат. Потрясающе красивая женщина, отметил Арчер, и отсутствие косметики ее нисколько не портит. Волосы она зачесывала назад, открывая высокий лоб. На нервном, подвижном лице двумя яркими звездами выделялись большие серые глаза. Стройная фигура, отличные ноги. И пояс она не носила, потому что не было необходимости утягивать живот. В свитере и узкой зеленой юбке, простенькой, но сшитой со вкусом, Френсис чем-то напомнила Арчеру его дочь. Лет через шесть-семь, решил он, Джейн будет выглядеть точно так же.

– Я безумно рада твоему приглашению, милочка, – говорила Френсис в трубку, похоже, доставляя безмерное удовольствие своему собеседнику, – и с радостью бы пошла. Но сначала позволь мне заглянуть в маленькую книжечку и посмотреть, что в ней говорится насчет четверга. – Она прикрыла микрофон рукой, повернулась к Арчеру и скорчила гримаску. – Зануда номер один зимнего сезона, – прошептала она. Лежащий на столике ежедневник даже не открыла. Выждала подобающее время, убрала руку с микрофона. – Дорогой, – голос Френсис переполняло сожаление, – в маленькой книжечке записано, что в четверг у меня выступление. Это просто кошмар. Мне так жаль. Но ты не забудешь пригласить меня в следующий раз, не так ли? – Несколько раз она нетерпеливо кивнула, потом положила трубку на плечо, чтобы не слышать чириканья зануды. – Это классно. – Трубка вновь вернулась к уху. – Нам обязательно надо увидеться. И как можно быстрее. Спасибо, что позвонил. – Она положила трубку, быстро взглянула на себя в зеркало и вернулась в гостиную.

Надо принять закон, думал Арчер, регулирующий поведение хорошеньких женщин при разговорах по телефону. Куда только смотрит Федеральная комиссия по связи? И они ведь нисколько не стесняются, полагаясь на отсутствие мужской солидарности.

– Бедняжка, – покачала головой Френсис. – Такой недотепа. Никак не врубится. Ты не будешь возражать, если я на минутку заскочу на кухню? Когда ты позвонил, я как раз готовила себе лакомство.

– Иди, конечно. Я никуда не тороплюсь.

Френсис уплыла на кухню, ловко лавируя в заставленной мебелью комнате. Арчер услышал, как она открыла холодильник.

– Может, тебе что-нибудь принести? – крикнула она. – Я вижу, что у меня есть пять апельсинов, кварта молока и полфунта паштета.

– Нет, благодарю. – Меню вызвало у Арчера улыбку.

– Слушай, – вновь донесся с кухни голос Френсис, – пару дней назад я видела твою дочь. В «Рубан Блу». С Домом. Она выглядела божественно. Эта девочка – настоящая акула.

– Правда? – Арчер не мог понять, осуждают его дочь или хвалят.

– Мужчин она будет пожирать десятками, попомни мое слово.

Френсис замолчала, из кухни доносилось только звяканье стаканов, которые она ставила в раковину. Арчер воспользовался паузой, чтобы с любопытством оглядеть комнату. Занавески в красно-белую полоску на окнах. Над камином – абстрактная картина, уродливая, настоящая и дорогая. Во всю стену, прямо чудеса, – стеллажи с книгами. «Когда она успевает читать?» – удивился Арчер. Он присмотрелся повнимательнее. Много современных романов, одна полка целиком отдана поэзии. Добсон, Донне, Бодлер, Элиот, Оден. О чем сие должно говорить ему? Или тому недотепа, которому хотелось встретиться с Френсис в четверг? На кофейном столике аккуратной стопкой лежали журналы. Сверху – литературный, отдававший предпочтение писателям-коммунистам. Арчер наклонился, прочитал фамилии авторов этого номера. Две узнал. Известные леваки. Арчер отпрянул от журнала, недовольный собой. Большой любитель книг, раньше, приходя в гости, он всегда с любопытством смотрел, что читают хозяева. Теперь же ему казалось, что он смотрит на книжные полки глазами потенциального доносчика. «Наверное, – предположил он, – в доме друзей мне уже не взять в руки книгу без всякой задней мысли. Какое уж тут удовольствие, если во всем ищешь тайный умысел. И вину ощущаешь не за содеянное, а лишь за намерение что-то совершить». Во всем, что касалось гостеприимства, Арчер придерживался старомодных взглядов и не мог не чувствовать, что судить хозяина в его собственном доме есть предательство дружбы. Даже интересно, думал он, каким образом детективы находят общий язык со своей совестью после дня плодотворной работы.

Френсис вернулась с высоким стаканом в руке.

– Что это? – спросил Арчер.

– Шоколадное молоко, – ответила Френсис. – Я на нем помешана. Лучший напиток после бурной ночи. Хочешь попробовать?

– Господи, да нет же. Последняя бурная ночь была у меня году в сороковом.

– Счастливчик. – Френсис села на диван, подсунув под себя ногу, пригубила шоколадное молоко. – Божественно.

«Сегодня она решила сыграть девочку, – подумал Арчер. – И это удастся ей безо всякого напряжения».

– Клемент, дорогой. – Френсис смотрела на него поверх стакана. – Я уверена, ты спрашиваешь себя, зачем я затащила тебя сюда.

– Ну...

– Я давно уже собиралась пригласить вас к себе, – прервала его Френсис. – Тебя и твою жену. На маленькую вечеринку. А твою дочь приглашать не стала бы. – Она широко улыбнулась. Арчеру не нравилась привычка Френсис то и дело облизывать нижнюю губу. – После того

вечера – никогда. Незачем приглашать к себе конкуренток. В этом городе и так приходится бороться за выживание. Дом обхаживал твою дочь со всех сторон.

– Правда? – Известие это Арчера не порадовало.

– Ты же знаешь Дома. Он никому не причиняет вреда... кроме женщин. – Она вновь широко улыбнулась. Арчеру тоже удалось выдавить из себя улыбку, но ему очень хотелось, чтобы Френсис сменила тему. – На меня он даже не взглянул. А ведь мы долго были друзьями. Хотя, по правде говоря, на мой вкус, Дом не вышел ростом.

Арчеру вспомнилось, что какое-то время Дом и Френсис всюду появлялись вместе. Но с кем только Барбанте не появлялся. Нравилось ему менять женщин. И Френсис, Арчер это знал, крутила романы с разными мужчинами. Но называть ее распутной не стоило. Скорее она не могла усидеть на одном месте. Влюблялась, не желала ничего скрывать, выставляла свою любовь напоказ, буквально прилипала к мужчине, но по прошествии определенного временного интервала внезапно обнаруживала в нем существенный изъян, бросала его, обычно при большом стечении народа, и уходила к следующему. Так что на каждой вечеринке, куда приглашали Френсис, трое или четверо мужчин с опаской поглядывали на нее, стараясь не попадаться ей на глаза. Язычок у нее был острый, и ее любовникам приходилось долго зализывать нанесенные ею раны.

– В более упорядоченном обществе, – добавила Френсис, – таких, как Барбанте, нанимают на ночь, а ранним утром отправляют домой, чтобы служанка не прознала про шалости хозяйки.

– Ну зачем так, Френсис. – Арчеру стало как-то не по себе. – Барбанте – мой друг.

– И мой тоже, – весело ответила Френсис. – В его присутствии я говорю то же самое. Ему нравится. Он думает, что это комплимент.

– Френсис, ты начала говорить... – Арчеру ужасно хотелось сменить тему.

– Да, конечно. – Она глотнула шоколадного молока. – Клемент, боюсь, я сообщу тебе ужасные новости. И я хочу, чтобы ты узнал об этом заранее, до того...

Опять зазвонил телефон.

– О черт. – Френсис поставила стакан на кофейный столик. – Пора менять номер. – Она поднялась и прошла к телефону, по пути погладив Арчера по щеке. – Матеруэлл слушает, – нетерпеливо бросила она в трубку. – Да, да. – Интонации вдруг изменились. Френсис непроизвольно бросила взгляд на Арчера. Он, конечно, понял, что ему уже не рады, что он лишний, Френсис не хочет, чтобы кто-то слышал этот разговор. Арчер даже подумал, а не уйти ли ему в туалет.

– Да, – повторила Френсис. – С этим все ясно. Послушай... ты сейчас где? Перезвони мне. Через полчаса. Хорошо. – Она положила трубку и вернулась на диван. – Извини. – Арчер всмотрелся в ее лицо, но не увидел ничего интересного.

– Ты сказала, что у тебя плохие новости, – напомнил он.

– Да, – кивнула Френсис. – Но, с другой стороны, может, я слишком эгоистична. Может, для тебя они не такие уж и плохие.

– Что случилось, Френсис?

– Я хочу уйти из программы. – Она пристально всматривалась в него, склонив голову набок. Солнечный луч коснулся ее щеки, подсветил волосы. Выглядела она совсем юной, прямо-таки утренняя заря. – Я разбила тебе сердце?

Арчер вздохнул. Слова Френсис вызвали разные чувства. Разные и противоречивые. Раскладывать их по полочкам не хотелось. Но и облегчения он не чувствовал.

– Почему, Френсис?

– Мне предложили главную роль в пьесе, – ответила она. – Прекрасную роль. Ставит пьесу Коули, и ему ужасно хочется заполучить меня. Я никак не могу в это поверить. – Она

засмеялась, и вновь в смехе проскользнули истерические нотки. – В конце третьего акта я должна сойти с ума.

Вслушиваясь в ее смех, Арчер понимал, почему режиссер остановил свой выбор именно на ней.

– Это тот шанс, которого я ждала все годы после окончания войны, – с жаром продолжала Френсис. – Я не могу его упустить, хотя мне это будет стоить больших денег. Мне придется уйти с радио, но я думаю, овчинка стоит выделки.

– И когда ты должна уйти? – спросил Арчер, испытывая чувство вины за то, что удача, по крайней мере в этот день, на его стороне.

– Репетиции должны начаться через десять дней. Но я подумала, если ты проявишь ко мне сострадание и отпустишь прямо сегодня, я бы на недельку поехала покататься на лыжах, чтобы к первой репетиции помолодеть лет на десять.

– Контракта у тебя нет, – напомнил Арчер. – Тебя ничто не связывает... по закону.

– Я знаю, – кивнула Френсис. – Но мы с тобой всегда ладили, и мне не хочется подставлять тебе ножку.

– И где ты хочешь кататься на лыжах?

– На Лаврентийской возвышенности. Но только с твоего согласия.

Подозреваемых в совершении преступлений, думал Арчер, можно найти на всех зимних курортах. Они несутся по склонам, выкладывая за это удовольствие по тридцать долларов в сутки.

– Конечно, Френсис, я не собираюсь мешать твоим планам. – На мгновение Арчеру захотелось подняться и уйти. Необходимость в разговоре, с которым он пришел к Френсис, отпала. Для нее, как обычно, все разрешилось благополучно. Если человек молод, красив, талантлив, о нем можно не беспокоиться. А в довершение всего она из богатой семьи. Покорны, конечно, другое дело. И Элис Уэллер... Вот где нужно дорыться до истины. И просто глупо говорить о коммунистах с такой женщиной, как Френсис Матеруэлл. Арчер поднялся. – Удачи тебе, Френсис.

Она вскочила, шагнула к нему, поцеловала. Поцеловала как сестра, но при этом не забыла прижаться к нему всем телом. Целуя ее, Арчер подумал, что негоже ей так вести себя с солидными мужчинами. Но он понимал: никто не скажет этого Френсис, в том числе и он сам. Арчер отступил на шаг. Глаза Френсис сверкали, словно она едва сдерживала слезы, но такая хорошая актриса всегда могла вызвать их в нужный момент.

– Ты очень милый, душевный человек! – воскликнула Френсис. – Когда-нибудь я влюблюсь в тебя без памяти.

Арчер нервно хохотнул и потер лысинку, притворяясь, что он глубокий старик.

– Я не выдержу напряжения. – Он уже собрался уйти, шагнул к двери, но остановился. Сколько можно праздновать труса? В каком он окажется положении, когда Френсис услышит о выдвинутых против нее обвинениях, узнает, что агентство собиралось убрать ее из программы? А в том, что она все узнает, и очень скоро, сомнений быть не могло. Она будет стоять на вершине холма, юная, красивая. Чувствуя, что весь мир лежит у ее ног. Потом скатится по снежному склону, скатится быстро, потому что ей скажут о телеграмме, которая ждет ее внизу, а в эти дни все новости могут быть только хорошими. И что она подумает о нем, вспомнив этот разговор? Милый, душевный человек... Арчер повернулся к Френсис.

– Френсис, дорогая, пожалуйста, присядь. Я должен тебе кое-что сказать.

– Ты не передумал? – В глазах ее мелькнула тревога... и решимость добиться своего.

– Нет. Но ты присядь. Вопрос очень серьезный.

Арчер наблюдал, как она садится, скрещивает руки на груди, в недоумении вскидывает на него глаза.

– Френсис, – он продолжал стоять, – я не знаю, с чего начать. Своим звонком ты опередила меня. Я все равно хотел повидаться с тобой. Задать несколько вопросов. Ты не обязана отвечать на них, потому что вопросы эти помогут скорее мне, чем тебе... – Он покачал головой. – Нет, я начну снова. Изложу тебе факты, а потом, если захочешь, скажешь мне, что ты обо всем этом думаешь...

– Тебе как-то не по себе, – заметила Френсис. – Может, присядешь?

– Если ты не возражаешь, я лучше постою. – Арчер медленно прошелся по комнате. – Значит так... В четверг вечером О'Нил сказал мне, что я должен уволить из программы несколько человек. – Арчер отвел глаза от Френсис. – В том числе и тебя. – Он взглянул на картину над камином. Две или три головы, налезавшие друг на друга, множество носов и глаз, все лиловое и черное, со зловещими красными мазками. – Меня попросили уволить тебя, потому что есть мнение, будто ты коммунистка. – Арчер смотрел на картину. – Мне сказали, что не следует называть тебе истинную причину, что я должен отказаться от твоих услуг под любым благовидным предлогом.

– Но ты этого не делаешь, – сухо заметила Френсис.

– Нет. Я так не могу.

– Естественно, не можешь, – донеслось с дивана.

Арчер повернулся к Френсис. Она допивала шоколадное молоко. И, редкий случай, на ее лице не отражалось никаких эмоций.

– Ты пришел, чтобы сказать, что я уволена? – спросила она, ставя стакан на кофейный столик.

– Нет. Я получил от агентства две недели.

– На что?

– На удовлетворение собственного любопытства. – Арчер сухо улыбнулся. – Для проведения расследования.

– И что же ты расследуешь?

– Главным образом пытаюсь разобраться с собой. – Вновь улыбка. – Впрочем, тебя это уже не касается. Ты все равно уходишь.

– А я думаю, что касается, – холодно ответила Френсис. – Очень даже касается. Кто сказал, что я коммунистка?

– Ты слышала о журнале «Блупринт»?

– Да, – кивнула Френсис. – Лживое фашистское издание.

Арчер вздохнул – не нравились ему ярлыки.

– Я этого не знаю. Не читал.

– Поверь мне на слово. И одного обвинения, выдвинутого этим маленьким вонючим журналом, достаточно, чтобы мне отрубили голову?

– В принципе да. Но тебе ничего не грозит. Статья должна появиться через несколько недель. Ты же уходишь в театр, на радио больше не появишься, так что они скорее всего тебя и не упомянут.

– Удачное совпадение, не так ли? – радостно воскликнула Френсис. – Для всех. Они упомянули кого-то еще?

– Да.

– Кого?

– С твоего разрешения имен я называть не стану. Пока.

– Ты собираешься их уволить? – спросила Френсис.

– Еще не знаю. – Арчер прохаживался вдоль стеллажей с книгами. – Агентство требует.

– А другим тоже предложили роль в театре? Или этот вопрос ты оставишь без ответа?

– Нет. – Арчер начал злиться на Френсис, потому что говорила она обвиняющим тоном, превращая его в злодея. – Им ролей точно не дадут.

– Значит, ты пришел сюда только для того, чтобы сказать, что меня вышвыривают? – Голос Френсис дрожал от гнева. – Ты соблаговолил подняться на четвертый этаж, хотя твоему старенькому сердцу противопоказаны такие нагрузки, чтобы сообщить мне эту радостную весть?

– Ты ко мне несправедлива. – Арчер чувствовал, что Френсис старается побольше уколоть его.

– Тогда зачем ты пришел?

– Я хотел с тобой поговорить. – Голосу Арчера недоставало твердости. – Хотел посмотреть, что я смогу сделать.

– И что ты можешь сделать?

– Еще не знаю. Я подумал, может, ты мне подскажешь.

– Едва ли. Ты недостаточно зол.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты уже согласился на все.

– Послушай, Френсис...

– С сожалением! – воскликнула она. – Ты милейший человек, ты, конечно, сожалешь о случившемся, но я вижу, ты уже готов сделать все, о чем они тебя попросят.

– Ладно, – Арчер с трудом сдерживался, – я думаю, на сегодня разговор окончен. Я ухожу. Если захочешь поговорить со мной по существу, позвони. – Он шагнул к вешалке, чтобы взять пальто.

Френсис наблюдала за ним, пока он не снял пальто.

– Не спеши, – нарушила она затянувшуюся паузу. – Я могу все рассказать теперь. – Она схватилась за сигарету, нервно закурила. Арчер заметил, что пальцы Френсис пожелтели от никотина. Он положил пальто на стул, вернулся к креслу с узкими подлокотниками и вновь с трудом втиснулся в него.

– Прежде всего, – Френсис выпустила струйку дыма и сломала спичку, которую держала в другой руке, – что ты обо мне думаешь? Ты считаешь меня коммунисткой?

– Дело в том, что я не очень хорошо тебя знаю, – осторожно ответил Арчер. – Вне студии мы видимся пять-шесть раз в году.

– Не увливай. Ты думаешь, что я коммунистка, так?

– По правде говоря, Френсис, ты участвуешь в работе многих организаций, и достаточно часто твои суждения...

– Если бы тебя приперли к стенке и заставили высказать свое мнение, – оборвала его Френсис, – ты бы сказал, что я коммунистка?

Арчер надолго задумался.

– Да, дорогая.

– Что ж, ты прав. Я коммунистка.

Френсис пристально смотрела на Арчера. Ее глаза торжествующе сверкали.

– И я этим горжусь. – Она с силой вдавила недокуренную сигарету в пепельницу. – Мне не стыдно. Я не стыжусь сделанного мной.

Арчер ее не слушал. «Теперь я о ней все знаю, – думал он, – она сама мне сказала. И что мне теперь с этим делать? Что мне делать, если позже меня спросят о ней? А если на эти вопросы мне придется отвечать под присягой?»

– Если этим мерзавцам этого мало, – с горечью говорила Френсис, – завтра я готова дать объявление в «Нью-Йорк таймс», чтобы об этом узнал весь мир. По-твоему, быть коммунистом – это ужасно? – прокурорским тоном спросила она. – Ты действительно думаешь, что мы собираемся похитить президента и свергнуть нынешнюю власть? Ты полагаешь, я хожу по городу, выискивая церкви, чтобы сжечь их в первый же день революции? Ты веришь, что я вынашиваю планы национализации женщин?

– Перестань, Френсис. – В голосе Арчера слышался упрек.

– Я не знаю, – гнула свое Френсис. – Я не знаю, чему ты веришь. Я не знаю, чему в эти дни верят люди. Если верить газетам, мы сейчас собираем атомные бомбы, чтобы на следующей неделе взорвать водопровод.

– Ты знаешь, что я в это не верю.

– Я даю тебе три месяца. Еще три месяца этой лжи, которая каждый день льется со страниц газет и из динамиков радиоприемников, и ты поверишь всему, что тебе говорят.

Арчер вздохнул. «Не говорит, а вещает, – думал он. – И слова-то заученные, словно лозунги с транспарантов на майской демонстрации. Две минуты, а она уже отказывает мне в здравомыслии».

– Я не знаю, во что буду верить через три месяца, – ответил он. – Может, тебе следует подождать, срок-то невелик, а уж потом обвинять меня?

– Меня обвинили не задумываясь, – парировала Френсис. Трясущимися пальцами схватила новую сигарету. – Они используют тебя. Ты их подручный. Они прикрываются тобой, твоей совестью, заставляют тебя делать за них грязную работу, обрекать людей на голодную смерть.

– погоди, погоди. Ты гонишь волну и хочешь представить все так, будто ты стала жертвой гигантского заговора. Но ведь никто не отнимает у тебя работу. Ты получила главную роль в пьесе, тебе наверняка положили приличное жалованье, а если ты хорошо поработаешь, то тебя ждут успех и большие деньги...

– А если пьеса провалится и мне придется вновь возвращаться на радио? – прервала его Френсис. – Что тогда? И в случае успеха, если меня вываляют в грязи, кто-нибудь даст мне новую роль?

– Безусловно. В театрах пока все спокойно. Насколько мне известно, на Бродвее аж три коммунистические ячейки, и их члены получают роли. Без лишних вопросов.

– Сегодня – да. Но что будет завтра, предугадать несложно. Ты думаешь, что, разобравшись с радио, они оставят театр в покое? Они ребята умные, начинают со слабых. Вы все, серьезные интеллектуалы, думаете, что радио и кино – это пустяки, вам без разницы, что с ними будет. И вы позволяете этим гадам вычищать коммунистов. Вы думаете, они остановятся. Не остановятся. Им это нравится, они видят, что сопротивления нет. И они будут творить свое черное дело, пока не возьмут под свой контроль каждое слово, которое печатается или произносится.

Арчер вздохнул:

– Френсис, дорогая, я пришел сюда не для того, чтобы участвовать в политических дебатах. Я не политик, но и без этого знаю, что в защиту свободы слова могут выступать кто угодно, но только не коммунисты.

– Вот видишь, яд уже действует! – с горечью воскликнула Френсис. – Три месяца не понадобились.

– Не оскорбляй меня, дорогая. – Арчер чувствовал: ему пора уходить, от продолжения разговора с этой нервной и фанатичной женщиной толку не будет. – Возможно, я ошибаюсь, но, исходя из того, что я слышал о коммунизме, из того, что я слышал о России, пусть в этой доктрине и в этой стране есть свои плюсы, выражать собственное мнение там не положено. Неужели ты не понимаешь, что попытку утверждать обратное здравомыслящий человек воспринимает как величайший цинизм?

– Нет, – стояла на своем Френсис. – Отнюдь. Ты ничего об этом не знаешь. Ты заблуждаешься.

– За последние пятнадцать лет всякий мой спор с коммунистом заканчивался одинаково. Он говорил мне, что я заблуждаюсь.

– Так оно и есть. Ты ленив, ты не хочешь получить информацию из первых рук, а потому веришь всей той лжи, которую выливают на тебя.

Арчер согласно кивнул:

– Я, возможно, ленив. И до сих пор эти вопросы меня не интересовали.

– Так пора ими заинтересоваться, братец, – фыркнула Френсис. – У тебя не так-то много времени. Скоро они вышвырнут с радио и тебя. Потому что нужен им ты. Не я. Для комиссии конгресса коммунистов в стране слишком мало. Зато есть миллионы таких, как ты, думающих, что вы – люди независимые, взгляды у вас либеральные и вы честно зарабатываете себе на жизнь. Сначала они постараются превратить вас в борцов с Россией, а потом, если вы останетесь живы, так запугают, что вы не посмеете и рта раскрыть, когда они возьмут власть.

– Когда кто возьмет власть, Френсис? – спросил Арчер.

– Фашисты, – без запинки ответила та. – Точно так же, как и в Германии. Как и там, они кричат о военной угрозе. Как и там, раскалывают оппозицию. Красные идут, красные идут, и в один прекрасный день к тебе в дом стучится полиция, чтобы забрать тебя в концентрационный лагерь за то, что три года тому назад ты неодобрительно высказался об усах Гитлера. Ты же преподавал историю. – В голосе Френсис зазвучали насмешливые нотки. – Надо бы тебе иногда заглядывать в книги, пусть ты уже никого ничему не учишь.

«Беда с этими стандартными, избитыми, затасканными аргументами одна, – думал Арчер, – и заключается она в том, что есть в них немалая доля истины».

– Хочешь знать, как я стала коммунисткой? – спросила Френсис. Голос ее стал мягче, лицо разгладилось.

– Если у тебя есть желание мне об этом рассказать.

– Есть. – Она резко поднялась, подошла к окну, выглянула. – Тебя не удивляет, что такая девушка, как я, сбилась с пути истинного? Моя семья очень богата, я училась в лучших школах, красотой природа меня не обделила, мужчины всегда увивались за мной, так что у меня не было нужды ходить на партийные собрания, чтобы найти себе кавалера. – Она невесело рассмеялась. – У меня было счастливое детство, доктор, – со смешком продолжала Френсис, – и все думают, что я прекрасна и удивительна, и на черный день у меня припасена вторая норковая шуба, и обычно я весела, как жаворонок. Почему же я не такая, как остальные женщины? Что бы их перепугало, если бы кто-то взялся расследовать их прошлое? Им бы не хотелось, чтобы мужа выяснили, что кто-то потратил на шляпку лишние шестьдесят долларов, а кто-то провел несколько часов в постели с лучшей подругой из Вассара³¹, когда та гостила в их загородном доме прошлым летом. – Она повернулась к Арчеру. – На той стороне улицы – синагога. Когда мне скучно, я встаю у окна и с расстояния семьдесят ярдов пытаюсь определить, еврей идет по улице или нет. – Она рассмеялась собственной шутке, рассмеялась пронзительно, истерично.

Арчер заерзал в кресле. «Может, не стоит ее слушать? – подумал он. – Кто знает, что она наговорит?»

– Продолжим, доктор. – Френсис прищурилась, чувствуя, что Арчеру не по себе. – С сексом у меня проблем нет, хотя в книгах и утверждается, что именно сексуальная неудовлетворенность толкает женщин на путь экстремизма. Я не фригидна, доктор, уверяю вас, и получаю оргазм, когда мне этого хочется. Если вам это необходимо для того, чтобы выставить правильный диагноз, я напишу на листке список моих последних любовников, и после моего ухода вы сможете положить его в свою записную книжку.

«Я пришел сюда, чтобы поговорить о политике, – с негодованием думал Арчер, – и к чему это привело? Стоит задать один вопрос, и на тебя вываливают гору информации. И ты узнаешь то, чего и знать-то не хотел. К сожалению, люди воспринимают себя единым целым и не могут

³¹ Вассар – престижный частный гуманитарный колледж в г. Покипси, штат Нью-Йорк. Основан в 1861 г. До 1970 г. мужчины в колледж не принимались.

сосредоточиться только на одном, интересующем тебя аспекте. Память человеческая слишком услужлива. Спроси ветерана войны, где он потерял ногу, и, прежде чем он ответит тебе, ты узнаешь историю дивизии, в которой он воевал, получишь подробный отчет о нескольких сражениях вкупе с характеристикой всех командиров и добрым словом всем павшим. Задай женщине вопрос, касающийся ее жизни, и ответ она начнет с главного для себя – с секса».

– Я слушаю, Френсис. – Арчер попытался отвлечь ее от самокопания. Вернуть к главной для него теме.

– Я заболела коммунизмом за границей. – В голосе Френсис по-прежнему слышались насмешливые нотки. – В Красном Кресте. – Она подошла к Арчеру, остановилась перед ним. Уперлась руками в бедра, широко расставила ноги. – Ты удивлен?

– Каждый год на Рождество я посылаю в Красный Крест пятьдесят долларов, – ответил Арчер. – И не знаю, что с ними делается.

– Меня направили на базу бомбардировщиков «В-17» в Англии. Я раздавала пончики и писала письма родителям погибших. Я считала себя патриоткой, и мне очень шла форма. Я флиртовала с летчиками на танцах, но никого не подпускала к себе и в постель ложилась одна. Один парень, пилот бомбардировщика, говорил мне, что, потанцевав со мной, он ехал в город к своей английской девице и, лежа на ней, закрывал глаза, представляя себе, что под ним – я. Тогда я сказала ему, что не готова обратить его грезы в реальность. Дело было зимой сорок четвертого года, и он летал над Бременом и Франкфуртом. А потом я встретила командира эскадрильи возрастом постарше того пилота – ему было лет двадцать шесть – и рассталась с девственностью.

Арчер вновь заерзал в кресле. Он полагал, что, рассказывая все это, Френсис стоит слишком близко от него.

– Родился он в Калифорнии. – Френсис смотрела поверх головы Арчера. – Один из тех больших, загорелых, светловолосых парней, каких там выращивают сотнями. Спокойный, веселый, надежный. В эскадрилье его очень любили... как и я. – Она замолчала, в недоумении посмотрела на Арчера, словно никак не могла вспомнить, кто он такой и что делает в ее комнате. Резко повернулась, шагнула к дивану и села, зажав руки между коленями. Юбка туго обтянула бедра. – Если становишься женщиной в двадцать три года, для тебя это большое событие. Возможно, поэтому для тебя более значимым становится все то, что связано с твоим первым мужчиной...

«Двадцать три года, – думал Арчер, – в сорок четвертом. Следовательно, сейчас ей двадцать девять. Я и представить себе не мог, что ей столько лет».

– Но дело, наверное, не в этом. – Френсис словно спорила с собой. – Он был очень смелым, очень заботливым. Заботился о подчиненных, и гибель каждого становилась для него личной трагедией, заботился обо мне. Останься он в живых, мы бы поженились и жили бы сейчас в Санта-Барбаре. – Она пожала плечами. – Я собираюсь сказать что-то странное. Я собираюсь произнести необычное слово. Он был святым. Ты будешь смеяться?

– Нет, – покачал головой Арчер. – Смеяться я не буду.

– Я говорю это совсем не потому, что он умер. Я это чувствовала, когда встречалась с ним по вечерам. После рейдов и когда мы ездили в Лондон, если ему давали краткосрочный отпуск. Лондон... – Она замолчала, глаза ее затуманились, словно Френсис вновь увидела разбитые улицы, разрушенные дома, вспомнила, как выходила из ресторана в кромешную тьму, держась за руку своего любимого. – Он истово верил в Бога, – продолжала она ровным, бесстрастным голосом. – Его отец был священником, и он сам собирался какое-то время... Вот он и думал о том, на что другие парни не обращали ни малейшего внимания. Им-то хотелось лишь вернуться домой живыми, познакомиться с красивой девчонкой, получить новое звание и не сойти с ума, когда вокруг рвутся снаряды. Может, я к ним несправедлива. Хэнк... был такой обстоятельный. Войну воспринимал очень серьезно, задавал себе много вопросов.

«Хэнк, – подумал Арчер. – Ничего себе имя для святого. Святой Хэнк».

– Наверное, у него было время задавать вопросы, возвращаясь из рейда. Бомбы сброшены, кто-то остался в живых, а кто-то погиб на твоих глазах от зенитных снарядов или пулеметных очередей истребителей, ты сидишь в кислородной маске, самолет ведет второй пилот, а на полу корчатся раненые, ожидая, когда подействует укол морфия. Он спрашивал себя: а ради чего все происходит? Нужно ли это? Каков будет результат? Каким станет мир после войны? Не начнется ли новая война? В Восьмой воздушной армии он был инородным телом. Хэнк действительно начал думать, что сражается за мир, равенство, справедливость. Я лишь повторяю его слова. – Френсис усмехнулась. – Сын священника, да еще и калифорниец... Странные там вырастают люди. И раздумья привели Хэнка к выводу, что его идеалы совпадают с идеалами коммунистов. В колледже среди его приятелей были два коммуниста, они требовали равноправия для мексиканцев, китайцев, евреев и негров и повышения зарплаты для сборщиков абрикосов. А потом, чтобы доказать, что слова у них не расходятся с делом, они уплыли в Испанию, где их и убили. И Хэнк понял, что правота была на их стороне. Они предупреждали всех, но их никто не слушал, а обернулось все так, как они и предсказывали. Поэтому помимо всего прочего он чувствовал, что они были умнее остальных, раз сумели заглянуть в будущее.

– Ты говоришь о сорок четвертом годе, – мягко напомнил Арчер. – Ты думаешь, он и теперь высказывал бы те же мысли?

Френсис пожала плечами.

– Я знаю лишь то, что он мне сказал. А сказал он, что на следующий день после демобилизации пойдет в ближайшее отделение партии и подаст заявление о вступлении в ее ряды. Назвать тебе его фамилию, чтобы ты смог откуда-нибудь его выставить?

– Френсис, дорогая, не перекладывай на меня вину за происходящее, – попросил Арчер. – Пожалуйста.

– Его звали Вейнесс. Майор Хэнк Вейнесс, – продолжала Френсис. – Может, тебе удастся выбросить его с военного кладбища в Меце? За поведение, недостойное мертвого пилота. – Глаза Френсис подозрительно заблестели, но она не заплакала. Потому что не играла. Голос оставался ровным, начисто лишенным жизни. – Он был единственным цельным человеком, которого мне довелось встретить, и никто не может упрекнуть меня в том, что я чуралась мужчин. Искала такого, как он, но увя. А знаешь, почему он был цельным? Потому что в его сердце жила любовь. Любовь ко всем. К пилотам и техникам его эскадрильи, к молоденькой девушке из Красного Креста, к людям, которых ему приходилось убивать... Двадцать один вылет – и прости-прощай. Рассказать, что сделали пилоты его эскадрильи в день, когда немцы сбили его самолет? Хотя... зачем? Ты такой же, как все. Тактичности в тебе чуть больше. Возможно, и сопротивляться ты будешь дольше других, но в конце концов лавина снесет и тебя. Тебе просто будет труднее, если ты узнаешь о том, что человека, который верил в коммунизм, любили все, кто его знал. Я же постараюсь облегчить тебе жизнь. – В голосе Френсис послышался вызов. – Я скажу тебе, что я была похотливой маленькой девочкой, влюбилась в красавца майора и мои политические взгляды сформировались в его постели. Так или иначе, сняв форму, я пошла в ближайшее отделение партии и сказала, что хочу вступить в ее ряды. Виновна по всем пунктам. Вот ты и узнал, что хотел. А теперь я прошу тебя уйти, Клемент. С минуты на минуту я ожидаю другого гостя и не хочу, чтобы вы встретились...

Она встала. Руки висели как плети, лицо осунулось. Поднялся и Арчер.

– Спасибо тебе. Я очень благодарен тебе за откровенность.

– Пустяки. – Френсис беззаботно махнула рукой. – Я всем все рассказываю. Этим и знаменита. – Она двинулась к двери.

– Я буду держать тебя в курсе. – Арчер последовал за ней, по пути подхватив пальто и шляпу.

– Конечно. – Френсис открыла дверь. – Не забывай меня.

В спальне зазвонил телефон.

– Извини, надо ответить. Прощай. – От слов Френсис веяло холодом, словно ей больше не хотелось иметь с Арчером никаких дел и она не могла дожидаться его ухода.

Арчер мог бы еще раз поблагодарить ее, сказать, что очень тронут ее исповедью и хотел бы остаться ее другом. Но Френсис нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, и ему пришлось ограничиться лишь коротким: «До свидания, Френсис. Удачи тебе в новой пьесе».

А потом она захлопнула за ним дверь. Пальто и шляпу он надевал на лестничной площадке, поэтому до него донеслись ее торопливые шаги и сержантский голос: «Матеруэлл слушает... о, привет. Да, я уже одна». Арчер застегнул последнюю пуговицу и двинулся к лестнице, когда услышал: «Как сегодня корь?» Он остановился, уже начав спускаться по темным ступеням, и понял, что ему ужасно хочется услышать продолжение разговора. Но на таком расстоянии слов он разобрать не мог. Тут его охватил стыд, и, вместо того чтобы вернуться к двери, Арчер поспешил вниз. Пианист за дверью играл все тот же Второй концерт.

Выйдя на улицу, Арчер сощурился от яркого солнечного света. «Нет, – думал он, – это нелепо, сегодня корью в Нью-Йорке болеют десять тысяч детей. Но даже если Вик звонит ей из Детройта, что с того?» Для такого звонка может быть сотня причин, самых невинных. И причины эти абсолютно его не касаются. «Забудь об этом, – приказал он себе, – забудь. Дурные мысли лезут тебе в голову только потому, что этот получасовой разговор потряс тебя до глубины души. Забудь». Но он знал, что при следующей встрече с Виком и Френсис взглянет на них по-новому, попытается найти то, чего раньше наверняка бы и не искал. Арчер начал осознавать, что угодил в трясину, которая все сильнее засасывала его. Чужая душа – потемки, человеческие мотивы – тайна за семью печатями. Кто знает, что ты найдешь, копнув чуть глубже. И тогда у тебя не останется ни минуты свободного времени, а подозревать ты будешь всех и вся. Детектив, вселившийся в тебя, будет трудиться двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю.

Арчер с любопытством вглядывался в прохожих, гадая, кого они допрашивали этим утром и кто будет допрашивать их этим вечером. Ему вот казалось, что он попал в лабиринт, откуда нет выхода. Интересно, а что испытывают они?

Он медленно шел по городу, с благодарностью подставляя лицо бледному, но теплому зимнему солнцу. Что ж, думал он, выдавливая из себя улыбку, с интервью номер один покончено, и что из этого следует? Насчет Френсис Матеруэлл журнал не ошибся, во всяком случае в том, что назвал ее коммунисткой. Впрочем, Арчера это не удивило. Но означало ли сие, что журнал прав и насчет остальных? После того как он выслушал Френсис, не сложилось ли у него ощущение, что она опасна, что ее следует наказать? Нервная, неуравновешенная женщина, встающая в театральную позу, ваяющая из своих политических взглядов романтический монумент мужчине, которого она любила и который погиб на войне. Вываливающая на собеседника пахнущие нафталином лозунги и глубоко личные откровения, замешенные на вульгарности завсегдатая ночных клубов. Новый зверь в политическом зоопарке: элегантная коммунистка в кашемировом свитере, с руками, которые трясутся от выпитого накануне шампанского. Не вышедшая замуж вдова погибшего героя, готовая стать мученицей, взойти на Голгофу, но не находящая ее, потому что она слишком богата, слишком талантлива, слишком красива. Таких на роль жертвы не выбирают. Голос из могилы убедил ее, что она находится в авангарде тех, кто борется за всеобщее равенство, что бы это ни значило. Она лжет по телефону надоедливому кавалеру, абсолютно убежденная в том, что только ей открыта истина. Потерянная женщина, ищущая в чужих постелях мужчину, который давно уже лежит в сырой земле, и заполняющая образовавшуюся в сердце пустоту идеями, которые он когда-то высказывал. Актриса, у которой дрожат руки, когда она закуривает, которую выбирают на роль со сценой безумия в конце спектакля, уверенная в том, что она и ее друзья образуют островок здравого смысла и

добродетели в этом безумном и злобном мире. Господи, думал Арчер, помоги этим друзьям, если она вдруг подумает, что они ее предали.

«Она же неприкасаемая! – подумал Арчер. – К ней нельзя подходить ни тем ни другим. Нападать на нее или защищать ее одинаково чревато. Можно совершенно запутаться. И все-таки на этот раз мне повезло, – с облегчением решил Арчер. – Благодаря удачному стечению обстоятельств вопрос о Френсис Матеруэлл снят с повестки дня. Она уходит по своей воле, так что одной проблемой для меня становится меньше. По существу, о ней можно забыть, зная, что этот паршивый журнальчик не сможет причинить ей вреда. Жаль, что с другими такой счастливой концовки не будет. Если же говорить о принципиальности... – Арчер пожал плечами. – Потом, это потом. Сейчас надо спасать терпящих бедствие, уводить корабль в более спокойные воды».

Итак... кто следующий? Арчер остановился посреди улицы. Покорны? Эррес? Атлас? Уэллер? Конечно, ему следовало пойти к Покорны, потому что в отношении него приговор уже привели в исполнение. Но разговор с Покорны потребовал бы слишком больших затрат нервной энергии, а Арчер еще не пришел в себя после общения с Френсис Матеруэлл. Атлас, решил он, в этой пятерке самый крепкий орешек. Ему на все наплевать. Вот уж кто ни о чем не будет просить.

Арчер зашел в телефонную будку, набрал номер Атласа.

– Привет, Стенли, – поздоровался он, услышав голос Атласа. – Это Клемент Арчер.

– Да?

– Мне надо повидаться с тобой, Стенли. Сегодня. Как можно скорее.

– Понятно. – Последовала долгая пауза, словно Атлас размышлял, соглашаться ему на встречу или нет. – А что случилось?

– Это не телефонный разговор.

– Ты узнал, какая лошадь выигрывает седьмой забег в Хайалиа³², и решил сказать мне, Клем? – спросил Атлас.

– Мне надо с тобой повидаться. Немедленно. – Арчер пытался изгнать из голоса нотки раздражения.

– Где...

– Ну... – Арчер замялся. Он не мог говорить с Атласом на эту тему в агентстве О'Нила и не знал, куда можно пойти с негром на ланч, не вызвав кривых взглядов, а то и скандала. – Как насчет бара «Луи»? – Негров он там никогда не видел, но его в этом баре знали, и Арчер полагал, что их куда-нибудь посадят.

– Масса Клем, – Атлас заговорил с южным акцентом, – может, вы забыли, какого я цвета?

– Не болтай ерунды, Стен, – с напускной уверенностью ответил Арчер.

– В последний раз, когда я посетил бар «Луи», предназначенный для леди и джентльменов, масса Клем, они разбили стакан, из которого я пил, после того как я поставил его на стойку. Я не могу ввергать этих прекрасных белых людей в дополнительные расходы.

«Беда в том, – думал Арчер, потев в маленькой телефонной будке, – что он получает удовольствие, говоря мне все это».

– Хорошо, Стен, не буду с тобой спорить. Приезжай ко мне.

– Ты же живешь в Нижнем Манхэттене. Не хочется ехать так далеко ради короткого разговора.

– Стенли, – Арчер возвысил голос, – если тебе не слишком трудно, избавь меня от твоего виргинского выговора. Мне надо повидаться с тобой. Ради твоего же блага. По важному делу. А теперь говори, где мы можем встретиться.

³² Хайалиа – пригород Майами, известен своим ипподромом.

– Что ж, – Атлас по-прежнему говорил с сильным южным акцентом, – у меня есть здесь неплохая гостиная, в самом сердце Гарлема. Я сгоню куриц с дивана, поросенка вытащу из-под телевизора, так что к твоему приходу мы наведем чистоту.

– Давай адрес.

Атлас торжествующе хохотнул, а потом продиктовал Арчеру адрес – ясно и отчетливо, хорошо поставленным голосом выпускника Гарвардского университета.

Глава 9

– Значит, – говорил Атлас, – они записали меня в красные и хотят, чтобы я сошел с дистанции, так?

– В общем-то да, – ответил Арчер.

Он не стал ходить вокруг да около и сразу объяснил Атласу причину своего визита. Тот сидел в большом кожаном кресле, изредка покачивая ногой, слушал, не произнося ни слова. Иногда Арчеру казалось, что он видел тень улыбки, пролетавшей по лицу комика, но в остальном Атлас ничем не выдавал своих эмоций. Разговор шел в уютной гостиной, обставленной добротной мебелью. На маленьком фортепьяно стояли фотографии известных темнокожих артистов и спортсменов с дарственными надписями. Окна выходили на небольшой парк, и Арчер видел маленькие островки грязного снега, сереющие на черно-коричневой земле. Атлас встретил его в серых фланелевых брюках и темно-синей шерстяной рубашке с отложным воротником. Его ярко-желтые носки сверкали, стоило ему шевельнуть ногой.

– Что же мне теперь делать? – спросил Атлас, в его глазах мелькнула хитринка. – Я должен выйти на площадь и объявить во всеуслышание, что я нехороший черный старикашка, что я признаюсь во всем, что отныне становлюсь добропорядочным ниггером и, если меня не выгонят, обязуюсь каждый вечер перед сном петь «Звездное знамя»³³?

– Ты можешь делать все, что хочешь, – ответил Арчер.

– И ты проделал столь долгий путь, чтобы сказать мне об этом? – В голосе Атласа слышались нотки удивления. Новости Арчера несколько его не взволновали. В холодном зимнем свете шрамы на темной коже щеки едва просматривались.

– Я приехал потому, что хочу помочь, – ответил Арчер. – Может, у тебя есть убедительные доказательства того, что все эти обвинения – чушь. У нас есть две недели, чтобы...

– Две недели. – Атлас покивал. – Сколько я работаю в программе, Клем?

– Ты знаешь не хуже меня. Три года.

– Четвертый год. А теперь я получаю две недели на то, чтобы оправдаться. Ты очень великодушен, Клем.

– Послушай, Стенли, – разговор с Атласом всегда давался Арчеру с трудом. Обращаясь к нему, он словно заранее ставил себя в невыгодное положение, – не я все это затеял. Будь моя воля, этот вопрос никогда бы не поднимался.

– Ты хочешь сказать, что не будешь возражать, если мы, красные, захватим власть в государстве, зарежем мистера Хатта и изнасилуем всех белых женщин? – Атлас изобразил изумление. – Для меня это сюрприз, Клем. Большой сюрприз.

«А ведь до чего было бы приятно, – подумал Арчер, – разбить сейчас нос этому хладнокровному улыбающемуся человеку».

– Послушай, Стенли, – ему пришлось приложить немало усилий, чтобы голос остался спокойным, – я в этой истории тоже не посторонний.

– Они прислали черную метку и тебе? – Улыбка Атласа стала шире. – Да уж, у этих парней и муха не пролетит.

– Нет. – Арчер уже начал смиряться с мыслью, что здесь понимания он не добьется. – Мне они ничего не присылали. Против меня обвинения не выдвинуты.

– Думаю, ждать осталось недолго, – успокоил его Атлас. – Скоро пригласят и тебя, можешь не волноваться.

³³ «Звездное знамя» – государственный гимн США, утвержденный конгрессом в 1931 г.

– Я пытаюсь спасти программу! – с жаром воскликнул Арчер, желая пробить броню насмешек, которой отгородился Атлас. – Я пытаюсь спасти как можно больше артистов. Я хочу понять, какую позицию должен занять во всей этой истории.

– Теперь до меня дошло, – кивнул Атлас. – Ты так долго ехал в подземке не для того, чтобы помочь мне. Ты приехал сюда, чтобы помочь себе.

– Хорошо, – смирился Арчер. – Будем считать, что ты прав.

– А теперь, – Атлас чмокнул губами и задумчиво уставился в потолок, – давай прикинем, как и чем мы сможем помочь белым? Тебя устроит, если я позвоню мистеру Хатту и скажу, что я – истинно красный и каждое утро получаю инструкции непосредственно из Кремля? Или лучше признаться в том, что я глупый ниггер, с большим трудом научившийся читать и писать, разбирая по слогам «Прокламацию об освобождении»³⁴, которая висела в сортире нашего дома, а заезжие красные евреи из Нижнего Манхэттена совсем задурили мне голову и толкнули на кривую дорожку, о существовании которой без их помощи я бы и не узнал? Я, конечно, могу подняться на задние лапы, закатить глаза и завопить: «Пусть Иисус прямо на этом месте поразит меня громом, если я лгу! Я невиновен, как новорожденный барашек, и я ненавижу коммунистов, потому что они сбивают нас, бедных черномазых, с пути истинного, ввергают в грех и искушения». Ты только скажи, какой вариант тебя больше устроит, и я все сделаю в лучшем виде. – Атлас улыбался. – Ведь мое призвание – ублажать белых.

– Думаю, ты воспринимаешь все это недостаточно серьезно, – ответил Арчер, ненавидя своего собеседника. – Тебя же выгонят из всех радиопрограмм, в которых ты сейчас занят. И новой работы тебе не найти. С тобой будет покончено. Ты не заработаешь ни цента. Поэтому, ради бога, перестань шутить!

– Деньги – не главный интерес в моей жизни, – с усмешкой ответил Атлас, – так что могу позволить себе шутку-другую. Я давно уже работаю, не покупаю спортивных автомобилей, не осыпаю подарками женщин, и моя жена знает, что в год ей позволено покупать только одну шубу из горноста. Поэтому у меня есть заглашник. Большой, толстый заглашник. Аккурат для таких вот случаев. Мне принадлежат два дома на Ленокс-авеню, половина очень доходного бара, государственные облигации и акции, которые украсили бы инвестиционный портфель любого банка. Короче, я имею неплохой ежегодный доход, Клем, и мне уже нет необходимости зарабатывать на жизнь. Отсюда вывод – я не должен ни перед кем оправдываться. Ни перед спонсором, ни перед белыми издателями журналов, ни перед тобой. Если меня будут доставать, я всегда могу упаковать чемоданы и вместе с женой отправиться во Францию. Буду тратить тамошние франки. Во время войны меня посылали туда УВИ, и мне там понравилось. Я даже начал учить язык. *Cherie*, – Атлас с улыбкой перешел на французский, – *je cherche du cognac, s'il vous plait*³⁵. И пусть они говорят обо мне все, что им заблагорассудится. Я буду читать газеты лягушатников.

– Если ты просто убежишь, не ответив на обвинения, – заметил Арчер, – людям не останется ничего другого, как поверить всему тому, что скажут о тебе, Стенли. Когда-нибудь ты захочешь вернуться и вновь начать работать. Репутация – основа жизни артиста. Он более уязвим, чем другие люди. Ему приходится быть более осторожным...

– И ты в это веришь? – донеслось из кресла.

– Я не хочу в это верить, – ответил Арчер, – но заставляют.

– Я уже слышал эти слова от своих друзей. Только говорили они не об артистах. Они цветные, и они убеждали меня, что цветным положено вести себя более осторожно, чем кому бы то ни было. Может, в какой-то степени и ты с этим согласен, Клем?

³⁴ «Прокламация об освобождении» – законодательный акт периода Гражданской войны, подписанный президентом Линкольном 22 сентября 1861 г., который с 1 января 1863 г. объявил свободными всех рабов на территории мятежных штатов.

³⁵ Дорогая, принеси, пожалуйста, рюмку коньяка (*иск. фр.*).

– Нет, – ответил Арчер, гадая, правдивый ли это ответ. – Не согласен.

– Это хорошо. Не нравятся мне люди, которые думают, что цветные должны вести себя как ангелы только потому, что нас кое-где не любят. Во-первых, это невозможно. Невозможно для актеров и невозможно для черных. А если б нам это и удалось, то ситуация изменилась бы к худшему. Люди не любят тех, кто ведет себя лучше остальных. Мы бы стали такими святыми, что нас развесили бы по всем столбам. К тому же как гражданин, имеющий право голоса, я не могу с этим согласиться. Это антиамериканская идея. – Он холодно улыбнулся, уверенный в себе, играя с Арчером, как кошка с мышкой. – В Соединенных Штатах Америки, как сказано в конституции, все рождаются свободными и равными. Там ничего не говорится о черных, об актерах с радио или о ком-то еще. Все, и точка. Сие означает, что мы наравне со всеми имеем право шуметь, сквернословить, драться. И, естественно, нарываться на неприятности. Я вот не замечаю, что в тюрьмах действует система квот. Люди, которые управляют тюрьмами, – убежденные сторонники конституции. Грешник, говорят они, ты нарушил закон, а потому у нас найдется для тебя местечко, и нам без разницы, кто ты.

– Стенли, – нетерпеливо бросил Арчер, – мы можем говорить так весь день и ни к чему не прийти.

– Я просто рассматриваю разные варианты, – пророкотал Атлас. – Такое у меня сегодня настроение. Но, полагаю, тебя интересует одно – коммунист я или нет.

– Я не принуждаю тебя к ответу. Если хочешь, скажи.

– Во-первых, давай рассмотрим причины, по которым у цветного может возникнуть желание податься в коммунисты. – Атлас положил ногу на ногу, сверкнув желтым носком. – Это позволит нам ухватить суть проблемы, на тот случай, если нам придется отвечать на связанные с ней вопросы.

«Я ничего от него не добьюсь, – подумал Арчер. – Он заиклен на цвете своей кожи. Ни о чем другом думать не может».

– На текущий момент, – продолжал Атлас, – красные приходят к тебе и говорят: «Ты ничем не хуже других, мы не замечаем цвета твоей кожи. Грядет Революция, и ты станешь таким же, как все». Они счастливы, и ты счастлив. Они нищие, и ты тоже.

– Так скорее всего и будет, – кивнул Арчер. – Тебе разрешат разделить со всеми общую нищету.

– Совершенно верно. Я ни на секунду не сомневаюсь в вашей правоте, мистер Арчер. Но это очень привлекательная доктрина. Мы все в беде, но зато это общая беда. Многим это нравится. К тому же коммунисты действуют, доказывают, что не просто сотрясают воздух. Поднимают шум, требуя, чтобы черным разрешили жить в белых районах, создают комитеты, представители которых встречаются с мэром, посылают красивых белых девиц, так доходчиво все объясняющих, приглашают нас в так называемые ячейки, чтобы потом копы разбивали в пикетах и наши головы. Они предлагают кандидата в городской совет, а потом выясняется, что он цветной, да еще член национального комитета партии. Они настроены серьезно, не так ли?

– Да, – кивнул Арчер. – Серьезно.

– И у них привлекательные идеи. Ты должен это признать.

– Есть множество других организаций, в состав которых входят негры. Они тоже выступают за равноправие.

– Да, да, но организации эти больно вежливые. Они собирают подписи под петициями, произносят красивые речи... но никогда не идут на прямой конфликт. А вот коммунистам надо отдать должное, Клем... Они готовы к конфликтам, просто их провоцируют.

– Согласен, – мрачно ответил Арчер. – И знают, как это делается.

– Вот, к примеру, я. Дела у меня идут неплохо. – Атлас чуть улыбнулся. – Во всяком случае, шли неплохо. Денежки капаят, люди смеются над моими шутками, дом у меня – грех жаловаться. – Он оглядел гостиную. – Летом я могу выглянуть в окно и увидеть дерево...

Свободное предпринимательство. У меня больше денег, чем у тебя и Вика Эрреса, вместе взятых...

– Меня это не удивляет, – пожал плечами Арчер.

Атлас покачал головой.

– Вы, белые, слишком сорите долларовыми купюрами. Однако Эррес живет на Парк-авеню, до студии при желании он может дойти пешком. Ты живешь в Виллидже, очень престижном районе. Можешь ты себе представить, что я зайду в агентство, которое сдает квартиры в доме Вика Эрреса, и скажу: я, мол, работаю неподалеку, мне этот дом очень подходит, не подберете ли вы мне квартирку с окнами на юг. Стоимость аренды – не вопрос, потому что деньги у меня есть. – Атлас бросил на Арчера насмешливый взгляд. – Можешь ты представить себе их реакцию? А в твоём квартале, Клем, – любопытствовал Атлас, – много у тебя соседей-цветных?

– Ответ ты прекрасно знаешь, Стенли, – бросил Арчер, – и я не собираюсь убеждать тебя в обратном.

– А красные, между прочим, знают, как все это изменить.

– То есть ты пытаешься сказать мне, что ты коммунист?

– Я ничего не пытаюсь тебе сказать, Клем, – покачал головой Атлас. – Я лишь рисую общую картину. Однако в образ коммуниста я не вписываюсь. Как я тебе и говорил, я капиталист. Два жилых дома и половина бара. Плюс государственные облигации и акции в банковском сейфе. Тебе бы как-нибудь взглянуть на мою налоговую декларацию, Клем, и ты сразу поймешь, как трудно мне быть коммунистом. Разумеется, возможен и такой вариант. Но вероятность больно мала. И потом, зачастую я не в восторге от того, что они делают. Чистота их намерений не доказана на девяносто девять и сорок четыре сотых процента. Они преследуют какие-то свои цели и, возможно, останутся в плюсе, когда мы разделим на всех общую беду. Они прикидываются, что очень уж заинтересованы в благополучии цветных. Как-то не верится. Мы, что называется, случайный доход на их инвестиции. И придет время, когда мы будем смотреть друг на друга и гадать, мы используем их или они нас. Не так-то легко сказать, что может подумать человек, глядя на все это со стороны.

– Стенли, это не просто проблема негров, и ты это знаешь. Многие их действия и идеи никак не связаны с Гарлемом.

– Иностранная политика? – беззаботно отмахнулся Атлас. – Профсоюзы? Задумываться над этим у меня времени нет. Моя иностранная политика состоит в том, что я, возможно, переберусь во Францию и вновь, как и прежде, возьму в руки трубу. Буду проводить дома пару вечеров в неделю, даже заведу ребенка. Увеличивать число цветных детей в этой стране я не собираюсь. Это противоречит моим принципам.

– Послушай, Стенли, – в отчаянии воскликнул Арчер, чувствуя, что напрасно тратит время, – а что ты собираешься делать?! Ты намерен бороться? Будешь защищать себя?

– А как мне это сделать? – Арчеру показалось, что этот вопрос Атлас задает на полном серьезе.

– Прежде всего подать в суд на издателей журнала. Может, тебе стоит объединиться с другими артистами, которых также обвинили в принадлежности к коммунистам, и подать коллективный иск.

Атлас заулыбался.

– Что с тобой, Клем? У тебя есть друзья среди адвокатов, которых ты хочешь обогатить? Когда я маленьким мальчиком сидел на колене матери, она наказала мне: «Сынок, есть только одно правило, которому ты должен следовать в этой жизни. Ты можешь пить самогон, нюхать кокаин и спать с женой пастора, но никогда не подавай в суд на белого человека». А ведь она

из южной глубинки. Нынче же дела обстоят так, что половина присяжных признает тебя за красного, если станет известно, что ты голосовал за Теодора Рузвельта³⁶.

– А за кого ты голосовал? – спросил Арчер. – В каких состоишь организациях? Может, как раз сейчас тебе самому обратиться в прессу и бороться с этими обвинениями? Есть ли у них на тебя компромат? Что они могут доказать?

Атлас все улыбался.

– Не слишком ли ты любопытный, Клем? Пусть они выясняют это сами. От меня помощи они не дождутся. Все это вопросы белых. Вот пусть белые и ищут ответы. Тебе полегчает, если я скажу, что голосовал за республиканцев и состою в Национальной ассоциации промышленников³⁷? Хотя я не гарантирую, что мои слова – истина в последней инстанции. Мне будет хуже, если я признаюсь, что одно время бандиты использовали меня как курьера, или это не имеет никакого значения? Ты думаешь, на моей кристально чистой репутации появится несмываемое пятно, если я скажу газетчикам, что работал в одном ночном клубе, когда впервые приехал из Тампы, и спал с белыми женщинами, получая по десять баксов за палку? В те дни в Гарлеме многие подрабатывали таким способом.

Арчер поднялся, признав свое поражение.

– Хорошо, Стенли, пусть будет по-твоему. Я думал, что мы сможем помочь друг другу, а меня просто водят за нос.

– У меня нет желания кому-либо помогать, – ответил Атлас. – Даже себе.

Он развалился в кресле, вытянув ноги, положив на колени мускулистые руки, а в глазах его стояла ненависть к белому миру.

– Хорошо. Я позвоню, если что-нибудь прояснится.

– Не утруждай себя. – Атлас не поднялся. Не проводил Арчера до двери.

В коридоре, ожидая лифта, Арчер глубоко вдохнул. Пахло затхлостью. Он разозлился на себя за то, что обратил внимание на этот запах.

³⁶ Рузвельт, Теодор (1818–1909) – 26-й президент США (1901–1909), автор более двух тысяч книг и статей, страстный патриот. Автор программы «Новый национализм», пропагандист «простой жизни» и близости к природе. Оставил значительный след в истории США.

³⁷ Национальная ассоциация промышленников – создана в 1895 г. и объединяет владельцев крупнейших корпораций.

Глава 10

Элис Уэллер жила в Централ-Парк-Уэст, в большом, когда-то роскошном доме. Большим он, конечно, остался, а вот от роскоши осталось совсем ничего. Ковры истрепались и выцвели, стены в вестибюле выкрасили серо-зеленой краской. Лифт стонал и скрипел, лифтер чихал.

– Мне к миссис Уэллер, – сказал Арчер.

– Четвертый этаж, – ответил лифтер. – Она вас ждет?

– Да.

Арчер вдохнул запахи масла и пыли, и они напомнили ему о тех приятных вечерах, что много лет тому назад он проводил в этом доме, когда был жив муж Элис, с которым он долго дружил. После его смерти Арчер бывал здесь все реже и реже, успокаивая свою совесть тем, что, став режиссером, более или менее постоянно находил работу для Элис, порой даже ценой жарких споров с продюсерами.

Элис открыла дверь сама. В платье из веселенькой хлопчатобумажной ткани, которое старило ее на добрых пять лет. Она только что сняла бигуди, кудряшки волос прилипли ко лбу. Элис улыбнулась, когда Арчер поцеловал ее.

– Так приятно вновь видеть тебя здесь. – В голосе ее не слышалось упрека. – Давненько ты к нам не заглядывал.

Когда Элис брала его пальто, Арчер заметил, что руки у нее красные и растрескавшиеся, словно в последнее время она постоянно мыла посуду. Элис провела его в гостиную.

– Сядь, пожалуйста, сюда. – Она указала на одно из кресел. – В том, которое тебе нравилось, сломалась пружина.

Арчер повинился, почувствовав укол совести. Элис помнила, что у него было любимое кресло. Он – нет.

– Пожалуй, я сама присяду здесь. – Она опустилась на диван, который протестующе скрипнул.

Арчер вспомнил эту привычку Элис. Она всегда говорила «я сама сяду», «я сама должна проснуться», «я сама поеду домой». Должно быть, когда-то давно такое построение фраз очаровало какого-то мужчину, и подсознательно Элис цеплялась за эти далекие воспоминания. А может, произнося в очередной раз слово «сама», Элис чувствовала себя более молодой. Арчеру всегда становилось как-то не по себе, когда она начинала так говорить, и теперь он понял, что чувство это никуда не делось. Элис же застыла на диване с прямой, как доска, спиной.

– Ральф будет так рад вновь повидаться с тобой. Он часто о тебе спрашивает.

– Как он? – вежливо спросил Арчер, гадая, как долго придется болтать о пустяках, прежде чем он сможет сказать Элис о цели своего визита.

– Он стал таким высоким, что ты его не узнаешь. – Как любая мать, Элис гордилась своим сыном. – Он говорит, что хочет стать физиком. Ты знаешь, в газетах очень много пишут о науке, а в школу к ним все время приходят профессора. – Элис рассмеялась. Смех у нее был как у девочки. – И куда только подевались пожарные и жокеи. Когда я училась в школе, мальчишки бредили этими профессиями.

Ральф был единственным ребенком Элис. Ее муж, архитектор, погиб в автокатастрофе в 1942 году, как раз в тот момент, когда пошли заказы. Умирать он не собирался, в страховку не верил, и теперь, глядя на обшарпанную мебель и заштопанные занавески, ясно указывающие на то, что хозяйка квартиры едва сводит концы с концами и не выдержит следующего удара судьбы, Арчер подумал, что архитектору, прежде чем садиться за руль, следовало обзавестись одним, а то и двумя страховыми полисами, выписанными на имя жены.

– Столько возникает проблем, – говорила Элис. – Только на прошлой неделе мне предложили роль матери в пьесе «Волнолом». В гастролирующей труппе. Хорошая роль, деньги

неплохие, и они хотели подписать со мной годовой контракт. Но это означало, что я должна оставить Ральфа одного, отправить его в школу-интернат. Я поговорила с ним, он на удивление взрослый, с ним можно обсуждать любые проблемы, и он убеждал меня, что надо соглашаться, но в последний момент я отказалась. – Грустный смех. – Не знаю, что я буду делать, когда Ральф решит, что пора уходить от меня и жениться. Наверное, я потеряю голову от горя, напьюсь и оскорблю новобрачную. – Она взмахнула рукой. – Я сама должна замолчать. Сколько же можно болтать о моей семье. А как ты? В последнее время выглядишь ты очень хорошо. Такой импозантный. Я все порывалась сказать тебе об этом. – В голосе Элис слышались нотки кокетства.

– У меня все в порядке, – ответил Арчер. Для объяснения достаточно. – Программа держит меня на плаву.

Элис хохотнула.

– Меня тоже. И Ральфа, – застенчиво добавила она.

«Неудачно я повернул разговор, – подумал Арчер. – Не предполагал, что Элис воспримет последнюю фразу столь серьезно. А зря».

– На этой неделе ты тоже участвуешь в передаче. – Арчера радовало, что он может подсластить пилюлю. Еще сотня долларов на поддержание жизни Ральфа и его матери. – Роль у тебя неплохая. Не очень большая, зато текст удачный.

– Спасибо, Клемент. – Голос Элис переполняла благодарностью. – Мистер О’Нил позвонил утром и сказал мне об этом.

Арчер сообщал агентству список актеров, которых он задействовал каждую неделю, а О’Нил обзванивал их по понедельникам. И в недалеком будущем Элис ждали очень печальные понедельники, которые ей предстояло проводить рядом с молчащим телефоном. Если, конечно, Хатт добьется своего. «Что ж, – решил Арчер, – чем дольше я оттягиваю неминуемое, тем труднее мне будет начать».

– Элис! – Он нервно потер лысину. – У меня неприятности.

– Правда? – На лице Элис отразилась тревога. – Я могу чем-нибудь помочь?

– Поползли странные слухи. Насчет тебя.

– Насчет меня? – Элис сначала удивилась, потом испугалась.

– Ты знаешь, в последний год агентства снимают артистов с программ, потому что они... – Он замялся, пытаясь найти менее пугающие слова. – Потому что их обвиняют в том, что они коммунисты или попутчики.

– Клемент, – Элис всмотрелась в него, – тебя не собираются уволить?

Арчер кисло улыбнулся:

– Нет, в данный момент нет.

Элис с явным облегчением выдохнула.

– В наши дни уже и не знаешь, что может случиться завтра.

– Элис, – Арчер твердо решил довести дело до конца, – меня попросили уволить тебя.

Как это ни странно, слова Арчера вызвали у нее улыбку. Нервную, короткую улыбку, словно мышцы лица непроизвольно, безо всякого радостного повода сократились, потянув уголки рта вверх. Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Элис подняла руки и начала поправлять кудряшки над ушами.

– Но ты этого не сделаешь. Ты только что сказал, что в четверг у меня будет хорошая роль. О’Нил позвонил мне в десять утра...

– Да, все так, – кивнул Арчер. – Я выторговал отсрочку. У нас есть две недели на то, чтобы изменить ситуацию.

– Две недели. – Плечи Элис поникли. – Что можно сделать за две недели?

– Не сдавайся заранее. – Арчера рассердило пораженческое настроение Элис. – За две недели можно свернуть горы.

– Я не понимаю. – Элис с трудом поднялась, подошла к окну, отвернулась от Арчера. – Я не знаю, с чего начать. Что они обо мне сказали?

– Хатт получил верстку журнальной статьи. – Арчер говорил медленно и отчетливо, стремясь прорваться сквозь туман, застилавший разум Элис. – В статье тебя и еще нескольких человек обвиняют в принадлежности к организациям, в которых заправляют коммунисты. Ты участвуешь в деятельности организаций, которые могут попасть под подозрение?

Элис повернулась, на ее лице отражалось замешательство.

– Я не знаю. – Чувствовалось, что ей никак не удастся сосредоточиться. – Я вхожу в несколько организаций. Американскую федерацию артистов радио. Актерскую ассоциацию за справедливость. Ассоциацию родителей и учителей. Есть еще какая-то лига, которой давал деньги мой муж, она защищает гражданские права негров. Иногда я посылаю им десять долларов... Ты думаешь, в какой-то из них могут заправлять коммунисты?

– Скорее всего нет, – ответил Арчер. – Может, вспомнишь что-нибудь еще?

– Во всяком случае, я точно не коммунистка. – Элис попыталась улыбнуться. – Я, конечно, многое забываю, но в коммунистическую партию я не вступала.

– Я в этом несколько не сомневался, – заверил ее Арчер.

– Я не делала ничего противозаконного. – Голос Элис звучал более решительно, до нее дошло, что ей придется защищаться, а Арчер на ее стороне. – Если бы я нарушила какой-то закон, я бы это знала, не так ли?

– Все не так просто, – вздохнул Арчер. – Сейчас. – Его не радовала перспектива растолковывать Элис особенности новой, сложившейся в последний год ситуации. – Из-за напряженности в отношениях с Россией, напряженности, возникшей и усилившейся после окончания войны, появилась некая сумеречная зона, в которую попадают люди, не совершившие противоправных действий. Это зона... можно сказать, что это зона морального осуждения... за определенные взгляды, за принадлежность к определенным организациям...

– Взгляды? – Элис рассмеялась и упала в кресло, будто от усталости у нее подогнулись ноги. – Кто знает, какие у меня сейчас взгляды? Я сама этого не знаю. Дорогой, ты, наверное, думаешь, что я круглая идиотка. В последние годы я действительно стала плохо соображать.

– Отнюдь, – ответил Арчер, как ему показалось, излишне резко.

– Да, да, – Элис печально покивала. – И тебе незачем отрицать очевидное. Даже Ральф иногда смеется надо мной, а ему всего четырнадцать. – Она сняла с книжной полки фотографию сына, всмотрелась в нее. – В прошлом году, – внезапно вырвалось у нее. – Должно быть, это связано с тем, что произошло в прошлом году.

– Произошло что? – недоуменно спросил Арчер.

– Я получила ужасное письмо. Написанное карандашом. Печатными буквами. С множеством грамматических ошибок.

– Какое письмо? – Арчер постарался изгнать из голоса нетерпение. – Элис, постарайся вспомнить все, что сможешь.

– Анонимное. Я прочитала только половину и выбросила его. Не могла заставить себя дочитать до конца. Меня обзывали последними словами. Ты бы удивился, если б узнал, что можно получить по почте. Мне предлагалось убраться туда, откуда я приехала, если я нахожу, что здесь очень уж плохо. – Элис рассмеялась. – Уж не знаю, что они хотели этим сказать. Моя семья живет в Нью-Йорке больше ста лет. Они мне угрожали. – Элис подняла голову, уставившись в потолок, вспоминая. Дряблая кожа на ее шее натянулась. – «Мы разберемся с тобой и такими, как ты, и скоро. Мы набираем силы, так что ждать осталось недолго. В Европе таким женщинам, как ты, брили головы, но здесь стрижкой дело не закончится».

Арчер закрыл глаза, стыдясь за людей, мимо которых каждый день проходил на улице.

– Почему ты не показала письмо мне?

– Не смогла. Они меня так гадко обзывали, что я никому не могла показать это письмо. Я купила новый замок и поставила на дверь цепочку. – Она нервно рассмеялась. – Может, и зря. Потому что ничего не случилось. Я даже забыла о письме, вспомнила только сейчас.

– Но почему письмо прислали тебе? У тебя есть какие-то соображения? – спросил Арчер. «Новая проблема, – подумал он, – угрозы обедневшим вдовам. Жизнь в большом городе таит массу опасностей».

– Да, – на удивление уверенно ответила Элис. – Письмо принесли после конференции, которая была прошлой зимой. Конференции, посвященной борьбе за мир, в отеле «Уолдорф-Астория». В ней участвовали русские писатели и композиторы...

– Ты там была? – изумленно спросил Арчер.

– Да.

– Каким ветром тебя туда занесло?

– Я должна была выступить, но не справилась с волнением и не смогла подойти к микрофону. Я собиралась говорить о негативном влиянии сцен насилия на детей.

«Безнадега, – думал Арчер, слушая этот мелодичный голос, – полная безнадега».

– Ты и представить себе не можешь, сколько они приносят вреда! – воскликнула Элис. – Людей мучают, убивают, бьют по голове. Из-за них я даже ссорюсь с Ральфом. Он сидит, слушает, становится нервным, перевозбуждается, вместо того чтобы гулять или готовить домашние задания. Я считаю, что их надо убирать из радиопрограмм. – Казалось, она сама удивилась собственной решительности. – Но потом, когда подошло время, я поняла, что не могу выйти к микрофону и выступить перед столькими людьми... – Вновь нервный смех. – Я сказала, что у меня разболелась голова.

– Вокруг отеля стояли сотни пикетов, – напомнил Арчер. – Неужели ты не понимала, что участие в таком митинге чревато неприятностями?

– Пикеты я видела. В них стояли какие-то подонки. Грубые, неотесанные. – Элис поджала губки. – Такие могут послать женщине анонимное письмо с грязными ругательствами.

– Твоя фамилия упоминалась в программке? – устало спросил Арчер.

– Да. – Элис приподнялась. – Думаю, она у меня в столе. Если ты хочешь на нее взглянуть...

– Не хочу, не хочу. Сядь. – Он не отрывал взгляда от Элис. Теперь он знал, почему журнал включил ее в черный список. «Не много же для этого нужно, – мрачно подумал Арчер. – Хватит одной произнесенной речи о влиянии дневных криминальных сериалов на сознание подростков...» Он покачал головой, чувствуя жалость и отчаяние. – Элис, каким ветром тебя туда занесло?

– О конференции я узнала от Френсис Матеруэлл, – ответила Элис. – Она же и предложила мне выступить. Сказала, что мое выступление еще раз укажет миру на необходимость предотвращения третьей мировой войны.

«Френсис Матеруэлл, – с горечью подумал Арчер. – Ей-то ничего не грозит, вот она и подставляет вдов, считающих каждый доллар».

– Пожалуйста, не сердись на меня, Клемент. – Элис чуть не плакала. – Среди моих знакомых многие видели в конференции какой-то подвох, а газеты прямо писали, что ее участницы льют воду на мельницу коммунистов. И действительно, особой пользы конференция не принесла. Но я должна была пойти туда, потому что это мероприятие хоть в малой степени, но способствовало тому, чтобы власть имущие в Москве и Вашингтоне не ввязывались в войну... Полагаю, что мать, особенно если у нее один сын, обязана ненавидеть войну. Ральфу четырнадцать. Еще четыре или пять лет, и он достигнет призывного возраста... У моей сестры, она старше меня и живет в Чикаго, сын ушел на последнюю войну. Вернулся, но без половины лица, осколок снес ему подбородок. Его оперировали десять раз, но он все равно... – Элис запнулась. – Он отказывается выходить из дома. Он никого не хочет видеть. Дни напролет сидит в своей комнате. День за днем газеты пишут о необходимости проявить твердость, сообщают о

выставленных ультиматумах, о солдатах, которых посылают на край света... Строятся новые подводные лодки, самолеты, ракеты, бомбы. А ты смотришь на своего сына четырнадцати лет от роду, который сидит в гостиной и пиликает на скрипке, и думаешь: «Вот что они ему готовят, эти старики в Вашингтоне, эти генералы, эти газетчики. Они ведут дело к тому, чтобы Ральфа застрелили. Разорвали на части». Вот о чем я думаю, когда читаю в газете очередную генеральскую речь, когда вижу новые самолеты в выпуске новостей, который показывают перед фильмом. И, вернувшись из кинотеатра, я захожу к нему в комнату, смотрю на него спящего и думаю: «Они хотят его убить. Они хотят его убить». Сейчас я тебе кое-что скажу, Клемент. – Элис повысила голос. – Если б на земле нашлось безопасное место и у меня было бы достаточно денег, я бы взяла Ральфа и уехала завтра же. На маленький островок, в Богом забытую страну, чтобы спрятать его там и остаться с ним. Разумеется, такого места нет. Они об этом позаботились. – Такой горечи в голосе Элис Арчеру слышать не доводилось. – Поэтому я сделала все, что смогла. Набралась храбрости и пошла на конференцию в «Уолдорф-Асторию», на Парк-авеню. А потом повесила на дверь цепочку, – добавила она со злой иронией.

– Элис, дорогая, неужели ты не поняла, что тебя использовали? – мягко спросил Арчер.

– И пусть. Я согласна на то, чтобы они меня использовали, если это поможет остановить войну.

– Сегодня коммунисты за мир, – заметил Арчер. – Завтра скорее всего они будут за войну.

– Не важно, – стояла на своем Элис. – Завтра я не позволю им использовать меня. А сегодня ничего не имею против.

Арчер пожал плечами.

– Ладно, я тебя понимаю. – Он достал трубку, начал набивать ее табаком из кисета.

– Ты считаешь, что я не права, Клемент, не так ли? – спросила Элис, в голосе вновь зазвучали нотки неуверенности.

– Нет, я так не считаю. – Арчер решил, что вопрос слишком сложный, чтобы вот так сразу дать на него ответ. Он поднялся с трубкой в руке. – Мне пора.

Встала и Элис.

– Клемент, что я буду делать, если они не позволят мне работать? На что я буду жить? На что будет жить Ральф? – Постаревшая, некрасивая, Элис стояла вплотную к Арчеру, не сводя с него глаз, с глупыми кудряшками, обрамляющими осунувшееся лицо.

– Не волнуйся, – только и смог сказать Арчер, хотя понимал, что проку от такого совета никакого.

– И ты позволишь им уволить меня? – Она схватила его за плечи.

Руки у нее были большие, сильные, Арчер почувствовал, как ногти впиваются в его кожу сквозь материю. Он глубоко вздохнул.

– Я на твоей стороне, Элис. И хочу, чтобы ты это знала.

– Ты позволишь им уволить меня? – повторила Элис, игнорируя его ответ.

Арчер обнял Элис. Ее трясло, он чувствовал, как дрожь волнами пробегает по ее телу. Она не плакала. Под платьем Элис носила корсет, материя скользила по нему.

– Клемент, – голос ее переполняло отчаяние, – ты позволишь им уволить меня?

Арчер поцеловал ее в щеку, прижал к себе:

– Нет. Обещаю тебе.

На мгновение Элис еще сильнее прижалась к нему, потом отпрянула. Она по-прежнему не плакала. Губы дрожали, но глаза оставались сухими.

– Когда-нибудь я скажу, как я тебе благодарна, Клемент. – Она коснулась трубки, которую он держал в руке. – Я рада, что тебе нравится эта трубка.

– Что? – Арчер взглянул на трубку. Утром он взял ее со стола только потому, что в ней не было пепла. И тут Арчер вспомнил, что Элис подарила ему эту трубку, когда он устроил ей роль в своей первой программе, еще во время войны. Эта вересковая трубка стояла больших

денег. Однако раскуривалась она плохо и пользовался ею Арчер довольно редко. – Да, она в числе моих фавориток.

Глава 11

В углу на мате стояла на голове полная женщина лет пятидесяти, одетая в шорты и футболку. Ее перевернутое лицо цветом соперничало с помидором, но колени она держала вместе, а пальчики вытягивала. Мистер Моррис, банковский кассир, сидел в позе Будды, переплетая тощие ноги. Арчер лежал на спине, работая над дыханием, и смотрел на миссис Крайтон, которая, стоя над ним, недовольно качала головой.

– У вас путаются мысли, мистер Арчер, – безапелляционно заявила она. – Ваши легкие напряжены. Вы никак не можете сосредоточиться исключительно на дыхании.

Миссис Крайтон родилась в Англии, но потом долгие годы прожила в Индии. И теперь организовала школу йоги на Пятьдесят седьмой улице. Ей уже перевалило за шестьдесят, лицо бороздили глубокие морщины, зато тело оставалось крепким и упругим, как у девушки. Гуляя по городу в веселеньких платицах, которые она покупала в молодежных отделах универмагов, миссис Крайтон служила живой рекламой своей системы достижения физического совершенства, обеспечивая школе постоянный приток женщин, которые считали, что возраст берет над ними верх, и мужчин, которым врачи советовали бросить курить. Ходили слухи, что в своем кабинете, примыкающем к общему залу, она устраивает таинственные религиозные церемонии, а в семьдесят лет намеревается ухать в Гималаи, чтобы достичь единения с вечностью, но в зале миссис Крайтон вела себя скорее как тренер, а не как жрица, очень напоминая Арчеру Хораса Сэмсона, тренера футбольной команды колледжа, в котором он когда-то преподавал, хотя в лексиконе Сэмсона, когда тот разбирал ошибки полузащитника при отборе мяча, редко появлялось слово «душа». Арчер услышал о миссис Крайтон несколько лет назад на какой-то вечеринке. Тогда в его жизни был трудный период, он мучился бессонницей и согласился бы на любое средство, которое могло предотвратить казавшуюся неизбежной капитуляцию перед секоналом. Случайного знакомого Арчера раньше отличали избыточный вес, нездоровый цвет лица и свистящее, затрудненное дыхание. Но за три месяца, прошедшие с их последней встречи, он похудел на двадцать фунтов, лицо стало розовым, как у младенца, а дышал он теперь глубоко и свободно.

– Причина моих напастей заключалась в кишечнике, – объяснял он, прикладываясь к стакану с соком сельдерея и неодобрительно глядя на поднос с маленькими бутербродами. – Оттуда все шло. Я даже не подозревал о спазмах, которые постоянно корежили мое тело. Собственно, мое тело контролировало меня, а не наоборот. Тогда я пошел к миссис Крайтон. Помимо выполнения других упражнений, теперь я могу простоять на голове пятнадцать минут. И посмотрите на меня. Мне пришлось полностью сменить гардероб. – В голосе знакомого звучала гордость. – А кишечник теперь мой слуга.

И Арчер, пусть и с опаской, обратился к миссис Крайтон. Боготворить ее в отличие от мужчины, которому она вернула контроль над телом, он не стал, не пристрастился и к соку сельдерея, но четырех недель, по два-три занятия каждую неделю, хватило для нормализации сна. Иногда, чувствуя особый прилив уверенности в себе, Арчер даже выполнял простейшие упражнения на ковре в своем кабинете.

Вот и сегодня после беседы с Элис он чувствовал, что час в тренировочном зале пойдет ему на пользу. Дыхание по методике миссис Крайтон действительно требовало полной концентрации, не оставляя места для других мыслей. «Дыхание, – не уставала повторять миссис Крайтон, – первейшая функция всего живого. И раз уж вы здесь, вы должны уделять дыханию все свое внимание».

Вот Арчер, одетый в спортивный костюм, и лежал на мате, пытаясь сосредоточиться исключительно на дыхании.

– Нет, – качала головой миссис Крайтон, не отрывая от него глаз. – Это не то. Представьте себе, что ваше тело стало жидким. Превратитесь в волну. Почувствуйте безграничность...

«Может, в Индии и можно почувствовать безграничность, – думал Арчер, с трудом сдерживая улыбку, – но вот превращаться в волну на Пятьдесят седьмой улице...»

– Мистер Арчер, вы регрессируете, – чеканила слова миссис Крайтон. – Ваша концентрация никуда не годится. Ваше внимание раздвоено, раздвоенность – первопричина напряженности, а от напряженности недалеко и до болезни.

И с суровым видом миссис Крайтон проследовала к полной женщине, стоявшей на голове, и начала показывать ей, как, встав на колени, нужно плавно наклоняться назад, чтобы коснуться мата затылком. Арчер лежал на своем мате, изо всех сил заставляя свое внимание не раздваиваться, пытаясь забыть обо всем, кроме дыхания. В студии наверху, которую арендовал преподаватель пения, обладательница красивого контральто выводила гаммы. Голос этот почему-то напомнил Арчеру об Элис Уэллер, и сосредоточиться стало еще труднее.

Позже, приняв душ и сидя на стуле рядом с мистером Моррисом, который неторопливо надевал шерстяные кальсоны, Арчер почувствовал себя значительно лучше. Физические упражнения и холодная вода сделали свое дело. Он словно помолодел. И сил заметно прибавилось. Зашнуровав ботинки, Арчер подошел к зеркалу, чтобы застегнуть воротник и завязать галстук. Он увидел, что мистер Моррис пристально смотрит на него. Невысокого росточка, худощавый, светловолосый, мистер Моррис не снимал очки, даже когда стоял на голове. На первый взгляд он казался тихой серой мышкой, человеком, чью фамилию невозможно вспомнить, хотя каждую неделю видишь его за забранным решеткой окошком, где он аккуратно вписывает новые цифры в банковскую книжку. А вот тот, кто приглядывался к мистеру Моррису внимательнее, не мог не заметить мрачного фанатизма, которым горели его глаза, скрытые блеском очков без оправы. Темные глаза, которые точно знали, что есть истина, а что – нет. «Такие вот люди, – думал Арчер, затягивая узел галстука, – однажды удивляют мир, украв из банка пятьдесят тысяч долларов и убежав с чужой женой».

– Мистер Арчер, вы не сочтете за дерзость, если я позволю себе обратиться к вам? – нарушил молчание Моррис.

– Разумеется, нет. – Арчер повернулся, с улыбкой кивнув мужчине в шерстяном нижнем белье.

– Я наблюдаю за вами и вижу, что вам следует сбросить двадцать фунтов.

– Правда? – Замечание Морриса Арчеру не понравилось, поскольку он не считал себя толстяком. – Вы полагаете, у меня избыток веса?

– Безусловно. – Моррис наклонился, чтобы надеть ботинок. Это был ботинок из темной парусины с резиновой подметкой, какие предпочитают яхтсмены. – Вам обязательно надо похудеть.

– Возможно. – Арчер надел пиджак, по-прежнему не соглашаясь с Моррисом.

– Вы слишком много едите. – В голосе мистера Морриса слышались обвиняющие нотки. – У вас слишком много энергии.

– Это плохо?

– Очень плохо. Избыток энергии отвлекает душу от созерцания, толкает человека от духовного к физическому, от размышлений к действиям. Лично я ем один раз в день. Я изнуряю плоть голодом, чтобы укрепить душу. – Мистер Моррис кивнул, встал, надел рубашку. – Раньше я плотно ел пять-шесть раз в день. Весил на двадцать восемь фунтов больше, чем сейчас. И вел себя так же, как другие уличные варвары.

– О вкусах не спорят, – с наигранным добродушием ответил Арчер, подумав, а не присоединиться ли ему к Ассоциации молодых христиан³⁸, где к нему наверняка не будут приставать с нравоучениями.

– И я не ем мяса, – с нажимом добавил мистер Моррис. – Я ем фрукты, орешки и сырые овощи. Я также не ем яйца и не пью молоко. Я не питаюсь плотью наших меньших братьев.

«Интересно, а что знают об этом господине его коллеги по банку?» – думал Арчер, натужно улыбаясь мистеру Моррису.

– Корень всех ужасов цивилизации, – мистер Моррис надел брюки, методично застегнул пуговицы, – в том, что люди едят мясо. Иначе и быть не может. Если мы ежедневно убиваем безвредных и ни в чем не повинных обитателей полей, лесов, рек и морей, убиваем сами или руками людей, которые этим зарабатывают на жизнь, если мы получаем удовольствие от смерти, если мы утоляем наш аппетит за счет жизни других существ, как это влияет на наш моральный облик?

– Полагаю, тут есть с чем идти в суд, – согласно кивнул Арчер.

– Мы стали врагами всего живого, – продолжал мистер Моррис. – Птицы улетают при нашем появлении, олени бросаются в чащу, стоит им учуять наш запах. Мы варвары, дестабилизирующий элемент в уравнении Вселенной, разрушающий и кровавый икс Божественной арифметики. Мы являем собой трагедию и беспорядок на сцене жизни.

– Все эти аргументы есть веское подтверждение вашей точки зрения. – Арчер снял с вешалки пальто, всем своим видом показывая, что ему пора уходить.

– А от убийства домашнего скота, дичи и живности, обитающей в воде, всего лишь один шаг до убийства человеческих существ. Моральные ограничители не срабатывают, переход от убийства неразумных тварей к убийству людей происходит мгновенно, легко и безболезненно. Если каждый день мы ведем войну с миллионами животных во славу чревоугодия, стоит ли удивляться легкости, с которой мы обращаем свою ненависть на себе подобных и убиваем их, получая от этого удовольствие. Руины Берлина и Лондона, мистер Арчер, – за стеклами очков в глазах Морриса таилось безумие, – не более чем следствие наших скотных дворов и скотобоен. Переполненные военные кладбища – результат нашего постыдного пристрастия к деликатесам.

– Мне пора. – Арчер двинулся к двери. – Все это, конечно, очень интересно, но...

Мистер Моррис заступил Арчеру дорогу. Встал вплотную, сверля его осуждающим взглядом.

– Я собираюсь прожить сто лет. Я собираюсь выполнить свое предназначение. Я собираюсь выбрать день своей смерти и уйти из жизни, полностью отдавая себе отчет в том, что я делаю. Я не собираюсь впадать в кому, я собираюсь уйти из этой жизни и перейти в следующую, четко осознавая каждый свой шаг. Опыт есть знание, а знание – единственная абсолютная радость в жизни. Те, кто умирает не дожив до ста лет, и те, кто умирает потеряв сознание, не реализуют себя полностью. Они сдаются на милость смерти. Как вы, наверное, заметили, – добавил он, – я не ношу кожаную обувь, и мой ремень изготовлен из пластика.

Арчер посмотрел на ремень и убедился, что мистер Моррис говорит правду.

– Да, – обходя мистера Морриса, он продолжил путь к двери, – я это заметил.

– Тут не может быть компромиссов. – Мистер Моррис не отставал от него. – Главенствует или принцип жизни, святой и неделимый, или принцип смерти, который есть зло. До сих пор мы отдаем предпочтение принципу смерти. Мы производим ножи для свежевания свиней и атомную бомбу, два продукта одной машины. Потому что принцип – это машина, мистер Арчер, и может выдавать только одинаковые продукты, пусть внешне у них нет ничего общего.

³⁸ Ассоциация молодых христиан – неполитическая международная организация (американское отделение создано в 1851 г.), которая занимается организацией досуга и обучением молодежи.

– Да, да, все это очень логично, – покивал Арчер. – Извините, но я опаздываю и, к сожалению, вынужден...

– Как я понимаю, вы имеете отношение к формированию общественного мнения. – Мистер Моррис его словно и не слышал. – Работаете на радио.

– Да.

– Каждую неделю вы приходите в миллионы домов. Домов, которые пропитаны запахом смерти. Вы могли бы сделать много полезного, мистер Арчер, если бы...

– Видите ли, не я определяю политику радиостанции и...

– Массы надо развлекать, без этого нельзя, – гнул свое мистер Моррис. – И нет никакой необходимости лезть напролом. Я знаю, что вам противостоит мощная оппозиция. Производители мясных продуктов, военные. – Мистер Моррис понизил голос. – В начале достаточно только намеков, предположений. Надо готовить почву.

«В этом мире все помешались на заговорах, – подумал Арчер, – даже вегетарианцы. Орешки и фрукты как средство борьбы со злом. Мне предложено пропагандировать их, рискуя жизнью. Я определенно должен познакомить этого человека с Френсис Матеруэлл».

– Я работаю над документом, – прошептал мистер Моррис, – который намерен представить в ООН через соответствующие каналы. Я надеюсь собрать миллион подписей. Вы подпишетесь?

– Сначала я должен взглянуть на документ, – ответил Арчер, мысленно вздохнув: «Все жаждут миллиона подписей».

– Очень важно найти слова, которые дойдут до самого сердца. – Внезапно мистер Моррис подмигнул Арчеру. – Это исторический документ. Я работаю над ним больше года. Чтобы люди ставили под ним свои подписи, его нужно тщательно подготовить. Они боятся последствий, и моя задача сделать так, чтобы потом они не стыдились своих подписей. Я собираюсь обратиться в ООН с требованием поставить мясо вне закона. – Он торжествующе улыбнулся Арчеру. – Это решение должны принять все страны земного шара. Человечество помилует всех бегущих, ползающих, плавающих, летающих. Я возлагаю большие надежды на Индию, получившую независимость. А потом неизбежно наступит мир, это будет следующий логичный шаг. Политику сдадут в утиль вместе с горами оружия. Человечество отучится убивать. Вы можете представить себе, какой фурор вызовет публикация этого документа?

– Да, – кивнул Арчер, – вы должны показать его мне после того, как наведете последний лоск.

– Разумеется. – Мистер Моррис кивнул, его глаза горели пророческим огнем. – Я знаю, что вы обязательно его подпишете. Документ будет готов через четыре недели, максимум через шесть.

– Буду ждать с нетерпением. – Арчер открыл дверь раздевалки.

– Миссис Крайтон даст вам копию. Она мне помогает.

– Благодарю. До свидания, мистер Моррис.

– До свидания, мистер Арчер. Мы обязательно должны вернуться к этому разговору.

Мистер Моррис надел нейлоновую шляпу и поклонился Арчеру. Тот торопливо вышел. Женщина наверху пела что-то из Бизе, очень нежное и грустное. Арчер слышал ее даже в кабине лифта.

По дороге домой, в переполненном вагоне подземки, Арчер улыбался, вспоминая банковского кассира, который собрался дожить до ста лет. Потом он заметил, что другие пассажиры как-то странно смотрят на него, и согнал улыбку. Лунатики есть везде. Среди борцов за мир сумасшедших не меньше, чем среди сторонников войны. Ни одна идея, какой бы благородной она ни была, не обходится без последователей, место которых в палате закрытой психиатрической лечебницы, а не на улицах. Смерть, принцип зла... С другой стороны, примерно

то же самое сегодня днем говорила ему Элис в своей обшарпанной гостиной. Арчер задался вопросом, уволят ли мистера Морриса из банка, если начальство узнает о его планах посадить весь мир на орешки и ягоды. Как далеко распространяется зона морального осуждения? Можно ли доверить деньги человеку, который требует остановить убийства всего живого и носит парусиновые ботинки и пластиковый брючный ремень? Сохранится ли хоть одно государство, если мистер Моррис возьмет верх? Как поступить с человеком, который покусился на основы цивилизации, пытаясь кардинально изменить питание человечества? Особенно если он заявится в ООН с миллионом подписей!

Арчер вновь улыбнулся, пытаясь представить мистера Морриса демоном зла. Впрочем, в этом мире все возможно. Если кто-то послал черную метку Элис Уэллер, едва ли эти люди сделают исключение для банковского кассира. А потом Арчер вспомнил обещание, данное Элис. Насчет того, что из программы ее не выгонят. И вновь лицо его стало серьезным. Слова эти он произнес из жалости, не подумав, а теперь не мог дать задний ход. Он обещал, следовательно, взял на себя определенные обязательства, и теперь ему не оставалось ничего другого, как их выполнять. Арчер вздохнул и попытался уверить себя, что так или иначе, но все образуется. А когда поезд остановился, настроение ему испортили люди, которые рванулись в вагон, не давая ему выйти. «В эти дни никто никому ни в чем не уступит», – подумал он, протискиваясь мимо толстухи в шубе из рысьего меха, которая перла как танк, оглядываясь в поисках свободного места.

Китти Арчер нашел внизу. Она сидела за столом в его кабинете, склонившись над стопкой счетов. Она надела одно из бесформенных, просторных платьев для беременных. По сосредоточенному выражению ее лица Арчер понял, что она подсчитывает месячные расходы. Когда Китти приходилось складывать числа в столбик, лицо ее становилось очень суровым, словно она опасалась обмана. Арчер подошел, наклонился, поцеловал ее в макушку.

– ... Три, девять и два в уме, – вслух считала Китти. – Одну минуту, дорогой. Семнадцать, двадцать пять, тридцать, тридцать четыре. – Она записала числа на листке и, улыбаясь, повернулась к Арчеру: – Ты знаешь, так жить нельзя.

– Я знаю. – Арчер поцеловал ее в лоб, погладил по щеке.

– Мясника надо арестовать.

Арчер улыбнулся, прошел к креслу, со вздохом облегчения плюхнулся в него.

– Как раз сегодня я встретил человека, собирающегося подать в ООН петицию, которая ставит мясо вне закона.

– Скажи ему, что я полностью поддерживаю его.

– Кто-нибудь звонил?

Каждый день, возвращаясь домой, Арчер задавал этот вопрос, словно ожидал, что за время его отсутствия по велению волшебной палочки одной из телефонисток ему сообщили о присужденной награде, о приглашении в известную радиопередачу – короче, ждал, что Китти передаст ему подробности дневного телефонного разговора, который не только украсит вечер, но и изменит к лучшему всю его жизнь. И Арчер знал, что ожидания эти говорили только об одном: несмотря ни на что, он оставался неисправимым оптимистом. Он дожил до сорока пяти лет, в его доме прозвучали десять тысяч телефонных звонков, которые в большинстве своем несли весть о болезнях, проблемах, несчастьях, но он по-прежнему связывал телефон с неожиданной радостью. «В принципе, – удовлетворенно подумал Арчер, – сие означает, что мои железы функционируют нормально, уровень желчи низкий, в желудке нет избытка кислоты, организм вырабатывает положенное количество гормонов».

– Дай подумать. – Китти выпятила губы. – Мэри Лоуэлл пригласила нас на обед в следующую среду. Тебе предписано прибыть в смокинге.

Арчер скорчил гримасу.

– Звонили из «Таг бразерс». Твой костюм готов для примерки. Звонил мистер Бардик. У него есть какие-то вопросы по страховке, и он хочет, чтобы ты заглянул к врачу для очередного профилактического обследования. Он также сказал, что ты не заплатил за прошлый квартал и...

Вновь гримаса. В этот день радостного известия по проводам не поступило. Что ж, не остается ничего другого, как ждать следующего.

– Хорошая жена, – игриво заметил Арчер, – припасла бы для мужа-добытчика более приятные новости. – Он встал. – Кстати, мне надо позвонить. Я сейчас. – У двери он обернулся. – Вик не звонил из Детройта?

Китти покачала головой.

Арчер вышел в холл, где стоял телефонный аппарат, и набрал номер Покорны, похвалив себя за то, что больше не стал откладывать этот тяжелый для него разговор. Ответила женщина.

– Добрый день, – поздоровался Арчер, разглядывая себя в зеркале. Под глазами появились темные мешки. – Миссис Покорны?

– Да.

– Это Клемент Арчер. Могу я поговорить с Манфредом?

Последовала пауза.

– А о чем вам с ним говорить? – спросила миссис Покорны. По голосу, в котором слышались нотки подозрительности, чувствовалось, что родом миссис Покорны со Среднего Запада.

– Мне надо ему кое-что сказать. – Арчер вздохнул: «Одни проблемы с этим композитором». – Лично.

– Сейчас он не может подойти к телефону. Ему нездоровится.

– Очень сожалею об этом, – Арчер постарался, чтобы в голосе прозвучало сочувствие. – Но я действительно должен с ним поговорить.

– Можете сказать мне. У нас нет секретов.

– Я в этом не сомневаюсь. – Арчер натужно рассмеялся, не нравился ему этот голос прерий. – Но история эта довольно длинная, так что я предпочел бы поговорить непосредственно с ним. Обещаю, что уложусь в полчаса.

– Доктор не разрешает ему выходить из дома. – Похоже, миссис Покорны винила в этом его, Арчера. – У него температура.

Арчер на мгновение задумался.

– Если вы не возражаете, я могу подъехать вечером.

– Его нельзя беспокоить. – «Мало Покорны других проблем, – раздраженно подумал Арчер, – так он еще женился на сторожевой суке».

– Дело очень важное, миссис Покорны. – Он старался не повышать голоса.

– Я в этом не сомневаюсь. – Арчеру в ее словах послышалась угроза.

– Я не буду его задерживать. Но и откладывать этот разговор нельзя. Речь идет о его работе.

– Какой работе? – Миссис Покорны невесело рассмеялась. – Нет у него никакой работы. Вы-то должны это знать. Почему бы вам не оставить его в покое?

– Пожалуйста, спросите его, могу я заглянуть к нему около восьми часов? Я уверен, что он не откажется переговорить со мной.

– Я спрошу. – Миссис Покорны положила трубку.

Арчер ждал, отдавая себе отчет, что миссис Покорны, которую он никогда не видел, – его враг. Прошло немало времени, прежде чем он услышал приближающиеся тяжелые шаги, не сулящие ничего хорошего.

– Хорошо, – бросила она в трубку. – Можете приезжать. Но не задерживайтесь больше чем на полчаса. У него высокое давление. – И она положила трубку на рычаг, не дожидаясь ответа Арчера.

«Еще и высокое давление, – подумал Арчер. – Человек-болезнь». Он вернулся в кабинет, прикидывая, что ему сказать Китти.

Китти просматривала киноафишу в вечерней газете.

– Клемент, – ее палец остановился на одной из строчек, – неподалеку идет английский фильм. Начало сеанса... – она опустила глаза, – в восемь двадцать. Мне очень хочется его посмотреть. Мы бы могли... – Она замолчала, потому что посмотрела на Арчера и поняла, что ее лишат удовольствия.

– Мне очень жаль, дорогая, – Арчер вновь сел в кресло, – но вечером мне надо ненадолго уйти.

– Куда? – Голос Китти вдруг огрубел, на лице отразилась подозрительность.

– Я должен повидаться с Покорны.

– Почему он не может приехать сюда?

– Он болен.

– Это очень удобный предлог, не так ли? – Китти сложила газету и сбросила ее со стола на пол.

– Что ты хочешь этим сказать? – Арчер понимал, что не должен с ней спорить, но его рассердила ее детская выходка.

– Я просто говорю, что это удобный предлог. Вот и все. Иди и хорошо развлекись с мистером Покорны.

– Насчет развлечения ничего не выйдет. Нам надо поговорить о работе. – Арчер нервно потирал лысину, пока не вспомнил слова Китти о том, что этот жест для нее означает одно: он лжет.

– Естественно. Естественно, ты должен поговорить о работе. Полагаю, и сегодня ты весь день работал.

– Фактически да.

– Фактически.

– Послушай, не надо говорить со мной в таком тоне, Китти. – Арчер пытался подавить раздражение, но без особого результата.

– Я ничего такого и не сказала. – Китти зло посмотрела на него. – Я лишь сказала «фактически». Простое такое понятное слово. Фактически.

– Мне очень жаль, что сегодня вечером я не могу повести тебя в кино. – Арчер попытался наладить отношения. – Может, сходим в кино завтра.

– Может, тебе и завтра придется работать, – передразнила его Китти. – Я бы не хотела перебегать дорогу твоей работе. По моему разумению, жене не положено вмешиваться в работу мужа. Ты со мной согласен?

– Пожалуйста, прекрати, – раздраженно бросил Арчер. Время от времени Китти устраивала ему сцены ревности, и каждая заканчивалась ссорой, затягивавшейся на много дней. Похоже, и сегодня события могли развиваться по знакомому сценарию. Арчер понимал, что обязан принять во внимание беременность жены и сгладить конфликт. Но день выдался трудным, и ему самому требовалась нервная разрядка. – Не будь занудой.

– Может, я ничего не могу с этим поделать. – Глаза Китти сверкнули. – Может, я по натуре зануда. Я занудная жена. Сажу дома, блюю и наливаюсь занудством. Я же не выхожу в большой мир, где мужчин ждет увлекательная работа. Поэтому вполне естественно, что я становлюсь занудой.

– Извини меня. – Арчер по-прежнему злился, но заставил себя пойти на попятную. – Не следовало мне этого говорить.

– Почему нет? Ты же сказал то, что думал.

– Я так не думал. – Арчер вздохнул.

– Теперь мы перешли к вздохам. – Китти сухо усмехнулась. – Бедного утомленного артиста, который провел тяжелый день в кабинетах руководства или где-то еще, совсем достала его глупая жена.

– Послушай, Китти, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы я представил тебе поминутный отчет? – Даже задавая последний вопрос, Арчер пытался найти убедительную ложь, чтобы не рассказывать Китти о том, чем он в действительности занимался. Не хотелось волновать жену.

– Меня это не интересует, – вскинулась Китти. – Совершенно не интересует.

– Мне пришлось повидаться с актерами, занятыми в программе. – Арчер пропустил ее слова мимо ушей. – Возникли некоторые вопросы, которые требовали немедленного разрешения.

– Какие вопросы?

– Чисто технические. Объяснять слишком долго.

– Ага, – радостно покивала Китти. – Технические. И это очень удобно. Где уж глупой жене понимать технические вопросы. Такое под силу только большим, взрослым, умудренным опытом мужчинам, а отнюдь не женщинам, которые только и умеют, что сидеть дома да рожать детей.

– Ради бога, Китти! – воскликнул Арчер. – Перестань жалеть себя.

– И я уверена, – теперь уже Китти проигнорировала его шпильку, – что и вечером ты тоже намерен решать технические вопросы. До какого времени? Закончишь в одиннадцать? В двенадцать? В пять утра?

– Я буду дома к десяти часам.

– Премного вам благодарна, мистер Арчер. – Голос Китти сочился сарказмом. – Ради меня напрягаться не стоит. Я сижу дома целыми днями и уж конечно найду, чем занять себя вечером. Послушай, Клемент, я не слепая. Я вижу, что-то не так. Ты полностью замкнулся в себе. Я не могу до тебя достучаться. Если ты этого хочешь, я возражать не буду. Только не надо лгать.

– Я не лгу. – Арчер все еще пытался оттянуть неизбежное. – Сегодня я виделся с Френсис Матеруэлл, Атласом, Элис Уэллер, а потом на час заглянул к миссис Крайтон.

– Матеруэлл и Атлас, – повторила Китти. – Ты четыре года делаешь эту программу и видишься с ними раз в неделю, по четвергам. И вдруг тебе не хватило одного дня.

– Не вдруг, – вздохнул Арчер. – Возникли проблемы.

– Какие? – пожелала знать Китти.

– Ничего особенного. – Арчер вновь собрался вздохнуть, но в последний момент передумал. – История эта очень скучная.

– Очень скучная. Естественно. Я так благодарна тебе за то, что мне не пришлось скучать с тобой за компанию.

– Послушай, я устал и хотел бы пообедать. Мне надо быть у Покорны в восемь часов.

– Ты от меня что-то скрываешь! – воскликнула Китти. – Я это чувствую. Что-то плохое. Ты не обязан говорить мне. Я не хочу ничего знать. Но только скажу тебе, что ты меня не обманешь.

– Я не пытаюсь обмануть тебя. Я...

– Ты выталкиваешь меня из своей жизни! – Китти уже кричала. – Ты строишь стену и оставляешь меня по другую сторону. Ты с кем-то спутался, а я сижу здесь, беспомощная, больная, ужасно выгляжу... – Она бросила печальный взгляд на свой раздувшийся живот. – У меня лезут волосы, кожа позеленела, вот ты и бросаешь меня.

Тут Арчер понял, что придется все рассказать. Он подошел к Китти, взял ее руки в свои.

– Китти, дорогая, послушай меня внимательно. Ты права. Я действительно кое-что от тебя скрывал. История эта очень неприятная. И я не посвящал тебя в подробности, потому что не хотел расстраивать. Мне очень жаль, что я так разволновал тебя.

Медленно, очень медленно Китти оттаяла. Подозрительность сошла с ее лица, она подняла голову, встретилась с Арчером взглядом.

– Речь идет о программе и никоим образом не касается тебя и меня. – И он рассказал обо всем, начиная с разговора с О’Нилом в четверг вечером. Говорил спокойно, стараясь создать впечатление, что ситуация скорее неприятная, чем опасная, не упомянул о своей угрозе подать заявление об отставке.

Китти внимательно выслушала его рассказ о встречах с Матеруэлл, Атласом, Элис Уэллер.

– Я еще не переговорил с Виком, – продолжал Арчер. – И до разговора с ним я не хочу ничего предпринимать. А пока, – улыбнулся он, – если ты увидишь, что я сижу в кресле и смотрю в потолок, знай, что думаю я о Карле Марксе, а не о блондинках или рыженьких.

Китти улыбнулась в ответ, но ее лицо тут же стало серьезным.

– Спасибо, что рассказал. Можешь думать, сколько тебе хочется. Захочешь поговорить – я рядом. Если, находясь дома, ты об этом забудешь, я пойму. И я соглашусь с любым решением, которое ты примешь. Каким бы оно ни было, я знаю, что оно будет правильным.

– Китти... Китти... – У Арчера перехватило дыхание. – Чтобы жена говорила такое мужу после девятнадцати лет совместной жизни...

Китти поцеловала его.

– Я серьезно. Я абсолютно серьезно.

– Надеюсь, ты не ошибаешься во мне, – вздохнул Арчер. – Господи, как я на это надеюсь!

Он привлек Китти к себе и поцеловал. Они стояли обнявшись, когда в кабинет вошла Глория, чтобы сказать: «Миз Арчер, обед на столе».

И они отпрянули друг от друга, чуть смутившись, потому что супруги, прожившие вместе девятнадцать лет, не целуются на глазах служанки.

Глава 12

Арчер сидел по другую сторону стола и наблюдал, как Покорны ест. Миссис Покорны отсутствовала, и Арчер непроизвольно то и дело поглядывал на часы, надеясь, что разговор закончится до ее возвращения. Опять же смотреть на Покорны очень уж не хотелось. Сидел он в ярко-оранжевом халате из искусственного шелка, с повязанным на шее грязным полотенцем. На халате темнели пятна, оставшиеся от прежних трапез, и от каждой ложки супа, донесенной до рта, появлялись новые. Ложку Покорны держал всеми пальцами, так крепко, что побелели костяшки пальцев. Ел он очень шумно, издавая неприятные чавкающие звуки. Параллельно с супом он засовывал в рот толстые ломти хлеба, набивая его до предела, с такой жадностью, словно пребывал в полной уверенности, что поесть в следующий раз ему удастся очень не скоро, а возможно, и никогда. На щеках проступила щетина, а кожа под спутанными прядями седеющих волос приобрела зеленоватый оттенок. Ноги Покорны в домашних шлепанцах постоянно елозили по ковру в такт движениям руки, поднимающей и опускающей ложку.

Куда легче, думал Арчер, жалеть человека, который умеет вести себя за столом.

От Покорны он ничего скрывать не стал, выложил все коротко и откровенно. Обман, решил Арчер, тут не поможет. Он все равно раскроется и принесет еще больше страданий.

– В общем, – подвел он черту, – насчет вас Хатт стоял как скала. Сказал, что, по его информации, вы сообщили о себе ложные сведения при въезде в страну и теперь Иммиграционная служба намерена с вами разобраться. Поэтому, чтобы спасти остальных, мне пришлось согласиться с вашим немедленным увольнением.

– Да. Конечно. – Покорны продолжал методично чавкать, забивая рот супом и хлебом. – Я понимаю. Попытка спасти остальных необходима. Вы мой друг. Я в этом убежден. – Его вставные зубы блеснули за мокрыми от супа губами. Арчер отвел взгляд, начал внимательно изучать часы-кукушку на стене. Нельзя осуждать человека за то, что он слишком шумно ест. – Я так рад, что вы сказали мне правду. Другие... второе агентство... они мне ничего не сказали, просто указали на дверь. Без всяких объяснений. – Он достал носовой платок, вытер нос. – Это невежливо. Я работал у них больше трех лет. Я заслуживал более деликатного отношения. И я знаю, что Иммиграционная служба проводит новое расследование. Они обращались к моим друзьям, задавали вопросы, а мои друзья сообщили об этом мне. – Покорны с прежней жадностью набросился на еду. – Я подумал, что тут может быть какая-то взаимосвязь, но полной уверенности у меня не было. Мистер Хатт – мой враг.

– Нет, – мягко возразил Арчер. – Это не так. Просто он очень осторожный человек.

– Он мой враг, – гнул свое Покорны. – Я знаю. Я видел, как он на меня смотрел. Я знаю, о чем думают люди, когда так смотрят на меня.

Арчер попытался припомнить, заметил ли он что-нибудь особенное в выражении лица или во взгляде Хатта, когда тот смотрел на Покорны.

– Он так смотрит на всех. – Арчеру не хотелось, чтобы Покорны думал, что его наказывают особо. – Держит на расстоянии, не подпускает к себе. От него так и веет холодом.

– Это точно. – Покорны покивал. – Но меня он просто терпеть не может. А тут еще консерватория, в которой я преподавал. Гармония и контрапункт. На следующий семестр они не нуждаются в моих услугах.

– Мне очень жаль. – Арчер взглянул на концертный рояль, заваленный нотами, который занимал едва ли не всю гостиную.

– Я этого ожидал. Беда не приходит одна.

– Не надо так отчаиваться, Манфред. – Арчер заставил себя смотреть на композитора. – Еще не все потеряно. Если Иммиграционная служба признает, что вины за вами нет, я уверен, что вы вернетесь и на радио, и в консерваторию.

– Иммиграционная служба докажет обратное. – Покорны наклонился вперед и вновь наполнил тарелку из большой фаянсовой супницы, которая стояла на середине стола. – Моя жена. Моя бывшая жена. Она говорила с ними. Она сумасшедшая. Ходит по улицам, но совершенно выжила из ума. Она меня ненавидит. Я знаю, что она наплела чиновникам. Теперь-то она будет счастлива. Меня отправят в Австрию, а она будет в восторге.

– Ну почему вы такой пессимист? – Арчера раздражала готовность Покорны признать свое поражение. – Я уверен, что вам дадут шанс изложить все факты.

– Все факты. – Покорны попытался рассмеяться, но в его глазах, прячущихся за стеклами очков, затуманенных паром, поднимающимся над супом, стоял страх. – Почему вы думаете, что эти факты помогут мне?

– Дело в том, Манфред, – заговорил Арчер, когда Покорны вновь склонился над тарелкой, – что я знаю вас достаточно долго и за это время не слышал ни слова, которое кто-либо смог бы использовать против вас.

– Да, – кивнул Покорны, – это так. Вы пойдете и скажете это инспектору?

– Разумеется, – ответил Арчер, хотя делать это ему как раз и не хотелось. – Если вам понадобится свидетель.

– Мне понадобится свидетель. Мне понадобятся сотни свидетелей. Но позвольте дать вам совет, мистер Арчер. Будьте осторожны. Не становитесь мне близким другом. Это может вам повредить.

– Ерунда, – отмахнулся Арчер. – Я не собираюсь лгать. Я скажу лишь то, что мне известно.

– А что вам известно обо мне? – Покорны оторвался от супа, его губы задрожали. – Уж простите меня великодушно, но вы ничего обо мне не знаете. Разве мы хоть раз говорили по душам? Мы вместе работали в программе. Вы говорили: «Манфред, здесь мне нужно пятнадцать секунд музыки. В прошлой передаче музыка удалась». Или вы могли сказать: «На прошлой неделе музыка была так себе, к следующей надо бы написать что-нибудь получше...» Вы всегда держались со мной предельно вежливо. Слушали меня, даже когда я нес чушь и говорил слишком быстро. Иногда подсмеивались надо мной, над моей нервозностью, моей манерой одеваться... – Покорны поднял руку и покачал головой, как бы отсекая возможные возражения. – Нет, нет. Это нормально. В ваших насмешках не было злобы, потому что, мистер Арчер, вы человек добрый. И высмеивали вы меня по-дружески. Во мне есть много такого, над чем можно посмеяться. Но разве мы соприкасались на более глубоких уровнях? Вы впервые пришли в мой дом. Вы никогда не встречались с моей женой. Я бывал в вашем доме только по работе, а когда работа заканчивалась, мы не знали, что сказать друг другу. Я отсиживал еще пять минут и уходил. И теперь совершенно неожиданно вы оказались втянутым в мои проблемы. Я бы не стал вас винить, если бы вы сказали: «Кто мне этот забавный маленький человечек? Он машинка, которую я достаю из шкафа каждый четверг. Теперь машинка вышла из строя, поэтому я беру другую машинку».

– На самом деле все совсем не так, – ответил Арчер.

– Нет. Разумеется, нет. Я знаю, что не так. Я лишь говорю, что не стал бы вас винить...

– Я пришел сюда, Манфред, – Арчер по-прежнему заставлял себя смотреть на этого невысокого человека с включенными седыми волосами, нависшего над тарелкой и проливающего суп на халат, – чтобы помочь, если это в моих силах.

– Почему? – Покорны поднял голову, не донеся ложку до рта, и с вызовом посмотрел на Арчера.

– Потому что я восхищаюсь вами. Потому что я не знаю второго такого композитора. Потому что уже три года вы пишете для меня музыку, которая мне очень нравится. – Арчер понимал, что это лишь малая часть правды. – Потому что я вас знаю. В этом, наверное, все дело.

– У вас сохранится желание помочь мне, – Покорны вновь склонился над тарелкой, – если я вам скажу, что мистер Хатт прав? Если вы узнаете, что я действительно сообщил о себе ложные сведения, чтобы въехать в Америку?

«Все виновны во всем, – тоскливо подумал Арчер. – Каким бы ни было обвинение, невиновных не найти. Назови статью, и у меня найдется подпадающий под нее друг».

– Все будет зависеть от фактов. – Он ушел от прямого ответа.

– От фактов. – Покорны отодвинул тарелку, вновь достал платок и вытер рот. – Если я изложу вам факты, вы сохраните их в секрете?

– Я ничего не могу обещать. Не говорите мне ничего такого, что потом может быть использовано против вас.

– Тогда вы почувствуете, что я от вас что-то утаиваю. – Покорны близоруко всмотрелся в Арчера. – Вы начнете верить всему, что говорят обо мне, поскольку не сможете это проверить. Рядом со мной у вас в голове будет стоять большой вопросительный знак. «Покорны, – скажете вы себе, – личность сомнительная. Похоже, ему есть что скрывать». Ладно! – Покорны резко встал, оранжевый халат распахнулся, обнажив пухлую, бледную, безволосую грудь. – Я расскажу вам все. Разницы-то никакой. Я все равно не могу лгать. Я ничего не могу скрыть. Мое лицо – мой собственный детектор лжи. Портативная модель. Мне задают вопрос, я начинаю нервничать, не проходит и минуты, как отвечаю, хотя и знаю, что лучше бы промолчать. Таким уж я создан, и тут ничего не изменишь. Я, как радиостанция, вещаю двадцать четыре часа в сутки. – Он рассмеялся своей шутке и подошел к библиотечному столику, на котором стояла тарелка с виноградом. Предложил виноград Арчеру: – Не желаете? В разгар зимы. Американский образ жизни. Холодильники. Из Аргентины. – Покорны засунул в рот пять или шесть виноградин, зубами оторвав их от грозди, и начал жевать вместе с косточками. – Совершенно безвкусный, – пробубнил он с набитым ртом и вернулся к столу, поставив тарелку с виноградом перед собой. – Я все время ем. Это болезнь. Мне кажется, внутри у меня дыра. Врач говорит, что я слишком толстый. Что артерии пребывают в нерешительности. Не знают, то ли им и дальше работать на меня, то ли подать заявление об уходе. – Покорны вновь хохотнул, запихивая в рот виноградины. – Врач говорит, я должен похудеть на двадцать пять фунтов, или он снимает с себя всякую ответственность. Я отвечаю, что не хочу нести ответственность за свои артерии, но врач не смеется. Не нравится ему европейский юмор, если речь идет о медицине. Калории, говорит он, убивают, он предсказывает мне инсульт. Я отвечаю, что внутри у меня дыра, но он считает, это у меня нервное. Врач молодой, современный, обычно говорит «психосоматическое». Я уверен, что после моей смерти он попытается сделать вскрытие. Вижу это по его глазам, когда он на меня смотрит. Он уже обеспокоен тем, что ему придется взрезать такой толстый слой жира. Он проведет вскрытие, а потом напишет статью о психосоматических дырах в венских композиторах с высоким кровяным давлением. Видите... я наконец-то понял, что могу с вами разговаривать. Неприятности... они развязывают язык, дают повод для обсуждения. Факты. – Покорны провел языком по зубам, очищая их от виноградных шкурок. – Я обещал вам изложить факты. А вы не обещали ничего. Это типичная для меня сделка. Так говорит моя жена. В отношении меня она не питает никаких иллюзий. Вы сегодня с ней познакомьтесь, но, пожалуйста, не принимайте всерьез ее слова. Она разочаровалась в нашем мире... из-за меня. Она думает, что мною пренебрегают, и наносит ответный удар. Ага... вы ерзаете на стуле. Вам надоела моя болтовня. Вы думаете: как долго этот толстяк будет ходить вокруг да около? Когда же он перейдет к делу?

– Говорите, сколько вам угодно. – Арчер чувствовал, что Покорны действительно оттягивает исповедь. – Сегодня я никуда не тороплюсь.

Покорны отодвинул тарелку с виноградом.

– Только не говорите ей, что я ел виноград. Она идет в ногу с наукой, знает все о содержании сахара в крови и холестеринových бляшках на стенках сосудов. Все американцы идут в

ногу с наукой. Каждое воскресенье в «Нью-Йорк таймс» печатают такие удивительные статьи. Она звонит врачу по телефону и закладывает меня. Она говорит: «За завтраком он съел два рогалика и четверть фунта сливочного масла». Она говорит, что мне придется искать другую жену, если у меня будет удар и меня парализует. Она старается запугать меня. Чтобы я снова стал молодым и здоровым. Она очень меня любит. Она сидит и слушает, как я играю на рояле. Закрывает глаза и плачет. Слуха у нее никакого, ей медведь на ухо наступил, но она все равно плачет. Из верности. Врач говорит, что секс тоже опасен. Он очень современный, он называет это отношениями. Мол, они вызывают перенапряжение сердца. Нынче все опасно. Есть виноград, спать с женой, писать музыку для радио. В такие уж времена мы живем. Когда я был моложе, нам и в голову не приходило, что еда, любовь или музыка могут привести к фатальному исходу. – Покорны чуть наклонился вперед, теребя полотенце на шее – то развязывая его, то затягивая ту же. Говорил он все быстрее, словно мысли спешили скатиться с языка, словно ему не терпелось выговориться человеку, которого до этого вечера он практически не знал, облегчить душу признанием.

Арчер прилагал все силы к тому, чтобы его лицо оставалось бесстрастным. Слушал внимательно, стараясь запомнить каждое слово. Подсознательно не позволял себе заранее прийти к какому-то мнению, не разрешал ни критиковать, ни жалеть Покорны.

– Причина всех моих несчастий – моя жена. Звучит это негалантно, такое не положено говорить композитору из романтической Вены. Но я ее люблю, а потому могу говорить правду. Она сегодня на собрании, но скоро должна вернуться. Она заглянет в супницу и скажет, что я съел слишком много, и будет грозить, что перестанет приносить домой белый хлеб. Она всегда на собраниях. Она коммунистка. Очень влиятельная коммунистка. Это удивительно, как ее слушают. Поэтому они и взялись за меня. Иммиграционная служба. Потому что они везде видят фамилию моей жены. Меня депортируют, потому что я женился на американке, родившейся в Даверпорте, штат Айова. И любовь выходит мне боком. Когда в порту была забастовка, моя жена привела сюда парня с раскроенным черепом. Еще четверть дюйма – и его мозги вылезли бы наружу. Его разыскивала полиция, а он прятался у нас. Спал на нашей кровати, а мы – на полу. Ради своих идей она готова на все. Она может быть очень опасна, если дать ей волю. Ей нельзя позволять командовать. Если будет принято решение о моей депортации, она устроит на пристани демонстрацию. С плакатами, клеймящими поджигателей войны. Тогда меня точно вышлют.

– Послушайте, Манфред... – Арчера зачаровывали хитросплетения жизни, которые открывались ему, но он считал своим долгом прервать Покорны, может, даже остановить его. – Вам совсем не обязательно рассказывать мне о жене. Все это не имеет ни малейшего отношения ни к программе, ни к вам.

– Прошу меня извинить, мистер Арчер, – сухо ответил Покорны, – но тут вы совершенно не правы. Очень даже имеет. Она слишком хорошо известна. Она экстремистка. Она привлекает ко мне внимание. Мне этого внимания не пережить. В ФБР на мою жену имеется вот такое досье. – Пухлые ручки Покорны отмерили десять дюймов воздуха. – И что написано в этом досье? Миссис Манфред Покорны замужем за беженцем, который попал в страну по разрешению, выданному в 1940 году. Никогда не пытался получить гражданство. Сейчас работает на радио. Следующий шаг – мистер Хатт. Следующий – прощай, Америка. Я рассказываю вам все это о моей жене, потому что об этом и так всем известно. А если бы и не было известно, они могли бы спросить меня. Я слаб, труслив, боюсь тюрьмы. Спокойствие я обретаю, лишь когда сочиняю музыку. Даже когда я ем... вы заметили... во мне все бурлит.

– Однако, – Арчеру практически удалось подавить в себе неприязнь к Покорны, – вы так и не сказали мне, в чем могут обвинить вас.

– Нет, – Покорны вновь потянулся к винограду, – еще не сказал. В 1940 году, когда я подал заявление с просьбой разрешить мне въезд в Соединенные Штаты, я находился в Мек-

сике. Жил на семь долларов в неделю. У меня была скрипка, очень хорошая скрипка, работы Гварнери³⁹, и я ее продал. Мексиканцы уже собирались выставить нас из страны. Моя жена... моя первая жена, я женился на ней в Вене в двадцать первом году, вновь и вновь повторяла, что покончит с собой, если нас вышвырнут вон. Мы уже побывали во Франции, Марокко, Санто-Доминго. Несколько американских музыкантов... они играли мои произведения, до войны я получил некоторую известность... Они поручились за меня. В анкете, которую я заполнил в Иммиграционной службе, был пункт о членстве в коммунистической партии любой страны...

Покорны замялся. Арчер пристально смотрел на него. Покорны потел. Струйки пота стекали с толстых щек на шею.

– Что я мог написать? – задал Покорны риторический вопрос. – У меня оставалось семьдесят долларов. Я еврей. Мои отец и мать уже сгорели в нацистских печах... Сейчас это звучит обыденно. Естественно. Но когда вспоминаешь, как выглядела моя мать, когда стояла у плиты и готовила обед... В платье из черного кружева. Когда вспоминаешь, как отец играл в симфоническом оркестре... Он играл на скрипке. Выдающихся музыкальных способностей у него, правда, не было, особенно если сравнивать с сыном...

Рот Покорны, набитый виноградом, искривился, и Арчер понял, что композитор вот-вот расплачется.

– Послушайте, не надо больше ничего говорить. Вы сегодня очень расстроены, ваша жена сказала, что у вас температура. Наверное, вам лучше лечь в постель. Может, разговор этот слишком для вас болезненный. Давайте поставим точку. Я приду еще раз, Манфред, когда вы поправитесь.

– А что бы вы написали в анкете? – Покорны его не слышал. – Америка рядом, по другую сторону границы. В двадцати милях. Все настроены по-доброму. Все сочувствуют. Все хотят помочь. Если ты пишешь «да»... – он пожал плечами, – ты исчезаешь. Ты с головой уходишь в трясину. Тебя забывают. Если ты пишешь «нет»... три маленькие буквочки... ты жив, ты музыкант, ты существуешь... «Да» или «нет». На бумаге все просто. А вот в жизни – нет. Иногда человеческую жизнь невозможно впихнуть в «да» или «нет». В Вене в двадцать втором году я вступил в Австрийскую коммунистическую партию. Вот. Теперь вы все знаете. Но «да» или «нет» ничего не говорят о том, как жили в Вене в двадцать втором году. Инфляция, забастовки, голод, речи, обещания... Как вместить все это в «да» или «нет»? И я вышел из партии два месяца спустя. Даже моей жене пришлось это признать, и я знаю, что все это она рассказала в Иммиграционной службе, потому что она обещала, что расскажет, когда я развелся с ней и женился на Диане...

Диана. Арчер почувствовал, как зачаровывает его это имя. Диана и Манфред Покорны. Имена слуг в музыкальной комедии. Просто невозможно представить трагический персонаж с таким именем. Диана Покорны с выговором уроженки Среднего Запада, комиссар портовых рабочих. Родители, думал Арчер, должны с большей ответственностью подходить к крещению ребенка, думать о том, какие обязательства накладывает на младенца данное ему имя.

– Она сумасшедшая, – продолжал Покорны. – Моя первая жена. Она постоянно приходит сюда и устраивает скандалы. Однажды принесла револьвер со спилленным бойком, но мы-то об этом не знали. Я плачу ей алименты, шестьдесят долларов в неделю, но она вечно больна и всегда пытается лечиться самыми дорогими лекарствами. Сейчас это кортизон. Она знает доктора, который готов взять ее в экспериментальную группу добровольцев, но курс лечения стоит триста долларов. И она уже шесть лет ходит к психоаналитику.

Арчер почувствовал, как его губы растягиваются в улыбке, и отвернулся, чтобы Покорны не увидел ее. Грех улыбаться, но сложности, которые навлек на себя Покорны выбором жен, поневоле вызывали смех. И при этом Арчер с неохотой признал, что агония, переживаемая

³⁹ Гварнери – семья итальянских мастеров смычковых инструментов, работавших в XVII–XVIII вв.

Покорны, совершенно его не трогает. «Может, – подумал Арчер, – если бы композитор расчесал волосы и перестал набивать рот виноградом... Если Покорны вызовут в Иммиграционную службу, – решил Арчер, – сначала я заставлю его пойти к парикмахеру и проверю, надел ли он чистое белье».

– Я вышел из партии, потому что там собрались идиоты, – говорил Покорны. В голосе его слышалась безмерная усталость. Он уперся локтями в стол, положил голову на руки. Лицо покраснелось, словно температура поднялась еще выше. – Коммунисты. Они начали учить меня, какую я должен писать музыку, какую слушать, чему должен аплодировать, чему – нет. Политики, которые не понимали разницы между сонатой и сигналом горна. Я тогда писал оперу и вдруг выяснил, что у либреттиста десять тысяч соавторов. Они слушали оперу не ушами... они слушали ее полным собранием сочинений Ленина. И я решил, что если они с умным видом дают указания, ни шиша не понимая в той области, в которой я полагал себя специалистом, значит, скорее всего они так же компетентны и в других областях, о которых я ничего не знаю. Поэтому я ушел от них. Тогда это не имело никакого значения. Мне было двадцать три года... и наши пути больше не пересекались... Я говорил Диане, но переубедить ее практически невозможно. Она говорит, что я – не заслуживающий доверия интеллигент.

Покорны выдавил из себя жалкую улыбку и продолжил:

– Где-то она права. Однако... сидя в маленькой комнатке в Мексике, проедая последние деньги, вырученные за скрипку, что бы вы сделали, увидев в анкете вопрос: «Были ли вы членом коммунистической партии какой-либо страны?» «Да» или «нет». Должны ли вы в такой ситуации говорить всю правду и ничего, кроме правды? Кому вы причините этим вред? На что может пойти человек ради того, чтобы выжить? В какие страдания должны оцениваться два месяца вашей жизни, которые имели место быть семнадцать лет тому назад, в другой стране, когда вам было всего двадцать три года? А теперь... – Покорны беспомощно пожал плечами. – Они покажут мне эту анкету. Они спросят: «Это ваша подпись?» Они спросят: «Все ли написанное в этой анкете правда?» Моя первая жена будет сидеть там, смотреть на меня. Она меня ненавидит, и ей все известно. Мой вам совет, мистер Арчер, держитесь от меня подальше, не пытайтесь помочь мне. Отрицайте наше знакомство. Говорите, что музыку вам приносил агент и, по его словам, она была написана неким Смитом. Говорите, что вы не знали о том, что я еврей.

– Послушайте, Манфред, – Арчеру вспомнилось предупреждение Барбанте, – это несправедливо. Какими бы ни были причины происходящего с вами, к вашему еврейству это не имеет никакого отношения.

– Имеет, – твердо заявил Покорны. – Как и всегда.

Арчер раздраженно посмотрел на него. Атлас, Покорны – комик и композитор, ушедшие в себя, отгородившиеся от мира, абсолютно уверенные в том, что корень всех бед следует искать в цвете кожи, национальности. Какую им ни подавай пищу, она всегда будет иметь горький привкус.

– Вы говорите, что мистер Хатт хочет уволить еще четверых. – Покорны использовал логику, чтобы еще сильнее помучить себя. – Но остальным он дал шанс, отложил вынесение приговора на две недели. Однако со мной... – Композитор невесело улыбнулся. – Я удостоен особой чести. Со мной церемониться не стали. Вышвырнули сразу. Остальные, как я понимаю, не евреи?

– Нет. – «Это самый худший момент, – думал Арчер. – Я предчувствовал, что так и будет».

– Почему, вы думаете, меня выделили среди остальных, мистер Арчер? – На лице Покорны заиграла победная улыбка, словно он радовался тому, что в этой дискуссии его точка зрения берет верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.